

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. И. ГОЛЬМАН

**СОВРЕМЕННАЯ МОНГОЛИЯ
В ОЦЕНКАХ ЗАПАДНЫХ
АВТОРОВ**

Москва
2009

ББК 72.4(3) (5 Мо)
Г60

Гольман М. И.

Г60 Современная Монголия в оценках западных авторов. —
М. : ИВ РАН, 2009. — 192 с.

ISBN 978-5-89282-399-9

Современная Монголия, идущая по пути рыночных реформ и демократизации общественно-политической жизни, является объектом пристального внимания и изучения со стороны стран Запада. В книге раскрываются и анализируются позиции и оценки западных авторов относительно всех основных революционных преобразований, которые произошли в Монголии после 1990 года в области политики, экономики, общественных отношений и идеологии.

ББК 72.4(3) (5 Мо)

ISBN 978-5-89282-399-9

© Институт востоковедения РАН, 2009

© Гольман М. И.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ: КТО И ЧТО ПИСАЛ НА ЗАПАДЕ О СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ	8
1. Информация и описания	8
2. Научные исследования.....	10
3. Прикладная литература.....	21
ГЛАВА I В ПРЕДВЕРИИ КОРЕННЫХ ПЕРЕМЕН: ПЕРЕСТРОЙКА ПО-МОНГОЛЬСКИ. 1986–1989	23
1.1. Западная пресса о перестройке	24
1.2. Взгляды ученых	26
ГЛАВА II РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ В МОНГОЛИИ	32
2.1. А. Сандерс: это революция!	32
2.2. М. Россabi о мирном переходе	34
2.3. О лидерах демократического движения	39
ГЛАВА III ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ: ПРОЦЕСС ДЕМОКРАТИЗАЦИИ	41
3.1. Особенности трансформации	41
3.2. Создание правовых основ и институтов демократии	42
3.3. Роль и место МНРП.....	46
3.4. Права и свободы граждан.....	48
ГЛАВА IV ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ: ПЕРЕХОД К РЫНКУ.....	52
4.1. Экономические реформы под огнем критики	54
4.2. Апологетика реформ.....	58
4.3. Экономический курс и его оценки.....	62

ГЛАВА V

ОБ АРАТАХ И НОМАДИЗМЕ	68
5.1. О жизни аратов в СХО.....	68
5.2. Реформа СХО и ее итоги	72
5.3. Отношение к номадизму	79

ГЛАВА VI

КУЛЬТ ЧИНГИС-ХАНА

И ВОЗРОЖДЕНИЕ ЦЕРКВИ.....	89
6.1. Возвеличивание и идеализация образа Чингис-хана	89
6.2. Чингис-хан в оценках А. Кэмпи и Хр. Каплонского.....	93
6.3. О возрождении ламаистской церкви.....	96

ГЛАВА VII

МОНГОЛИЯ И ЕЕ ПАРТНЕРЫ	100
7.1. О треугольнике Россия—Монголия—Китай	100
7.2. США и Монголия.....	111
7.3. Западная Европа и Монголия	119
7.4. Монголо-японские отношения	123
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	132
ПРИМЕЧАНИЯ	135
БИБЛИОГРАФИЯ	170
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	185
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	188
МОНГОЛЬСКИЕ ТЕРМИНЫ.....	189
SUMMARY	190

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло более 17 лет с того времени, когда уставшие от вялотекущей перестройки, провозглашенной XVIII съездом МНРП в 1986 г., и вдохновленные революционными событиями в странах Восточной Европы молодые, радикально настроенные представители монгольской интеллигенции, опираясь на широкие слои населения, недовольного низким уровнем жизни, экономическим и политическим застоём, совершили на стыке 80–90 гг. прошлого столетия мирную демократическую революцию.

В народе она получила название «Революция белой лошади» и обозначила начало перехода Монголии от «казарменного социализма» советского образца к строительству свободного, демократического, гуманистического общества и рыночной экономики.

На этом пути Монголия сразу же столкнулась с огромными трудностями: тяжелейшим экономическим кризисом 1990–1993 гг. с галопирующей инфляцией и товарным голодом, разрушительными стихийными бедствиями — гололедицей (дзудом) и засухой, вызвавшими массовый падеж скота в 2000–2002 гг., политической нестабильностью — за это время в стране сменилось 10 правительств и 3 президента.

Несмотря на это, монгольский народ, благодаря своей жизнестойкости, терпению и приверженности новым идеям, а также помощи мирового сообщества и, прежде всего, государств-доноров, сумел добиться в обозреваемый период крупных успехов в осуществлении глубоких преобразований многих сторон общественной жизни, в утверждении ряда базовых устоев демократии и рынка.

В области экономики во многом преодолен спад производства, инфляция снижена с более чем 300% в 1990 г. до 6–7% в 2005 г., уже с середины 90-х гг. была достигнута определенная макроэкономическая стабилизация, а с начала XXI в. наблюдается устойчивый ежегодный рост ВВП в среднем на 5–6%.

В результате проведенной приватизации утверждено господство частной собственности на скот, землю (кроме пастбищ), на многие производственные единицы в сферах торговли, услуг,

коммунального хозяйства. Частный сектор в промышленности и сельском хозяйстве в 2005 г. давал более 80% ВВП и экспортной продукции.

В области государственного строительства введен и работает институт президентства, принята новая демократическая конституция. Монголия стала парламентской республикой, в которой реально существует разделение законодательной, исполнительной и судебной власти, создан и функционирует Конституционный суд, действует многопартийная система.

В духовной сфере плюрализм занял место идеологического однообразия, возрождены буддизм и традиционные народные верования, культ Чингис-хана стал официальной государственной идеологией, сплачивающей нацию.

И во внешней сфере суверенная и независимая Монголия, благодаря своей внешней политике и безъядерному статусу, завоевала достойное место в международных отношениях, стала равноправным и конструктивным членом мирового сообщества.

Немудрено, что перемены и преобразования подобного масштаба, в чем-то схожие, а в чем-то отличные от изменений в России и странах Восточной Европы, вызвали определенный взрыв общественного и научного интереса Запада к этому переломному этапу монгольской истории, к демократическим процессам в стране кочевников. Тем более что она чуть ли не сразу, в отличие от недавних времен существования МНР, стала абсолютно открытой и доступной для посещения, для работы в монгольских архивах и книгохранилищах, для проведения полевых исследований и изучения текущей ситуации на месте, в городах и в худоне. К тому же этот интерес подогревался и подогревается объективным фактором превращения Запада — в силу коренных изменений соотношения сил в мире — в своего рода идейного вдохновителя и одного из главных спонсоров демократических и рыночных реформ в Монголии.

В итоге в Западной Европе и США накопилась немалая публицистическая, научная и прикладная литература, в общем, по всем основным направлениям развития Монголии в 1990–2006 гг.¹ Обзорение и анализ этой литературы и составляют цель настоящей работы.

У нее весьма ограниченные задачи: не вдаваясь в полемику постараться объективно показать какое освещение и какие оценки получили на Западе монгольская перестройка 1986–1989 гг., и революционные события 1990 г., смена политической структуры и процессы демократизации, экономические реформы и социальные проблемы, проблемы номадизма, перемены в духовной жизни, во внешнеполитическом положении страны.

И если наше обозрение будет в какой-то степени способствовать расширению историографической базы специальных исследований проблем, указанных выше, и лучшему представлению об отношении Запада к современной Монголии, автор сочтет себя вполне удовлетворенным.

ВВЕДЕНИЕ:

КТО И ЧТО ПИСАЛ НА ЗАПАДЕ О СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ

По своему содержанию и характеру обзораемую литературу можно весьма условно разделить на три категории: справочно-информационную, описательную и научно-исследовательскую.

Особый совершенно новый пласт монголоведческой литературы и источников представляют собой служебные материалы и растущее число тематических публикаций международных финансовых и донорских организаций и их представителей в стране. Несмотря на свой, в общем, прикладной характер эти публикации содержат во многом детальный анализ и экспертные оценки состояния и перспектив развития преимущественно социально-экономических, а также политических процессов, происходящих в стране.

1. Информация и описания

Итак, к первой категории в целом несомненно относится и выделяется своей уникальностью «Исторический словарь» Алана Сандерса², выдержавший два издания (Sanders, 1996; 2003). Его уникальность заключается в широчайшем охвате материала со времен Чингис-хана и до современности, в детальном перечне политических событий в Монголии за 1990–2002 гг., в биографических сведениях о политических деятелях, определявших развитие страны за этот период: президентах, министрах, парламентариях, лидерах и ведущих функционерах политиче-

ских партий. Для нашей темы особый интерес представляют оценочное введение автора и обширная библиография.

Уже первое издание «Исторического словаря» было встречено с одобрением, а расширенное и дополненное второе, по свидетельству издательской рекламы, «...усилило представление о первом десятилетии становления Монголии как полностью самостоятельного члена мирового сообщества, ее экономических и политических отношениях с непосредственными соседями (Китаем и Россией) и о ее растущих связях с США, Великобританией и ООН».

В информационно-описательной манере современная проблематика поднята А. Сандерсом в его ежегодных обзорах ситуации в Монголии за 1986–1991 гг. в журналах «Asian Survey» и «Asian Affairs», а также в массе коротких заметок о различных событиях в жизни страны в 90-е годы XX в. в журнале «Far Eastern Economic Review» (FEER), с которым он был тесно связан, работая с конца 60-х гг. до 1991 г. корреспондентом, редактором, а затем и заведующим отделом Дальнего Востока Британской радиовещательной корпорации (БиБиСи) и в 1971–1975 гг. проживая в Гонконге³. Будучи крупным специалистом по современной Монголии, А. Сандерс далеко не ограничивается публицистикой. Его разделы в ряде коллективных трудов, вышедших в обозреваемый период, и доклады на различных научных форумах, о чем пойдет речь в соответствующих главах нашей работы, носят исследовательский характер

К описательной категории можно отнести книгу американки Марты Эвери «Женщины Монголии», освещающей положение женщин в посткоммунистической Монголии (Avery, 1996), совместный труд американских и монгольских обществоведов «Монголия сегодня. Культура, окружающая среда, развитие», содержащий, в основном, общие сведения о природных условиях, традиционных знаниях и культурных традициях монголов, а также о некоторых преобразованиях, главным образом на селе (Mongolia today, 2003), коллективная работа западных авторов «Современная Монголия. Востребование Чингис-хана» — о возрождении культа основателя Монгольского государства после 1990 г. (Sabloff, 2001).

В эту же категорию входят и очерки путешествий по стране, совершенных западными авторами в начале 90-х гг. (Severin, 1991; Becker, 1993).

2. Научные исследования

В 1991 г. в Лондоне под редакцией и с введением известного тюрколога Ширин Акинер⁴ вышла коллективная работа, преимущественно английских востоковедов, «Монголия сегодня» (Akiner, 1991). Она явилась первым опытом научного освещения начального этапа преобразований в Монголии. В ее основу легли расширенные и дополненные материалы конференции, состоявшейся 27 ноября 1987 г. под эгидой Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета и английской Ассоциации по изучению Центральной Азии.

В 1994 г. вышла монография двух американских ученых одного из университетов штата Огайо (Case Western Reserve University), антропологов Мелвина Голдштейна и Синтии Белл «Меняющийся мир кочевников Монголии», целиком основанная на опросных данных и полевом материале (Goldstein, Bell, 1994).

Заметим, что социологические опросы и полевые исследования стали в обозреваемом периоде излюбленными методами работы западных специалистов, и эта книга явилась первым в то время полноценным результатом их применения.

Оба автора — опытные исследователи, много лет занимавшиеся изучением кочевников в Тибете, где собственно у них и зародилась идея пожить в монгольской скотоводческой общине.

В рамках Соглашения о научном обмене между США и МНР, вступившем в силу в 1989 г. и с американской стороны реализуемым Управлением международных исследований и обмена — Айрекс (International Research and Exchange Board — IREX), М. Голдштейн и С. Белл в сентябре 1990 г. прибыли в Улан-Батор «...с целью изучения общества, экономики и биологии скотоводов в период перехода Монголии к рынку и демократии» (Goldstein, Bell, 1994, с. 25).

После двухнедельной работы в городе, в котором, по их восторженным отзывам, «...царила атмосфера оптимизма после первых свободных выборов, формирования многопартийного

правительства⁵, появления, по крайней мере, дюжины независимых газет, продаваемых на каждом шагу» (Там же; 26), они вылетели в Кобдо. Оттуда на джипе направились в сомон Моост, а затем в животноводческий лагерь — стойбище (суурэ) Цагаан Бургас в 18 км от сомонного центра. Там они провели почти все три последних месяца 1990 г., а потом еще два месяца весной 1991 г. Летом 1992 г. М. Голдштейн в сопровождении своего дипломника Шередин Брилла еще раз посетил эти места.

Собранный материал предоставил авторам этого исследования возможность на конкретном примере перемен в жизни аратов Моост сомона Кобдоского аймака впервые на Западе показать детальную картину реформы системы аратских производственных кооперативов — СХО и приватизации скота в 1990 г. — первой половине 1992 г.

Недаром их исследование незамедлительно было переведено на немецкий язык и издано в Германии под названием «Номады Монголии: пастушеская культура между традициями и модернизацией» (Nomaden etc. 1994).

Работа М. Голдштейна и С. Белл получила объективную, на наш взгляд, характеристику редакции весьма компетентного журнала «Asian Survey»: «Эта прекрасно иллюстрированная книга предлагает первый взгляд изнутри на то, как распад советского блока отразился на очень далекой республике и ее кочевого населения... Голдштейн и Белл жили в обществе скотоводов для того, чтобы изучить как они адаптируются к переходу Монголии к демократии и рынку. Книга предлагает захватывающее чтение для каждого, кто интересуется номадами Монголии, Востоком и Центральной Азией...»

Проблема номадизма, сохранения традиционной культуры и образа жизни монгольских кочевников-скотоводов, их выживания и, более того, развития в условиях современного технологического мира и процессов глобализации в широком ретроспективном и сравнительном плане и на обильном историографическом и фактологическом материале, собранном, в частности, во время полевых исследований в Бурятии, Монголии и АРВМ, рассматриваются в фундаментальной работе известных английских монголистов Кэролин Хамфри и Дэвида Сниса «Конец номадизма? Общество, государство и природная среда

во Внутренней Азии», вышедшей в один год сначала в США, затем в Англии (Humphrey, Sneath, 1999).

В книге убедительно показано какие изменения происходят в огромной зоне, где веками доминировали монгольская культура, буддийская религия, номадизм и мобильный пасторализм, раскрыто, какие формы сейчас принимает номадизм, насколько европейское представление о нем соответствует действительности и каково возможное будущее кочевого скотоводства и кочевников-скотоводов. В издательской рекламации было отмечено следующее: «В свете осуществления программы по переводу кочевников к оседлости и приватизации скотоводческого хозяйства взгляды и концепция авторов этой книги обозначают не только новое направление исследований, но и желательность переосмысления правительствами трех стран их политики по отношению к номадизму».

Отметим, что выходу этого труда предшествовали совместное исследование К. Хамфри и Д. Сниса под названием «Пасторализм и структурные изменения во Внутренней Азии: сравнительные перспективы, вытекающие из исследовательского проекта» (Humphrey, Sneath, 1996) и издание под их редакцией интернационального, с участием монгольских авторов, сборника статей «Культура и окружающая среда во Внутренней Азии» в двух томах (Humphrey, Sneath, 1996). Первый том посвящен теме «Пастбищная экономика и природная среда», второй — «Общество и культура».

Здесь уместно отметить также, что К. Хамфри впервые занялась сбором материалов и изучением данной проблематики еще во время своих научных экспедиций в Бурятию в 1967 и 1975 гг., результатом которых явилась монография «Колхоз имени Карла Маркса: экономика, общество, религия в сибирском коллективном хозяйстве» (Humphrey, 1983), а Дэвид Снис в 1987 г. проводил годичные изыскания во Внутренней Монголии, где он неделями жил в аратских семьях в Ширин-голе и Хулун-буире. В итоге в 1991 г. вышла его монография «Общество пастухов в стадии перемен и китайское государство», выдержавшая два издания (Sneath 1991; 2004). В 2006 г. под редакцией и с введением Д. Сниса был опубликован сборник монголоведческих статей интернационального коллектива западных авторов «Состояние умов: власть, пространство и человек во Внутренней

Азии» — совместное издание Западно-Вашингтонского университета (Беллингем, США) и сектора Монголии и Внутренней Азии Кембриджского университета (Англия) (Sneath, 2006).

В 2006 г. датский антрополог Оле Брун (о нем см. ниже) издал монографию «Драгоценная степь: монгольские кочевники-скотоводы в погоне за рынком» — результат его многолетних, начиная с 1999 г. полевых исследований жизни и бытия аратов Хотон сомона Архангайского аймака Монголии (Bruun, 2006). В том, что касается описания скотоводческого хозяйства, циклических перекочевков, социальной организации и взаимоотношений в семьях и т. п. в исследовании много общего с работой М. Голдштейна и С. Белл — обе книги как бы дополняют друг друга. Но у О. Бруна значительно более широкие и пространственные — он обследовал почти все баги Хотон сомона — и временные рамки: он представил картину положения в худоне на первую половину первой декады XXI в. Кроме того, в заключительных главах подняты общие проблемы номадизма, роли государства, китайского фактора в жизни скотоводов. И в этом отличие и ценность данной исследовательской работы.

Трансформациям в кочевой жизни и в хозяйстве скотоводов Монголии посвящены также книга немецкого исследователя, специалиста по этнографии Центральной и Внутренней Азии Питера Финке (Finke 2004), публикации и выступления американских монголоведов Алисии Кэмпбелл (Campbell, 1996, 1997), Даниэля Розенберга (Rosenberg, 1992) и др., о которых речь впереди.

Вообще, проблемы номадизма — в широком и узком плане — так или иначе проходят сквозной темой во всех авторских и коллективных работах западных авторов по переходному периоду развития Монголии в 1990–2005 гг. Можно утверждать, что изучение комплекса вопросов, связанных с тем, что около 300 тыс. человек в современной Монголии по-прежнему кочуют и пастбищное животноводство на сегодняшний день продолжает оставаться стержнем аграрного сектора экономики страны и во многом материальным фундаментом культурной и национальной идентичности монгольской нации, составляет одно из основных направлений современного монголоведения на Западе. Это изучение носит достаточно целенаправленный характер, опирается в основном на результаты полевых исследований

и нацелено, главным образом, на вскрытие, анализ и освещение изменений, происходящих в данной сфере.

Что касается других сфер преобразований, происходивших в постсоциалистической Монголии, то они в наиболее комплексном виде представлены в двух крупных аналитических трудах, созданных на интернациональной основе. Это монография большого коллектива ученых и практических работников из Дании, Швеции, Монголии, США, Англии и Австралии «Монголия в стадии перехода. Старые структуры. Новые вызовы», вышедшая под эгидой Скандинавского института изучения Азии при участии и под редакцией датчан Оле Бруна и Оле Одгарда⁷ (Bruun, Odgard, 1996), и исследование «Монголия в двадцатом столетии. Блокированный космополит» — плод совместного труда американских, английских, монгольских, китайских, японских и русских авторов, в подавляющем большинстве своем монголоведов по профессии (Kotkin, Elleman, 1999). Книга написана на базе материалов международной конференции по Монголии, состоявшейся в феврале 1995 г. в Принстоне в рамках семинара по Северо-Восточной Азии Принстонского университета при финансовой поддержке Программы США—Япония (USA-Japan-Program), Школы Вудро Вильсона, Центра международных исследований, Отделения истории и Отделения Восточной Азии Принстонского университета. Она опубликована под редакцией американцев — советолога Стефана Коткина и историка-международника Брюса Эллемана⁸, принимавших активное участие в работе, и имеет следующее посвящение: «Николасу Попе (1897–1992), Оуэну Латтимору (1900–1989) и Николасу В. Рязановскому: ученым, учителям, наставникам».

Обе работы имеют много общих черт в оформлении: они отлично иллюстрированы, снабжены картами, массой диаграмм, таблиц, схем, содержат большие обзорные введения и солидную библиографию. Однако по содержанию они отличаются друг от друга. «Монголия в стадии перемен» целиком посвящена переходному периоду конца 80-х — первой половине 90-х гг. XX столетия с небольшими экскурсами в историю МНР и охватывает широкий спектр проблем современной Монголии, как то: ее внешнюю и внутреннюю политику, структуру органов власти в центре и на местах, жизненный уровень и бедность, экологию и организацию хозяйств скотоводов, использование

пастбищ, политику в области науки и технологии, положение женщин и др.

«Монголия в двадцатом столетии» охватывает, естественно, значительно более широкий исторический период: книга разделена на три части, из которых первые две — «Китайско-российская конкуренция в борьбе за Монголию» и «Международная дипломатия относительно Внешней Монголии» — освещают и анализируют преимущественно эволюцию внешнеполитического положения Монголии с начала века и до 1945–1946 гг. включительно⁹. И лишь третья часть — «Монголия сегодня» содержит интересующие нас главы о внутренних преобразованиях в стране, в том числе и в сельском хозяйстве в 1990–1997 гг.

В целом оба исследования очень важны как для выявления коллективной мысли и представлений западных ученых о процессах становления новой Монголии на первом этапе, так и для лучшего понимания этих процессов как таковых.

Авторское видение всего комплекса основных проблем политического, экономического и культурного развития Монголии в 1990–2004 гг., ее места в современном мире наиболее полно представлено в индивидуальной монографии американского сино-монголиста Морриса Россابي¹⁰ «Современная Монголия: от ханов к комиссарам и к капиталистам» (Rossabi, 2004). Сразу отметим, что, вопреки названию, истории «от ханов...» в монографии нет, а все ее 9 проблемно-тематических глав, начиная от первой («Монголия: мирный переход») и до последней («Китайско-монгольские отношения»), касаются различных аспектов развития Монголии в переходный период, а именно: переориентации страны с России на Запад (глава 2), проведения под эгидой международных финансовых организаций рыночных реформ в экономике и их политических и экономических последствий (главы 3–4), реформы села (глава 5), бедности и других социальных проблем (глава 6), состояния культуры и положения Монголии на международной арене (главы 7 и 8 соответственно).

Любопытна история создания этой работы, рассказанная автором в предисловии. Впервые М. Россابي приехал в новую Монголию в мае 1994 г. в качестве сопровождающего представителя «Института Открытое общество» (Фонд Сороса)

и, по его словам, подсказал Фонду идею открытия отделения в Улан-Баторе. Второй раз автор побывал в стране уже как член Бюро Фонда по Центральной Евразии в январе 1997 г. с заданием представить Информационную записку о событиях 1990–1996 гг., что и было им сделано в виде своеобразной статьи-отчета «Монголия в 1990-х годах: от комиссаров до капиталистов», опубликованной в «Периодических записках Фонда» и, кстати сказать, содержащей также краткий обзор истории Монголии со времен Чингис-хана до 1990 гг. (Rossabi, 1997). Это послужило как бы исходной точкой задумки профессора написать книгу о Монголии после краха коммунизма.

«Никаких других значительных работ об этом, — пишет М.Россаби, — не появилось, и никто из специалистов по Монголии не объяснил, почему страна, занимающая пятое место в мире по размерам иностранной помощи на душу населения, имеет очень высокий уровень безработицы, слабый рост ВВП и снижение сферы государственных услуг? Эта работа ищет объяснение этому и одновременно держит в фокусе внимания главных монгольских действующих лиц и их иностранных советников» (Rossabi, 2004, с.IX). Для реализации этих замыслов М. Россаби получил стипендию и гранты от Фонда Сороса и Фонда Смита Ричардсона и в 1998 г. провел два месяца в Монголии, после чего наезжал в страну до 2004 г. ежегодно на срок от трех недель до нескольких месяцев, а также получил возможность три месяца зимой 1999 г. работать над книгой в Стэндфордском университете в Беркли (штат Калифорния). Будучи в Монголии автор временами выступал советником монгольского отделения «Института Открытое общество» по вопросам культуры, искусства и образования.

Во время поездок ему удалось проинтервьюировать за 1994–2003 гг., по его подсчетам, 146 представителей всех слоев населения, в том числе 29 известных политических и общественных деятелей из высшего эшелона общества, включая двух президентов, восемь премьеров, руководителей основных политических партий, депутатов ВГХ и т. п. Полученные опросные данные стали его главным источником и легли в основу повествования. Наряду с этим М.Россаби довольно широко использовал монгольскую статистику, материалы монгольской прессы, документы и литературу международных донорских,

филантропических и отдельных религиозных организаций. И конечно, собственные заделы: статьи «Монголия: новое открытие?» (Rossabi, 1992, с. 278–283); «Монголия восстанавливает национальную идентичность» (Rossabi, 1996); «Новая Монголия в новом мире» (Rossabi, 2000, с. 242–285); доклады на конференциях в Копенгагене в 1999 г. и Тайбэе в 2000 г., на семинарах в Колумбийском университете, лекции и выступления перед студентами и преподавателями.

Автор утверждает, что опирался также на общетеоретические работы по проблемам глобализации, неолиберализма, рыночного фундаментализма и др. Вполне возможно, но каких-либо развернутых теоретических выкладок в подтверждение общей позиции автора и ее отдельных положений в работе обнаружить не удалось. А эта позиция довольно ясно обозначена уже в предисловии и сводится к следующему.

С крахом коммунизма в Монголии в 1990 г. международные организации доноров, такие как, например, как Международный валютный фонд (International Monetary Fund — IMF), Всемирный банк (World Bank — WB), Азиатский банк развития (Asian Development Bank — ADB), **Агентство международного развития США (United States Agency for International Development — USAID), Японское Агентство международного сотрудничества (Japan Agency for International Cooperation — JICA), их советники и сотрудники** «...имели возможность поощрить создание справедливой и продуктивной экономики, если бы они учли уникальные черты исторического наследия и особенности монгольского общества. Вместо этого они посоветовали монгольским властям принять т.н. “Вашингтонский консенсус” — экономический план, который предлагался всему бывшему коммунистическому миру». И далее автор определяет назначение своего произведения: «Эта книга является конкретным исследованием попыток верных приверженцев рыночной экономики, как монголов, так и иностранцев, перестроить политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь Монголии посредством рыночной экономики, о которой большинство монголов имеет ограниченное представление. Последовавшие шоковая терапия, приватизация, минимизация государственного управления, распродажа госпредприятий привели в результате к определенным политическим достижениям (стабильность, мирный переход

власти от одной партии к другой), но также к безработице, бедности, растущему разрыву в распределении доходов и сокращению помощи государства искусству, культуре и сохранению окружающей среды» (Rossabi, 2004, с. X).

Монография М. Россابي получила множество отзывов, в большинстве своем положительных и даже восторженных. «Современная Монголия» Морриса Россابي — прекрасная книга, существенно важная для сообщества доноров и потрясающий источник для изучающих сравнительную политологию, международные отношения и историю государственного строительства в Азии», — пишет в своей рецензии «Крупный вклад в дискуссию о развитии» китаистка и историк Паула Харрел. «Если эта книга послужит стимулом для бурных дискуссий и споров, тем лучше для будущего Монголии» (<http://www.amoloncom>).

Ей вторит известный американский монголист, лингвист и историк Пауль Белл: «Моррис Россابي снабдил нас книгой, которая является лучшим обзором недавней истории Монголии и одновременно лучшей критикой того безумного поспешного развития, которое имело место благодаря неверно поставленным Всемирным банком, Международным валютным фондом и другими организациями целям. Книга захватывает, она читается как роман, настораживает и пугает тем, что еще мы можем натворить в других странах, кроме Монголии во имя глобализации и продвижения рынка» (там же).

Высокую оценку книги своего протеже, естественно, дал директор фонда «Институт Открытое общество» Ариен Нейер: «Изящный литературный стиль Морриса Россابي, его глубокое знание Монголии и очевидное расположение к стране и ее народу делают “Современную Монголию” одним из лучших из имеющихся описаний трудного и сложного перехода страны к независимости и демократии»¹¹.

Восторженно и довольно эмоционально отозвался о книге некий простой читатель, монгол по национальности: «Наконец-то кто-то сказал это! Давно пора. “Современная Монголия” — прекрасная книга, сбалансированная, легко читаемая и очень глубокая. Я считаю, что доктор Россابي заслуживает аплодисментов за то, что сумел структурно показать все

то плохое, что новые правители (и демократы, и МНРП) и их советники (USAID, МДФ) навязали Монголии и ее народу».

А вот и сугубо отрицательный отзыв, причем человека не беспристрастного, но знавшего положение дел в Монголии изнутри, а именно бывшего советника премьер-министра Монголии М. Энхсайхана по экономике, автора нескольких соответствующих публикаций, американца Билла Бикейлса, работавшего на деньги USAID в Улан-Баторе в 1996–1997 гг. «Я был свидетелем, — пишет Б. Бикейлс, — многих событий, которые описывает Россابي, и знал многих умных и смелых монгольских политиков, которые должны были принимать трудные решения при чрезвычайно тяжелых обстоятельствах в 1990-х годах. Россابي ничего нового не сообщает, за исключением массы предвзятых суждений об экономистах и роли советников и международных финансовых организаций. Он навевался в Монголию в эти годы от случая к случаю, никогда не жил там, не знает языка и в некотором роде перепрыгнул себя в этой книге...

Россابي даже не представляет, как он оскорбляет руководителей страны, наводя на мысль, что они являются марионетками или жертвами обмана со стороны иностранных организаций... А дело в том, что они, в отличие от Россابي, живут в реальном мире и должны принимать решения исходя из реальных оптимальных вариантов и возможных последствий.

Россابي живет в комфорте в Нью-Йорке и по случаю, раз за разом прилетает в Улан-Батор, где чувствует себя компетентным высказывать суждения о людях, которые заняты реальным делом строительства сильного современного государства. Пропустите эту книгу мимо ушей, люди».

Не разделяя этих крайних оценок, мы, тем не менее, относимся к монографии М. Россابي со смешанным чувством. С одной стороны, она насыщена богатым фактологическим материалом и информацией, содержит немало интересных деталей и описаний, отражает искренние переживания и беспокойства автора, с другой — страдает односторонностью, субъективизмом и определенным принижением роли монголов в имевших место преобразованиях.

Как бы то ни было, на сегодняшний день это единственная работа на Западе, охватывающая целиком основные аспекты исторического развития Монголии в 1990–2004 гг., и как

таковая — наш важнейший источник и объект исследования, которому на этом основании мы здесь уделили и далее будем уделять много внимания.

Отдельные стороны внутреннего и международного положения Монголии в 90-х гг. XX в. рассматриваются в монографии немецкого международника Катерины Лэкс «Монголия в силовом поле Азии» (Лэх. 1995), в исследованиях американского антрополога Кристофера Каплонского «Правда, история и политика в Монголии: память о героях» (Kaplonsky, 2004)¹² и «Демократия в степи» (Kaplonsky, 2004), посвященных проблемам национальной идентичности и демократизации Монголии соответственно, и, конечно, в многочисленных публикациях необычайно плодovitого немецкого монголиста Удо Баркмана¹³. Ему принадлежат, в частности, аналитическая монография «Отношения между Монголией и КНР (1952–1996). Попытка диагноза» (Barkmann, 2001), большой раздел «Монголо-японские отношения (1990–1998). Монголия между глобализацией и регнотизацией» в книге «Япония 1998/99» (Barkmann, 1999). Он также автор фундаментальной монографии «История Монголии или “монгольский вопрос”. Монголия на путях к собственному национальному государству», охватывающей историю монгольской государственности со времен Цинов и до 1941 года и в предисловии затрагивающей положение страны в первой половине 90-х гг. (Barkmann, 1999, с. 9–20).

Что касается статей У. Баркмана по интересующему нас периоду, то их диапазон чрезвычайно широк: от истории и политики МНРП (Barkmann, 1996; 2000) до религиозного плюрализма и возрождения ламаизма (Barkmann, 1998; 2000); от советско-монгольских отношений на их последнем этапе в 1989–1993 гг., геополитической ситуации в стране и формирования новой политической элиты (Barkmann, 1995; 1997; 2000) до трансформации скотоводства и семьи в условиях перехода к рынку (Barkmann, 2000; 2002) и т. п.

Пожалуй, нет таких перемен в стране, о которых бы не писал У. Баркман, что делает его виднейшим немецким специалистом и знатоком современной Монголии.

Дополнительно по теме интерес представляют еще две коллективные работы. Это — публикация материалов международной конференции «Политическое и экономическое развитие

Монголии за последние 10 лет и перспективы на будущее», состоявшейся 23–24 августа 2000 г. в Тайбэе (Mongolia, 2000), и книга «Монголы. От села к городу: плавающие границы, пасторализм и городская жизнь на земле монголов» под редакцией О. Бруна и Нарангоа, основанная на материалах одноименной конференции в Скандинавском институте изучения Азии (NIAS), проведенной еще 28–30 октября 1999 г. (Bruun, Narangoa, 2006).

3. Прикладная литература

Как мы уже упоминали, накоплен большой и неуклонно растущий объем прикладных, служебных, оценочных, прогнозных публикаций, прежде всего представительств и экспертов работающих в стране международных финансовых организаций, членом которых Монголия состоит уже много лет. В большинстве своем они обрисовывают как общую картину движения Монголии к рынку с начала 90-х гг., так и трудности и проблемы на этом пути, предлагают свои рецепты, рекомендации и по их преодолению и направлениям дальнейшего развития.

Так, например, из публикаций МВФ можно отметить следующие: «Монгольская Народная Республика: рывок к рыночной экономике», «Переход Монголии к рыночной экономике на верном пути», «Программирование в Монголии», «Препятствия дальнейшему росту переходных экономик: монгольский пример», «Развитие и восстановление Монголии в период трансформации» и др. (IMF, 1991, 1994, 2000, 2003).

В изданиях Всемирного банка, помимо общих характеристик рыночных преобразований (WB, 1992, 1994), освещается, в частности, положение с оказанием помощи кредитованием этих преобразований, определяется стратегия планирования социальной политики по отношению к незащищенным слоям населения, даются оценки развития частного сектора, положения с бедностью, с показателями жизненного уровня, рассматриваются планы подъема сельских районов и т. п. (WB, 1993, 1994, 1995, 1996, 2000, 2003).

Представляют интерес также разработки Азиатского банка развития: «Монголия. Централизованная плановая экономика

в стадии перемен», «Изучение Монголии: аграрный сектор», «Программа развития системы образования», «Стратегическая линия развития экономического сотрудничества между КНР и Монголией» (ADB 1992, 1993, 1999, 2002). Кроме того, банк публикует ежегодные обзоры состояния экономики Монголии (ADB 1997, 1998 и т.д.).

Этот обзор, конечно, не носит исчерпывающего характера. Многое, видимо, осталось вне нашего поля зрения. Но представляется, что отмеченная выше литература, в своей совокупности, дает нам возможность показать, повторяем, какое отражение на Западе получили различные аспекты развития Монголии на последнем знаменательном отрезке современной истории. Как нам это удалось — судить читателям.

ГЛАВА I

В ПРЕДДВЕРИИ КОРЕННЫХ ПЕРЕМЕН: ПЕРЕСТРОЙКА ПО-МОНГОЛЬСКИ.

1986–1989

Как известно, курс на обновление жизни в стране (шинэтгэл) и трансформацию методов управления ее экономикой был впервые намечен в решениях XIX съезда МНРП (28–31 мая 1986 г.).

Съезд целиком одобрил перестроечные решения XXVII съезда КПСС (февраль 1986 г.), идеи «нового мышления» и признал целесообразность «постановки практической задачи перехода к экономическим методам управления на всех уровнях народного хозяйства» (XIX съезд МНРП, с. 44–45).

Решения XIX съезда и последующих пленумов ЦК МНРП, особенно Пленума от 1988 г., несомненно, привели к оживлению хозяйственной деятельности, к постепенному переходу на самофинансирование предприятий, получивших право самостоятельно приобретать оборудование и машины, заключать прямые контракты с поставщиками и смежными производствами. Произошло некоторое облегчение, либерализация административно-командных методов управления экономикой, осуществлены структурные изменения в правительственном аппарате, стали возникать снабженческо-сбытовые, торговые и промысловые кооперативы и т. п.

Перемены начались и в общественно-политической жизни, в среде молодежи, в средствах массовой информации, расширялись политические, экономические и культурные связи Монголии с внешним миром, произошло долгожданное установление дипломатических отношений с США, был окончательно

похоронен пресловутый «железный занавес» вокруг Монголии и двери страны широко распахнулись для гостей с Запада: ученых, журналистов, представителей различных фондов и организаций, путешественников.

Все это вызвало настоящий информационный бум на Западе, развивавшийся по нарастающей: достаточно сказать, что если за 1985–1988 гг. в Западной Европе было опубликовано 50 информационных и аналитических материалов о Монголии, то только за 9 месяцев 1989 г. их появилось более сотни¹.

1.1. Западная пресса о перестройке

Информационный поток о Монголии тех лет содержал как общие описания и характеристики перестройки в виде, например, впечатлений немецкого политолога Дитриха Хайнцига от посещения страны в 1989 г., опубликованных под названием «Ветры перемен в Улан-Баторе» (Hainzig, 1990), статьи французской монголистки Доменик Дюма «Реформы в Монгольской народной республике» (Dumas, 1990), репортажа корреспондента «Suddeutsche Zeitung» Питера Кунтце «Ветры перемен веют над степью» (Kuntze, 1989), корреспонденции журналиста газеты «Le Monde» Патриса де Вера «Улан-Батор: время перестройки» и др., так и освещения узловых, главных, с точки зрения западных наблюдателей и аналитиков, проявлений этой перестройки.

Особый интерес и внимание у них вызывали не столько перемены в экономике и экономической политике, в частности внедрение хозрасчета, а такие новые явления во все еще «социалистической» Монголии, как гласность (ил тод), реабилитация и начало возрождения культа Чингис-хана, открытость внешнему миру, договоренности с Советским Союзом о начале с апреля 1987 г. вывода советских войск, обострение внимания к историческому прошлому, культурному наследию, литературе и старой письменности.

Гласность, в целом, по единодушным оценкам западных авторов означала для монголов прежде всего возможность, как писала, к примеру, журналистка Вверена Штерн, «свободно дискутировать и обсуждать свое историческое и революционное

прошлое, давать ему справедливую оценку». А это привело к растущей критике Чойбалсана и его сподвижника и преемника Цеденбала, во время «...диктаторского правления которых, — продолжала В. Штерн, — тысячи монгольских интеллигентов, политиков и офицеров были уничтожены как “враги народа”» (Stern, 1989).

О разоблачении репрессий и критике Чойбалсана и Цеденбала вплоть до требований снести памятник Чойбалсану перед Монгольским университетом сообщалось в большинстве корреспонденций западных журналистов из Улан-Батора².

Гласность означала также допустимость критических высказываний в адрес Советского Союза, его доминирующей роли в Монголии, что для представителей западной прессы было тем более неожиданным и поразительным, ибо в их глазах на протяжении многих десятилетий до перестройки страна являлась «старейшим и преданнейшим сателлитом Москвы»³.

Вместе с тем в своих сообщениях из Улан-Батора они не преминули отметить, что начавшийся вывод советских войск, с одной стороны, вызвал чувства радости, облегчения и освобождения от советской опеки, с другой — внушал тревогу и опасения⁴.

Вывод войск увязывался ими также с нормализацией отношений СССР и МНР с КНР, открытостью Монголии внешнему миру, расширению ее международных связей: установлению дипломатических отношений с США, первому в истории визиту в октябре 1989 г. высокопоставленной торговой делегации из Англии в составе 20 человек и т. п.⁵

Но, пожалуй, главное, с чем связывали гласность западные наблюдатели, так это с «реабилитацией», т. е. с началом возрождения культа Чингис-хана как национального героя и символа монгольской государственности и национального единства монголов. Эта тема занимала центральное место в корреспонденциях из Улан-Батора и подавалась в целом в позитивном ключе, как закономерный пересмотр истории и показатель пробуждения национального самосознания и гордости⁶. Как резюмировала Ширин Акинер в предисловии к книге «Монголия сегодня»: «...так же как внешний мир открывает Монголию, так и они сами снова открывают свою историю...» (Akiner, 1991, с. XVII).

Но раздавались и голоса, предостерегающие от крайностей в раздувании культа Чингис-хана, оставившего «...горы черепов от Польши до берегов Японии», ибо это может создать проблемы для международного облика Монголии в глазах стран, переживших монгольское нашествие⁷.

Таковы основные перестроечные явления, которые находились в центре внимания информационных материалов западной прессы в 1986–1989 гг.

1.2. Взгляды ученых

Общее впечатление о ситуации в стране в эти годы выразила все та же Ширин Акинер в своем обзоре «Монголия 1990 г.», который открывал книгу «Монголия сегодня». «МНР сегодня, — писала она в августе 1990 г., — производит впечатление страны, которая только что проснулась, только что освободилась от рабства. В ней много нововведений, но что парадоксально — много того, что остается существенно прежним. В течение следующих нескольких лет произойдет много новых событий, появятся новые памятные имена и даты, но что более чем вероятно, Монголия тем не менее останется узнаваемой и уникальной сама по себе» (Akiner, 1991, с.XXIV).

Книга «Монголия сегодня», как уже отмечалось, в отличие от публицистики представляет первую попытку представить научную картину перестройки по-монгольски.

Так, Алан Сандерс в разделе «Обновление и открытость» предлагает следующую периодизацию и характеристику перестроечных процессов.

Первый этап — с 1984 по 1986 гг. — определяется в целом как период устранения Ю. Цеденбала и выдвижения Ж. Батмунха, как период некоторых других кадровых перемен в руководстве МНРП и государством. Несмотря на эти изменения, отмечает А. Сандерс, назначенцы и соратники Ю. Цеденбала, такие, например, как Д. Моломжамц, Б. Дээжид и другие, сохранили за собой руководящие посты и по численности превосходили назначенцев Ж. Батмунха и в Политбюро ЦК МНРП — 4 против 3, и в Секретариате ЦК — 3 против 2, и в Совете министров — 16 против 12 (Sanders, 1991, с. 59–60).

И хотя среди государственных мужей и партийных функционеров были как сторонники, так и противники обновления, Политбюро во главе с генсеком Ж. Батмунхом не без колебаний выступило за проведение «скромной реформы по управлению экономикой».

Подводя итоги этому как бы подготовительному этапу, А. Сандерс отмечает: «Устранение Ю. Цеденбала дало новому руководству возможность если не сразу приступить к реформе, то по крайней мере постепенно подготовиться к более радикальному улучшению административного аппарата, планирования и экономического механизма, а также к укреплению партийного контроля над ним» (Sanders, 1991, с. 60).

Собственно, перестройка (орчилон байгуулалт), по А. Сандерсу, стартовала на втором этапе — 1986–1989 гг. Ее «запоздалому» началу помогли решения XIX съезда МНРП, толчком и стимулятором для которых стали горбачевская перестройка и XXVII съезд КПСС. А. Сандерс основательно изучил материалы, на наш взгляд, квазиперестроечного XIX съезда и последовавших за ним пленумов ЦК МНРП и выступления Ж. Батмунха, которого он без конца цитирует. Это позволило ему выявить даже такой показательный нюанс, как отсутствие термина «перестройка» в отчетном докладе Ж. Батмунха на XIX съезде, в Директивах ЦК МНРП по экономическому и социальному развитию Монголии на 1986–1990 гг., в юбилейной речи председателя Совета министров Д. Соднома по случаю 65-й годовщины победы революции 1921 г. От себя скажем, что это свидетельствовало о весьма осторожном, осмотрительном подходе в общем консервативного руководства МНР к новаторским по тем временам, перестроечным идеям М.С. Горбачева по крайней мере в начале второго этапа перестройки по-монгольски в 1986 г.

И лишь в мае 1987 г., выступая на съезде профсоюзов Ж. Батмунх заявил, цитирует А. Сандерс, что «перестройка — это наша дорога, на которую мы ориентируемся. При этом наши партийные, государственные и общественные организации должны творчески изучать советский опыт перестройки» (Sanders, 1991, с. 66).

Конкретные проявления перестройки А. Сандерс видит, прежде всего, в определенной реорганизации административного

аппарата управления экономикой, которое-де началось с учреждения Государственного комитета по строительству в декабре 1986 г., затем в реформировании и слиянии ряда министерств и ведомств в 1987 г., что увенчалось ликвидацией в январе 1988 г. Госплана, Государственного комитета по ценам и стандартам и Госкомитета по труду и социальной безопасности и образованию на их месте Госкомитета по планированию и экономике во главе с заместителем премьер-министра П. Жасраем.

Отмечает он и такие перестроечные меры как разрешение Министерством и ведомствам самим решать вопросы приобретения машин и оборудования для соответствующих предприятий, переход последних на самофинансирование и хозрасчет с правом самим устанавливать прямые производственные и научно-технические связи, расширение полномочий местных органов власти, создание на добровольной основе т.н. «трудовых товариществ» (ходолморийн нохорлол), торговых и снабженческих кооперативов, установки на обновление человеческого мышления и т. п.

«Таким образом, — заключает А.Сандерс, — второй год перестройки (1987. — М. Г.) пришел к своему окончанию с новыми свидетельствами серьезных попыток стимулировать человеческий фактор и провести административную реорганизацию в соответствии с задачей совершенствования экономического механизма» (Sanders, 1991, с. 69).

И если курс на перестройку в экономике и в системе управления и его итоги к концу 1987 г. вызывал у А. Сандерса, как видим, в общем позитивные, мы бы сказали, даже преувеличенные оценки, то вот состояние дел с таким важным показателем, как гласность, в 1986–1987 гг. оценивалась им весьма критически. А. Сандерс считал, что даже в 1987 г. «...политика гласности — “ил тод” как его называют монголы, кажется, все еще своими корнями погружена в систему партийной информации, т. е. иначе говоря, партийные средства пропаганды по-прежнему решают, что можно открыто обсуждать» (Там же).

«Весна гласности», по А. Сандерсу, началась лишь в начале 1988 г. с открытой социологами и историками (К. Зардыханом, А. Минисом и др.) на страницах печати дискуссии о причинах застоя в Монголии, с критики политики Ю. Цеденбала и «бюрократического централизма» действующего правительства,

упрощенного понимания им социализма, с протестов против закрытости многих архивов и т. п.

И хотя внутри страны гласность, как считает автор, создавала платформу для борьбы с бюрократией, а «новое мышление» в сфере внешней политики открыло дорогу к межгосударственным контактам с Китаем⁸ и установлению дипломатических отношений с США, однако «партийная печать сохраняет весьма жесткий контроль над информацией о внешнем мире и в Улан-Баторе нельзя купить западных газет» (Там же, с. 74).

Такими словами А. Сандерс заканчивает свою характеристику монгольской перестройки, хронологически выдержанную и событийно насыщенную, причем в последнем плане она во многом повторяет и обобщает его ежегодные обзоры ситуации в стране в 1996–1998 гг. и особенно последний из них «Монголия в 1998: год обновления» (Sanders, 1999, с. 46–53). Именно этим годом завершается раздел А. Сандерса «Обновление и открытость» в книге «Монголия сегодня». Логическим дополнением к нему можно считать его обзорную статью «Монголия в 1989: год приспособления» (Sanders, 1990a, с. 59–66).

Здесь А. Сандерс, анализируя положение страны в 1989 г., концентрирует внимание на «прагматических» решениях декабрьского Пленума ЦК МНРП 1989 г. По его мнению, они отражали стремление руководства МНР приспособиться к стихийно резко меняющейся обстановке в стране: усиление критики наследия Х. Чойбалсана и административно-командных методов управления Ю. Цеденбала, появление требований проведения многомандатных выборов в ВНХ, недовольство растущей безработицей, нехваткой, несмотря на принятую правительством Продовольственную программу, муки, чая, конфет, сахара, войлока и одежды, промтоваров, становление демократического движения.

И хотя во внешней сфере 1989 год был успешным — впервые за 30 лет состоялся результативный визит министра иностранных дел МНР Ц. Гомбосурэна в КНР (30.03. — 03.04.1989 г.), произошла нормализация отношений МНРП и КПК, имели место рост товарооборота с Японией и Англией, расширение международных связей через ООН, внутри страны, как отмечает А. Сандерс, «...монгольские лидеры столкнулись с необходимостью резко усилить борьбу за решение экономических

и социальных проблем, включая низкую продуктивность, нехватку твердой валюты, сокращение реальных объемов помощи при росте цен на плохого качества товары, импортируемые из стран СЭВ» (Sanders, 1990a, с. 66).

Однако решению этих проблем, как еще ранее указывал А. Сандерс, препятствовала «неэффективность работы государственного аппарата» (Sanders, 1989, с. 52).

Общий вывод А. Сандерса в его обозрении 1989 года в Монголии звучит как предвестник кануна революционных событий конца 1989 — начала 1990 гг., которых он, впрочем, не касается: «Правительство, — заключает ученый, — пыталось приспособиться к росткам демократии. Однако молодежь проявляла признаки потери терпения неспособностью консервативного руководства к радикальным реформам» (Sanders, 1990a, с. 66).

От себя добавим, что руководители МНР во главе с Ж. Батмунхом и не помышляли о радикальном реформировании монгольского общества. Вся их политика была направлена на сохранение статус-кво государственной структуры и своего привилегированного и руководящего положения в ней, на латание дыр в социалистической экономике и ее незначительную модернизацию в целях дальнейшего продвижения МНР по пути социализма.

В экономическом плане перестройка оказалась малоэффективной. VIII пятилетка (1986–1990), по существу, провалилась, хотя Михаэль Кейзер⁹, автор экономического раздела в книге «Монголия сегодня», и называл Директивы ЦК МНРП по этому пятилетнему плану «программой реформирования и модернизации» (Kaser, 1991, с. 111–112).

В политическом плане за годы перестройки ничего не изменилось. Как справедливо отмечал правовед и политолог Том Гинзбург¹⁰ в коллективном труде «Монголия в двадцатом столетии. Блокированный космополит»: «МНРП весьма медлила с перестройкой и гласностью... и в конце 80-х гг. отставала даже от советских полумер, в стране не было и намека на изменения в политической структуре...» (Kotkin, Elleman, 1999, с. 229).

Мы в принципе разделяем также общую оценку перестройки в Монголии авторов монографии «Монголия: революция и неза-

висимость (1911–1992)» монгольского философа Д. Дашпурева¹¹ и индийской монголистки Уши Прасада¹².

Вот что они пишут в этом совместном труде, созданном во время работы Д. Дашпурева по культурному обмену ассистентом-профессором на кафедре монголоведения Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру в Дели в начале 90-х гг.: «Даже тогда, когда на Горбачева выпала миссия решительно выступить за децентрализацию и инициировать политику демократизации... монгольское руководство, как преемник Ю. Цеденбала, продолжало политику советизации с некоторыми элементами горбачевской перестройки, призванными придать этой политике новый облик. Хотя эти элементы продолжали выглядеть в своем большинстве, как корабль, потерянный в океане» (Dashpurev, Prasad, 1993, с. 60).

В обозрении «Свобода в мире, 1989–1990», опубликованном в ежегоднике «Freedom House Survey» в Нью-Йорке в 1990 г., Монголия 1989 года определена как «несвободная страна, где сохранялись однопартийность, КГБ, высылка диссидентов, жесткий контроль над средствами массовой информации, образованием и религией» (цит. по: Bruun, 1996, с. 147).

Это определение звучит, по нашему мнению, как главный итог перестройки по-монгольски, при всем при том, что она объективно, вопреки устремлениям руководства, пробудила, посеяла некоторые ростки демократии.

В целом же к переломному 1990 году МНР пришла отсталой страной с нерациональной структурой промышленности, застойным сельским хозяйством, низким уровнем жизни населения и монополией МНРП на власть. Это и привело к революционным событиям конца 1989– начала 1990 г., обозначившими «коренной водораздел в современной истории Монголии» (Dashpurev, Prasad, с. 60).

ГЛАВА II

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ В МОНГОЛИИ

Как известно, период с декабря 1989 по апрель 1990 г. в Монголии был ознаменован бурным всплеском и развитием протестного демократического движения: митингами, демонстрациями, голодовками и другими драматическими событиями, получившими в стране определение как мирная демократическая (или либерально-демократическая) революция «белой лошади».

История этой революции еще не написана на Западе, нет и специальных работ, целиком посвященных этой теме. Однако ход событий, которые привели к победе демократических сил, правда, без их глубокого анализа, зафиксирован Аланом Сандерсом, более подробно описан Моррисом Россabi. Объективно оба автора во многом повторяют и дополняют друг друга, но у них разный стиль — протокольно-хронологический у первого и в целом описательный у второго. Ну а главное — у них разные оценки характера этих событий, что и представляет для нас наибольший интерес.

2.1. А. Сандерс: это революция!

Сразу отметим, что А. Сандерс внимательно следил и оперативно откликался на развитие событий в Монголии в обозреваемый период своими короткими заметками в «Far Eastern Economic Review».

А в своем «Историческом словаре по Монголии» он дает уже сводный, не выборочный перечень революционных событий по месяцам: демонстрации против МНРП и бюрократического режима, организованные Демократическим союзом, Социал-демократическим движением, Новым прогрессивным союзом¹ и Союзом студентов (январь), снос памятника И.В. Сталину (февраль), отставка Политбюро ЦК МНРП и Совмина (март), Чрезвычайный съезд МНРП (апрель), принятие Закона о политических партиях и введение института президентства (май), первые в стране многопартийные выборы в ВНХ (июнь) и т. п.

И хотя в этом перечне есть упоминание и о таких знаменательных событиях, как реабилитация Д. Тумур-Очира², Ц. Лохууза, Б. Нямбуу и Б. Сурмажава³ в марте 1990 г., реорганизация Министерства общественной безопасности в апреле 1990 г., восстановление Малого Хурала⁴ в мае 1990 г., в целом он дает весьма фрагментарное представление о том, как менялась ситуация в стране в эти мятежные месяцы, как непосредственно проходил период, так сказать, «бури и натиска» с конца 1989 г., приведший к победе демократической революции в первой декаде марта 1990 г.⁵

И тем не менее сводка А. Сандерса, несмотря на всю свою лапидарность, дает определенное представление о динамике, нарастании мощи демократического движения в этот период, его борьбе с правящим режимом, о появлении новых политических партий и других революционных переменах в стране и обществе.

Все это, на наш взгляд, дало основание автору считать эти события и перемены революцией и постулировать следующий вывод: «В 1990 г. демократическое движение в ходе *мирной революции* (курсив мой. — М. Г.) свергло коммунистическое руководство. Этот бескровный переворот получил различные определения: и как рождение демократии, обозначившее конец социалистической Монголии и периода советского патронажа, и как начало перехода к рыночной экономике» (Sanders, 2003, с. 2).

2.2. М. Россابي о мирном переходе

Именно так — «Монголия: мирный переход» — озаглавлена глава I монографии М. Россابي «Современная Монголия», в которой он подробно прослеживает и рассматривает стадии зарождения и развития демократического движения в стране.

Его корни автор относит к 1988 г. к кружку С. Зорига⁶ «Новое поколение» и дискуссионному «Клубу молодых экономистов» М. Энхсайхана⁷ и Д. Ганболда⁸ — неформальным объединениям, возникшим под влиянием горбачевской перестройки в СССР.

Их деятельность на этой, так сказать, эмбриональной стадии демократического движения сводилась, по Россابي, к жарким спорам и дискуссиям за закрытыми дверями, т. е. «на кухне», о необходимости реформ, к критике властей за бездействие, агитации, преимущественно среди студентов и интеллигенции, а затем и к нелегальному расклеиванию листовок против «гнета бюрократии» и монополии МНРП на власть.

Как полагает автор, все это поначалу носило спорадический и аморфный характер и выглядело как «конфликт поколений: радикальная молодежь менее 30 лет от роду выступила против престарелого — половина членов Политбюро ЦК МНРП была в пенсионном возрасте — и консервативного руководства — 35 депутатов ВНХ, к примеру, заседали там пятый срок подряд» (Rossabi, 2004, с. 10)⁹.

Новая стадия началась в декабре 1989 г. с выходом сторонников реформ на открытую политическую борьбу с властью. К этому их подтолкнули революционные перемены в Восточной Европе, начавшийся распад социалистического содружества и, конечно, в первую очередь рост недовольства обстановкой в стране, консерватизмом и неспособностью руководства провести коренные реформы.

Вот как М. Россابي характеризует внутреннюю ситуацию, сложившуюся к декабрю 1989 г. «...поддержка некоторой частью руководства МНРП и правительства перемен не трансформировалась в реформы. МНРП по-прежнему оставалась единственной легальной партией. Правительство все еще продолжало нарушать права человека и не ослабляло зажима средств массовой информации. Тайная полиция, органы безопасности и армия оставались нетронутыми, репрессии продолжались.

Например, власти пытались арестовать людей, расклеивавших листовки и писавших красками на стенах домов призывы покончить с однопартийной системой» (Там же, с. 9, 10).

В итоге недовольство выплеснулось на улицы и 10 декабря, в Международный день защиты прав человека, на центральной площади Улан-Батора, носящей имя Сухэ-Батора, человека, который, как отмечает автор, «в июле 1921 г. провозгласил независимость Монголии от Китая и победу коммунизма в стране», состоялась во многом, по его мнению, стихийная демонстрация, возвестившая о создании Монгольского Демократического союза под руководством С. Зорига.

Подробно отслеживая волну демонстраций и митингов под эгидой Демсоюза, прокатившихся в декабре 1989 г. и, особенно в январе 1990 г. в Улан-Баторе, а также в Мурене, Дархане и Эрдэнэте, автор убедительно показывает, что они шли по нарастающей как по числу манифестантов и расширению их социального состава, так и по радикализации выдвигавшихся требований.

Сравнивая, например, демонстрации 10 декабря 1989 г. и 21 января 1990 г., он отмечает, что если первая собрала около 200 интеллектуалов, вышедших с лозунгами «Многopартийность существенна», «Уважайте права человека больше всего» и «Свободу прессе», то на вторую, несмотря на 30-градусный мороз, собралось несколько тысяч представителей самых различных слоев населения столицы и посланцев из худона. Она была хорошо организована Координационным комитетом Демсоюза, избранным в конце декабря 1989 г., и ее главным требованием была полная реализация структурных и конституционных реформ, предложенных Демсоюзом в ноябре в петиции к VII Пленуму ЦК МНРП и очередной сессии ВНХ. Россabi характеризует ее как «первый гражданский манифест» (Там же, с. 11, 15). Центральным пунктом этого «манифеста», считает он, было требование досрочного проведения выборов в Великий Народный Хурал с правом избирателей на свободное выдвижение кандидатов в депутаты Хурала, его подотчетности народу, а не верхушке МНРП, доступности материалов сессий Хурала для общественности» (Там же). Демсоюз также требовал изменения Конституции, внесения в нее статей об обязательстве государства соблюдать основные права человека, защищать

свободу слова и печати, свободу передвижений, свободу вероисповедания и провести реформу плановой экономики.

Многотысячная демонстрация 21 января 1990 г. подтвердила решимость Демсоюза добиваться осуществления всех этих требований.

К этому времени демократическое движение, как явствует и из описания М. Россаби, стало массовым и организованным, обрело руководящий центр и программу дальнейшего развертывания, по сути, кампании гражданского неповиновения.

Демонстрации и митинги в Улан-Баторе продолжались весь февраль, практически в конце каждой недели, сопровождаемые временами волнениями среди рабочих и техников Эрдэнэта^{9а}, требовавших равной оплаты труда с советскими специалистами (Там же, с. 13).

Но главное, чем был знаменателен февраль 1990 г., так это появлением на арене борьбы новых политических организаций: 16 февраля — Монгольской партии национального прогресса под руководством Д. Ганболда, выступившей, как отмечает М. Россаби, «за приватизацию государственной собственности, включая промышленные предприятия и банки, и ускоренное введение рыночной экономики» (Там же, с. 17) и 18 февраля — Монгольской демократической партии во главе с Э. Бат-Улем¹⁰, провозглашенной на проходившем в этот день Первом съезде Монгольского Демсоюза. Обе партии потребовали своей легализации и проведения многопартийных выборов.

Автор отмечает, что правительство дрогнуло и в принципе, согласилось с необходимостью некоторых реформ, предложенных Демсоюзом, но собиралось их осуществить в течение ближайших пяти лет, что совершенно не устраивало демократические силы.

Видя, что дело не движется, а стоит на месте, Демсоюз выдвинул требование отставки Политбюро ЦК МНРП и правительства и прибег к новой тактике борьбы — голодовке 10 членов Координационного комитета на площади имени Сухэ-Батора в центре столицы, которая началась в 14 часов 7 марта 1990 г. при температуре воздуха 15 градусов ниже нуля. На этот шаг, по М. Россаби, демократов подвигли примеры с голодовками Ганди, бойцов Ирландской республиканской армии, и, более всего,

китайских студентов на площади Тяньаньмень всего 6 месяцев тому назад (Там же, с. 18).

Сразу отметим, что М. Россаби пропускает или просто не знает, что непосредственным поводом для объявления голодовки послужило отсутствие ответа на своего рода ультиматум, предъявленный правительству демократическими организациями 4 марта на исходе мощного, с участием десятков тысяч человек¹¹, митинга на площади перед музеем Ленина, впоследствии названной Площадью Победы, и последовавшей затем демонстрации вокруг Дома правительства на площади имени Сухэ-Батора. В нем содержались требования созыва Чрезвычайного съезда МНРП и Временного Народного Хурала, отставки руководства и др. Срок ультиматума истек в полдень 7 марта, и через два часа начался «великий пост» для Бат-Уля со товарищи¹², к которым 8 марта присоединились еще 18 человек.

Опираясь, главным образом, на работу Х. Дашцэвэга «Записки об истории монгольской национально-демократической партии» (Дашцэвэг, 1998), свои интервью с Д. Ганболдом, бывшим членом Политбюро ЦК МНРП Д. Моломжамцем и др., М. Россаби в общем и целом достаточно достоверно описывает ход и перипетии этой отчаянной акции, ее поддержку уланбаторцами, рабочими Эрдэнэта, чья часовая забастовка в этот же день парализовала работу рудника, забастовавшими тружениками Мурэна и Дархана, Союзом монгольских студентов и даже рядовыми ламами Гандана — «единственного действовавшего монастыря в Монголии». Отмечает он также неудачные попытки представителей власти убедить демократов прекратить голодовку ради своего здоровья (Там же, с. 20–22).

Находясь в это время в Улан-Баторе и будучи очевидцем событий 7–9 марта в городе, мы можем свидетельствовать, что описание М. Россаби в целом отражает тревожную атмосферу этих дней: рост напряженности в противостоянии сторонников Демсоюза и властей, непредсказуемость действий бурлящих толп народа на площади имени Сухэ-Батора 8 марта, в праздничный Женский день, опасность спонтанных несогласованных действий с обеих сторон. Демсоюз был категорически против насилия, но ситуация грозила выйти из-под его контроля, тем более что, как считает автор, он не выработал механизм сдерживания, и лишь его главный координатор — интеллигентный

Зориг — обладал талантом успокаивать и направлять эмоции толпы в нужное русло (Там же, с. 24). И тем не менее в эти дни «смуты и хаоса» 70 человек получили различные травмы, а один человек был убит (Там же, с. 22).

Автор задается вопросом, почему власти не пошли на применение насилия, хотя на заседаниях Политбюро ЦК МНРП, проходивших непрерывно 7 марта, сторонники жесткой линии — Д. Моломжамц, Ц. Намсрай — выступали за разгон демонстрантов и голодающих силой? И объясняет это тремя причинами: 1) не было санкций со стороны Москвы — в начале 1990 года все еще главного патрона МНР; М.С. Горбачев советовал воздержаться от репрессий; 2) новые, умеренные члены ЦК, которые влились в его состав в годы перестройки¹³, сумели воспротивиться намерениям консерваторов; 3) существовало опасение, что в случае кровопролития во внутренние дела Монголии может вмешаться Китай.

Не было также уверенности в успехе силового варианта — допускалась возможность неповиновения войск и даже их перехода на сторону демонстрантов (Там же, с. 12, 28).

В итоге, не имея поддержки Советского Союза и умеренных в составе ЦК и перед лицом массовых волнений, сторонники жесткого курса отступили и 9 марта вечером Ж. Батмунх в своем телевизионном обращении к народу, которое транслировалось и по радио, объявил, что Политбюро ЦК МНРП и Совет министров МНР единогласно решили уйти в отставку.

И хотя это решение объективно явилось переломным моментом в судьбе страны, М. Россابي практически его не комментирует, ограничиваясь замечанием, что «некоторые члены Политбюро и партии рассматривали его как временную уступку. Они верили, что у них по-прежнему сохранилось много преимуществ для победы даже на свободных выборах» (Там же, с. 23). Он имел в виду сеть партийных организаций МНРП по всей стране, чего не было у демократических партий.

Такова картина возникновения, развития и победы демократического движения в конце 1989 — начале 1990 гг. в освещении М. Россابي. Показательно, что он нигде ни разу не употребляет термин «революция», а рассматривает события этого периода как мирное ненасильственное движение за реформы, инициированные сверху относительно ограниченной группой людей. По

мере развития это движение ставло массовым, что и привело к крушению авторитарного режима.

2.3. О лидерах демократического движения

Инициаторами и руководителями этого демократического движения, согласно М. Россابي, были представители интеллектуальной и профессиональной верхушки монгольского общества, молодые специалисты, философы, физики, математики, экономисты, журналисты и т. п., в своем большинстве горожане, получившие образование в СССР и в странах Восточной Европы. Большинство из них являлись «...сыновьями и дочерьми привилегированной монгольской элиты» (Там же, с. 28).

Все они занимали видное положение в университетских и академических кругах и потому, как подчеркивает автор, возглавив борьбу за реформы, руководствовались не карьеристскими, а чисто идеологическими соображениями.

В этом плане М. Россابي делит лидеров реформистского движения на две основные группы: чистых рыночников, к которым он относил Д. Ганболда, М. Энхсайхана, Ц. Элбэгдоржа¹⁴, Р. Амаржаргала¹⁵, и демократов — С. Зориг, С. Оюун¹⁶, Х. Хулан¹⁷, Т. Эрдэнбилэг¹⁸, Б. Батбаяр (Баабар)¹⁹.

Для первой группы главная цель — экономические реформы, переход к рынку, при этом социальные проблемы отодвигались ими на второй план. Для второй группы лидеров главным было провести политические реформы, демократизацию и сохранить и умножить достижения коммунистической эпохи в области социального обеспечения, образования, медицины и т. п.

Это деление М. Россابي проводит через всю свою работу, причем его симпатии на стороне демократов, среди которых он особенно выделяет «золотого соловья демократии» С. Зорига, его верную помощницу С. Оюун и дочь известного монгольского дипломата Х. Хулан.

В обозреваемый период обе группы выступали единым фронтом. Но очень скоро после неожиданно быстрой победы демократических сил в марте 1990 г. различия в определении приоритетов в проведении реформ и, на что М. Россابي сразу обратил внимание, в этническом происхождении реформаторов (среди

демократов было много полукровок) дали себя знать и привели к разобщению этих сил и их поражению на выборах в ВНХ в июне 1990 г.

Таким образом, из описания М. Россаби событий конца 1989 — начала 1990 гг., из его характеристики руководителей демдвижения можно заключить, что для него все это было не революцией, а, по сути, своего рода верхушечным переворотом, открывшим дорогу мирному переходу к реформам. Мы считаем, что такая позиция расходится с исторической действительностью, ибо процессы, имевшие место в этот период, без сомнения, носили революционный характер, и «белая лошадь» революции 1990 г. привела Монголию к смене политической власти, государственного устройства и общественного строя.

ГЛАВА III

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ: ПРОЦЕСС ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Тему политических преобразований после 1990 г. так или иначе затрагивают почти все западные авторы кто писал и пишет о современной Монголии, но наиболее широко она рассматривается в работах американского правоведа Тома Гинзбурга¹, а именно: в его части раздела «Конституционная реформа и права человека» в коллективной монографии «Монголия в стадии перехода» (Ginsburg, Gansorig 1996), в разделе «Национализм, элита и быстрая трансформация Монголии» в коллективном труде «Монголия в двадцатом веке. Блокированный космополит» (Ginsburg, 1999), в большой аналитической статье «Политическая реформа в Монголии. Между Россией и Китаем» (Ginsburg, 1995); в обзорных статьях о ситуации в стране в 1996–1997 гг. (Ginsburg, 1997, 1998) и др.

Анализ указанных произведений показывает, что основные взгляды Т. Гинзбурга на процесс политического формирования Монголии, изменения ее политической системы в обобщенном виде сводятся к следующим положениям.

3.1. Особенности трансформации

1. После революционных событий начала 1990 г. (Т. Гинзбург квалифицирует их как «либерально-демократическую революцию»), Монголия пошла по пути одновременного проведения политических и экономических реформ, т. е. выбрала не китайскую — сначала экономика, а потом политика, — а восточно-

европейскую модель реформирования общества. Причем экономические преобразования, и прежде всего восстановление священного права частной собственности, рассматривались как базис, основа политической либерализации, а последняя — как необходимое условие развертывания рыночных реформ.

Для многих монгольских реформаторов, писал уже М. Россابي «приватизация была равна демократии», и прогресс демократии зависел «...от достижений в сфере приватизации» (Rossabi, 2004, с. 36, 80).

2. В отличие от стран Восточной Европы и ряда бывших республик Советского Союза процесс трансформации политической системы в Монголии проходил на всех стадиях мирно и гладко, без жесткого противоборства и кровопролития, а возникавшие время от времени конфликты — митинги, демонстрации, забастовки, голодовки периода 1990–1994 гг. — разрешались без применения силы, путем переговоров и компромиссов.

Среди всех политических сил, прежде всего среди элиты, да и вообще в целом, имел место консенсус в отношении необходимости проведения коренных, радикальных реформ политической структуры и экономики.

«Были тяжелые социальные последствия этих быстрых реформ — признает Т. Гинзбург, — но они не привели к тому, чтобы какая-либо коалиция в рядах элиты выступила бы против коренных преобразований» (Ginsburg, 1999, с. 247).

3.2. Создание правовых основ и институтов демократии

Автор точно не датирует, но в целом явственно обозначает три этапа проведения политических преобразований и раскрывает их содержание.

На начальной стадии — март-июнь 1990 г. (датировка здесь и далее наша. — М. Г.) был положен конец монополии МНРП на власть: ВНХ внес собственные поправки в Конституцию МНРП 1960 г., произошла смена политического руководства страны, распущена «секретная полиция», т. е. Министерство общественной безопасности, создана государственная комиссия по реабилитации жертв политических репрессий 1930-х гг.,

восстановленный Малый Хурал стал постоянно действующим органом законодательной власти, был введен институт президентства (Ginsburg, 1995, с. 465). Главной реформой этого периода, по оценке автора (на наш взгляд, вполне правильной) было принятие ВНХ Закона о политических партиях и тем самым легализация многопартийности и проведение на ее основе 28 июня 1990 г. первых в истории страны открытых многопартийных выборов в ВНХ. В них, помимо МНРП, участвовало еще 6 официально зарегистрированных и незадолго до этого образованных политических партий — Монгольская демократическая партия, Монгольская социал-демократическая партия, Монгольская партия национального прогресса, Монгольская партия свободного труда, Монгольская партия зеленых и Партия монгольских верующих (Там же, с. 465–466).

На второй стадии политического реформирования — 1990–1992 гг. — доминантой были разработка, обсуждение и принятие, по автору, «либерально-демократической» Конституции 1992 г.

Выработка текста Конституции специальной комиссией из 20 человек под руководством первого президента страны П. Очирбата² проходила сложно и заняла практически весь 1991 г. Были изучены конституции 100 стран Запада и Востока, проводились консультации за рубежом, большое содействие своими советами и рекомендациями оказали такие международные организации, как Международная амнистия, Центр прав человека ООН в Женеве, Международная комиссия юристов, Азиатский фонд³ (Ginsburg, 1999, с. 147).

Освещая ход подготовки проекта, Т. Гинзбург отмечает, что особые споры и дискуссии вызвали проблема разграничения полномочий органов власти, в том числе определение рамок чрезвычайных полномочий президента, структура правительства, гражданские и политические права человека, в частности право заключенных на кассацию прокурорских и судебных решений, название и символика государства (герб, флаг) и др.

В итоге, проект представленный Малым хуралом в ноябре 1991 г. еще два месяца обсуждался и дорабатывался в ВНХ и в окончательном варианте, образцом для которого во многом послужили Конституции Венгрии и 5 Республики во Франции, был принят.

«Текст Конституции был огромным прогрессом по сравнению с предыдущими Конституциями МНР» — отмечает Т. Гинзбург (Ginsburg, Gansorig, 1996, с. 150) и **заключает, что ее ратификация БНХ в 1992 г. означала «создание основных базовых институтов монгольской демократии»** (Ginsburg, 1995, с. 466).

Отметим, что эту точку зрения разделяют почти все западные авторы. Так, например, датские ученые Оле Брун и Оле Одгард в разделе «Общество и экономика на переходе» в коллективной работе «Монголия в стадии перехода» пишут: «Когда Малый хурал на своей последней сессии (май 1992 г. — М. Г.) принял Закон о создании Конституционного суда для охраны конституционных прав и прерогатив, процесс формирования основных институтов монгольской демократии был завершен» (Bruun, Odgard 1996a, с. 29; см. также Sanders, 1992; Merz, 1993; Boldbaatar, 2000).

Особое внимание Т. Гинзбург уделяет широкому спектру прав и свобод гражданина, декларированных в Конституции: свобода слова, собраний, передвижений, любых религиозных верований, равенство мужчин и женщин и т. д. Он считает это еще одним свидетельством перехода Монголии «от более мягкой, чем это было в СССР, тоталитарной политической системы к демократическому строю» (Ginsburg, 1995, с. 462).

Признавая, что декларирование в Конституции прав и свобод человека совсем не означает их автоматической реализации на практике, Т. Гинзбург вместе с тем отмечает, что она создала небывалые для Монголии действенные инструменты их защиты и соблюдения: институт президентства и Конституционный суд (ЦЭЦ), построенный по образцу Конституционного суда Германии. Причем создание последнего — то, что отличает политические реформы в Монголии от стран Центральной и Восточной Азии (Ginsburg, 1996, с. 93).

Наконец, третью стадию политического реформирования, начавшуюся после 1992 г., Т. Гинзбург характеризует как период успешного испытания на прочность созданной политической системы и ее звеньев: президента, однопалатного парламента, Конституционного суда, национального совета безопасности, сменяемого правительства, независимых судов, хуралов представителей граждан на местах, префектов и губернаторов административных единиц. Он считает, что эти органы доказали

свою жизне- и работоспособность и тем самым на данной стадии произошло «углубление демократии и расширение ее правовой базы» (Ginsburg, 1995, с. 468–470; Ginsburg, 1997, с. 63–66).

Автор подкрепляет эти положения перечислением пакета демократических законов, принятых в 1993–1995 гг., о судах, прокуратуре, полиции, тюремной службе, адвокатуре, госслужбе, аудите государственного управления и др. Он отмечает также принятие нового Уголовного кодекса, который расширил права заключенных на апелляцию, Закона о свободе демонстраций и Закона о свободе прессы.

Мирное разрешение трудовых и других конфликтов, возникших в обществе, в частности протестной голодовки, организованной Демсоюзом в августе 1994 г.⁴, и забастовки учителей средних школ в 1995 г., добившихся увеличения зарплаты для всех госслужащих на 20%, соблюдение в общем и целом конституционных прав и свобод граждан, их соответствие международным нормам, даже коллизии, которые время от времени возникали между ветвями власти — Президентом и ВНХ, Конституционным судом и правительством, — все это, по Гинзбургу, было свидетельством нормальной работы созданных институтов демократии, ее прогресса после 1992 г. (Ginsburg, 1996, с. 163, см. также: Sanders, 1999).

Как известно, критерием демократии являются честные выборы (Хрестоматия, 2005, с. 398–399). Как считает правовед Т. Гинзбург, Монголия полностью соответствует этой норме: парламентские и президентские выборы 1992–1993 гг. и 1996–1997 гг. носили открытый и честный характер. Причем проводились они в период, когда перед страной свели тяжелые экономические и социальные проблемы. И это придавало им особую политическую значимость (Ginsburg, 1999, с. 247–248).

Отметим, что подобную оценку выборов как одного из основных демократических достижений политики реформ разделяют М. Россابي и другие западные авторы.

«Западные обозреватели и многие монголы, — свидетельствует М. Россابي, — считают, что, несмотря на экономические провалы, либерализация политической системы состоялась. Прошедшие четырежды парламентские и трижды президентские выборы были в общем справедливыми и открытыми, и неза-

висимые иностранные наблюдатели подтвердили их честность» (Rossabi, 2004, с. 111).

Итак, согласно Т. Гинзбургу, на третьей стадии политических преобразований демократия в Монголии обрела свою правовую базу, свои рабочие механизмы и стала реальностью.

3.3. Роль и место МНРП

Как это ни парадоксально, процесс реформирования и демократизации шел при сохранении коммунистической (в «прошлом». — М. Г.) партией — МНРП — своей лидирующей роли в плюралистическом монгольском обществе — такой вывод вытекает из рассуждений Т. Гинзбурга о МНРП после революции 1990 г.

В подтверждение этого положения Т. Гинзбург отмечает, что после бурных событий начала 90-х гг. МНРП, в отличие от своих сподвижников в странах Восточной Европы, не самораспустилась и не передала власть своим оппонентам, а, сменив лидеров, показала способность приспосабливаться к быстро менявшейся обстановке и идти на уступки и компромиссы⁵. Проявив гибкую тактику «здорового смысла» и дабы не дать молодым оппозиционным партиям времени организовать, в апреле 1990 г. она объявила о проведении в июне выборов в ВНХ и, благодаря своим финансовым и административным ресурсам, сети партийных организаций по всей стране, а также поддержке части городского и почти всего сельского населения, выиграла их⁶.

Одержав победу, МНРП тем не менее пошла на образование первого в истории страны коалиционного правительства с привлечением в него и в руководство ВНХ и Малого хурала ряда ведущих демократических деятелей⁷.

Т. Гинзбург объясняет этот шаг, как он считает, «эту уступку», тремя причинами:

- 1) духовной близостью нового поколения людей в руководстве МНРП с оппозиционной интеллигенцией, составлявшей костяк демократических партий;

- 2) прагматической целью использовать интеллектуальный и профессиональный потенциал демократов как главных экспертов при проведении экономических преобразований;

3) стремлением нейтрализовать и даже дискредитировать оппозицию в случае возможных провалов в экономике в условиях назревавшего прекращения советской помощи (Ginsburg, 1995, с. 464).

И действительно, как отмечает Т. Гинзбург, на парламентских выборах 1992 г. всю вину за тяжелый экономический кризис, охвативший страну, МНРП свалила на демократов, так же как ранее в репрессиях 30-х гг. она обвинила, главным образом, Х. Чойбалсана и Ю. Цеденбала (Ginsburg, 1995, с. 486).

В результате выигрыша этих выборов — 71 место в ВНХ из 76 и все 18 губернаторских постов в аймаках⁸ — и формирования однопартийного правительства П. Жасрая⁹ вся полнота власти вновь сосредоточилась в руках МНРП. Однако на этот раз она не была безграничной: действовала система сдержек и противовесов в лице президента, конституционного суда (ЦЭЦ), оппозиционных демократических партий, неправительственных организаций.

И хотя Т. Гинзбург называет победу МНРП в 1992 г. «консервативным откатом, свойственным почти для всех постсоциалистических государств», он признает — обратного движения не последовало, а наоборот, курс на развитие в сторону демократии и рынка продолжался и его реализацией на практике занималась МНРП в лице технократов правительства П. Жасрая, хорошо знакомых и с идеями демократов (Ginsburg, 1999, с. 466).

Потерпев неудачу на выборах 1996 г., МНРП показала способность из правящей стать сильной оппозиционной партией и вместе с выдвинутым ею президентом Н. Багабанди¹⁰ и большинством в местных органах власти¹¹ продолжать оказывать мощное воздействие на ход политической и экономической трансформации Монголии (Морозова, 2006, с. 216–217).

В порядке дополнения к взглядам Т. Гинзбурга, изложенным выше, здесь уместно кратко представить точку зрения Удо Баркмана на положение МНРП в период правления демократической коалиции в 1996–2000 гг.

В статье «МНРП в шпагате между демократией и геополитикой» немецкий ученый приходит к выводу, что неожиданное поражение МНРП на парламентских выборах 1996 г. не означало, как это могло показаться, краха, катастрофы для партии, а послужило стимулом, толчком для ее идеологического

и организационного обновления, принятия новой программы и устава на XXII съезде 20–23 февраля 1997 г., притока свежей крови, молодых кадров в руководство и ряды партии¹², усилению ее работы на местах, особенно среди молодежи, расширению связей внутри страны и за рубежом, активной подготовки к возвращению во власть на выборах 2000 г. А главное — в этот период произошло самоопределение МНРП как левоцентристской национально-демократической партии, исповедующей идеи демократического социализма, т. е. идеи социал-демократии. И она, заключает У. Баркман, «...стала еще ближе к проблемам монгольского общества, чем какая-либо другая общественная сила» (Barkmann, 2000a, с. 305).

Возвращаясь к оценкам Т. Гинзбурга роли МНРП в реформировании политической системы Монголии в 90-х годах прошлого века, отметим, что в его глазах эта роль была тем более весомой, носила авангардный характер благодаря тому, что на протяжении всей своей истории МНРП, несмотря на разного рода «идеологический камуфляж», по сути была «националистской партией», борцом за выживаемость и модернизацию Монголии в период социализма и за ее независимость и сохранение национальной идентичности в современную эпоху глобализации (Ginsburg, 1999, с. 275).

3.4. Права и свободы граждан

В целом Т. Гинзбург очень высоко оценивает общие результаты политических реформ в Монголии в 90-е годы. По его мнению, «несмотря на экономические и социальные проблемы, связанные с переходным периодом, процесс демократизации Монголии был одним из самых смелых и решительных в посткоммунистическом мире». И далее: «Монголия отвечает любым представлениям о демократической консолидации: возможности пересмотра базовых институтов демократии почти нулевые, здесь уже несколько раз прошли свободные и демократические выборы, несколько раз осуществлена мирная смена власти; с 1990 г. существует гражданский контроль над армией, имеют место политические дебаты и политические протесты, средства

информации свободны, хотя и не всегда независимы от влияния правительства» (Ginsburg, 1998, с. 67).

Ситуация с гражданскими и политическими правами человека оценивается положительно. «В отличие от положения на юге и в бывших советских республиках в стране нет преследования диссидентов, не существует открытой цензуры в средствах массовой информации, новые политические партии ведут активную деятельность, участвуют, в большинстве случаев неудачно, в выборах, конституционные права в основном соблюдаются...» (Ginsburg, Gansorig, 1996, с. 163).

И в заключение: «Поразительная политическая трансформация Монголии достойна внимания и подражания со стороны других государств этого региона и вне его» (Ginsburg, 1998, с. 67).

Такова в общем и целом концепция политического реформирования Монголии, представленная в работах Тома Гинзбурга и созвучная, видимо, с взглядами и представлениями авторов и редакторов коллективных трудов, в которых он участвовал. Что можно сказать о ней? У автора много верных и достаточно явно завышенных оценок и положений, отражающих, по нашему мнению, продолжение той эйфории, которая царила на Западе в 80–90-х гг. вокруг перемен в Монголии, что мы уже отмечали в предыдущей главе.

Верно, конечно, и это представляется квинтэссенцией всей концепции, что в стране произошла быстрая и мирная коренная трансформация политической системы, авторитарная «народная» Монголия стала демократической парламентской республикой. Но в стране до сих пор идут споры и дискуссии: какая форма правления — парламентская или президентская лучше подходит Монголии, и часть общественного мнения склоняется в пользу последней¹³.

Верно, что в стране созданы демократические институты и что они работают, правда не так гладко и слаженно, как это представляется автору. Частые трения и нестыковки между ветвями власти, на наш взгляд, не столько показатель демократии, сколько ее незрелости.

Верно, что многопартийность и плюрализм — одно из главных достижений демократизации монгольского общества. Однако существование множества мелких, политически

однородных, но весьма амбициозных и соперничающих друг с другом партий, отражающих лишь групповые и клановые интересы¹⁴, дестабилизирует обстановку и мешает строительству демократического гуманного общества.

Верно, что выборы парламента и президента проводятся регулярно, в соответствии с Конституцией, но широкое использование в избирательных кампаниях подкупа избирателей и других грязных технологий вызывает сомнения в их сугубой честности (Гольман, 2001).

Да и с соблюдением конституционных прав и свобод дело обстояло не так благополучно, как это рисовалось Т. Гинзбургу. Он сам отметил ущемление экономических и социальных прав граждан, а пенитенциарная система, содержание заключенных и методы дознания, произвели на него гнетущее впечатление (Ginsburg, Gansorig, 1996, с. 160).

А такой знаток современной Монголии, как А. Сандерс, специально посвятил первую часть своего доклада «Монголия: взгляд со стороны. Конституционные проблемы в XXI веке» на 8-м Международном конгрессе монголоведов в Улан-Баторе в 2002 году конкретному разбору несоблюдения ряда статей Конституции о правах и свободах человека.

В их числе статьи о запрещении преследований по партийной принадлежности (кадровые чистки госаппарата от членов МНРП в 1996 г. и от демократов в 2000 г.), о неприкосновенности личности (и незаконные аресты бизнесменов и политиков), о свободе убеждений и слова (и госконтроль над радио- и телевидением), о равенстве мужчин и женщин (и непропорциональное представительство женщин в органах власти), о праве на информацию (и расширение списка государственных секретов) и т. д. «Из этих только нескольких примеров можно заключить, — пишет А. Сандерс, — что 4-я Конституция соблюдается не полностью» (Sanders, 2002, с. 3).

Добавим к этому, что процесс демократизации шел в условиях отрицательного воздействия на него перманентной политической нестабильности, правительственных кризисов 1996–2000 гг. (смена четырех правительств за 4 года) и 2006 г. (смена правительства национального согласия Ц. Элбэгдоржа правительством национальной солидарности М. Энхболда)¹⁵, растущей коррупции во властных структурах и пауперизации

значительной части населения, не говоря уже о стихийных бедствиях (дзуд, засухи, эпидемии) и экономическом кризисе начала 90-х гг.

Нисколько не умаляя успехов и значимости проведенных в этих условиях политических реформ, о которых писал Том Гинзбург, мы тем не менее считаем, что он преувеличивает степень демократизации монгольского общества. До полного торжества демократии в Монголии еще далеко, процесс демократизации по определению длительный, и он продолжается. А его дальнейший прогресс зависит, прежде всего и главным, образом от повышения уровня экономики, ибо, как формулирует С. Хантингтон, «экономика делает демократию» (Хрестоматия, 2005).

ГЛАВА IV

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ: ПЕРЕХОД К РЫНКУ

Отношение западных авторов к экономическим реформам в Монголии — разгосударствлению и приватизации государственной и кооперативной собственности, налоговой и финансовой реформам, либерализации торговли и др. и соответственно, к экономической политике монгольских властей в обозреваемый период неоднозначно: у одних — М. Россابي, Ф. Никсона¹, Р. Томлинсона² и др. — в целом критическое, у других — Г. Корсуна³, П. Мюррела⁴, О. Бруна и др. — одобрительное, позитивное.

При всех различиях в позициях этих и других авторов все они единодушны в одном, а именно — в признании катастрофическим положения Монголии первые в годы экономического реформирования.

Вот, например, некоторые наиболее характерные оценки этого положения: «В результате распада советского блока и прекращения советской помощи, — отмечает уже знакомый нам Том Гинзбург, — Монголия пережила самый огромный для мирного времени экономический коллапс, когда-либо выпавший на долю какой-либо страны в этом столетии» (Ginsburg, 1995, с. 453).

По мнению Питера Буна, «...экономический кризис в Монголии в начале 90-х гг. превосходил все депрессии и во всех других странах, в том числе разруху в Италии и Японии после поражения в войне» (Boon, 1993). А в коллективной работе «Монголия сегодня. Наука, культура, окружающая среда

и развитие» утверждается, что «кризис, который пережила Монголия в период января 1991 — января 1993 гг., по своей глубине в два раза превосходил все то, что испытали США во время Великой депрессии» (Mongolia today, 2003, с. 8).

В подтверждение этих оценок приводились соответствующие показатели, почерпнутые из официальных монгольских источников и заключений международных финансовых организаций, которые объективно отражали всю беспрецедентную глубину и масштабы кризиса, охватившего страну: это почти 30%-ное сокращение ВВП от уровня 1989 г., падение промышленного производства на 27,3% (каждое третье предприятие в 1991 г. находилось в простое из-за нехватки энергии, запасных частей, горючего), в 1991–1992 гг. поставки нефти удовлетворяли лишь 8%, а дизельного топлива — 25% потребностей, что вызывало частое отключение электричества и теплоснабжения даже в Улан-Баторе; развал земледелия и сокращение на 20% поставок в города мяса и молока. Уже в первой половине 1991 г. общая острая нехватка продовольствия и потребительских товаров вынудила ввести карточную систему, включая карточки на муку и мясо; галопирующая инфляция — 325% в 1991 г. и 183% в 1992 г. и рост цен, в частности, например, на плитку чая в 60 раз, с 10 тугриков в 1990 до 600 в 1992 г., на пачку табака с 24 до 600 соответственно, общее снижение жизненного уровня почти в 2 раза (см., например: Goldstein, Bell, 1994, с. 110; Rossaby, 2004, с. 48, 51–52; Bruun, Odgard, 1996, с. 10; International Monetary Fund, 1991, с. 4–6; World Bank, 1993, с. 11–12; Asian Development Bank, 1992, с. 5–10 и др.).

Все это давало веские основания считать, что в 1991 г. и даже в конце 1992 г. «экономика Монголии находилась в критической стадии» и удержалась на плаву лишь благодаря экстренной иностранной помощи — 150 млн. долларов в 1991 г., 250 млн. — в 1992–1993 гг. (Korsun Murrel, 1995 б, с. 15).

И то, что монгольские реформаторы видели выход из этого положения в проведении коренных экономических преобразований, в переводе централизованной, командно-административной плановой экономики на рыночные рельсы, т. е. ее фактической замены рынком, почти ни у кого из западных специалистов возражений не вызывало. Но вот конкретное воплощение этих преобразований, особенно их начало, получившее известность как

«шоковая терапия» правительства Д. Бямбасурена 1990–1992 гг., дальнейший ход, характер, направленность, результаты реформ получили различные оценки.

4.1. Экономические реформы под огнем критики

Наиболее развернутая критика, экономической политики в Монголии в 1990–2004 гг. и ее иностранных спонсоров содержится в монографии М. Россابي «Современная Монголия», особенно в главе 3 «Пробивание рыночной экономики. 1990–1997 гг.», имеющей, в частности, специальные разделы «Приватизация и шоковая терапия 1990–1992», «Сдерживание шоковой терапии. Стабилизация и коррупция» и «Критика иностранной помощи» (Rossabi, 2004, с. 49–55; 55–62; 62–72) и в главе 4 «Политические и экономические неурядицы. 1997–2004» (Там же, с. 80–113).

В полном соответствии со своей общей концепцией развития Монголии в 1990–2004 гг., которую мы резюмировали во Введении, М. Россابي считает, что отправным моментом экономических преобразований явилось безоговорочное принятие и начало реализации правительством Д. Бямбасурена рекомендаций, выработанных группами экспертов Международного валютного фонда в августе 1990 г., под названием «Монгольская Народная Республика: к рыночной экономике» (IMF, 1991) и Азиатского банка развития за три недели работ июня 1991 г. под названием «Монголия: плановая экономика в стадии перехода» (ADB, 1992).

Несмотря на то что эти рекомендации, по мнению М. Россابي, носили универсальный и стереотипный характер, не учитывали национальные особенности Монголии, ее «историческое наследие» и традиции, а также менталитет подавляющей части населения, абсолютно незнакомого с во многом чуждыми ему современными рыночными механизмами (Rossabi, 2004, с. 50–51), они определили основные направления и ход первой стадии экономических преобразований в 1990–92 гг. и в принципе основы дальнейшего экономического курса.

Идейным вдохновителем экономических реформ в Монголии выступил также американский экономист с мировым именем,

«гарвардский архитектор шоковой терапии для коммунистических экономик», как его именует М. Россابي (Там же, с. 48) Джеффри Сакс, посетивший страну в марте 1991 г.⁵ Он поддержал решимость монгольских реформаторов во главе с вице-премьером, «чистым рыночником» Д. Ганболдом в рекордно короткие сроки, путем разгосударствления, коммерциализации и приватизации провести демонтаж плановой экономики и создать эффективную рыночную систему, способную решить все экономические и социальные проблемы, стоявшие перед страной. И хотя Дж. Сакс предупредил, что на короткое время это вызовет больший упадок, чем в странах Восточной Европы, правительство Д. Бямбасурэна восприняло его идеи шоковой терапии⁶ и, в полном соответствии с установкой АДВ о том, что «для Монголии не годятся средние темпы реформ» (ADB, 1992, с. 67), приступило к осуществлению «одной из самых быстрых приватизаций в реформируемых социалистических странах» (Rossabi, 2004, с. 48).

Признавая, что к началу 1991 г. в стране, в общем, сложился настрой в пользу коренного изменения форм собственности, М. Россابي, как и его единомышленники, тем не менее считают, что Программа ваучерной приватизации⁷, запущенная в это время, еще до принятия Закона о приватизации в мае 1991 г., была плохо подготовлена и слабо координирована с необходимыми другими реформами, привела к значительному имущественному расслоению общества и не способствовала выходу из экономического кризиса. Первоначально у нее отсутствовала правовая база — Закон о страховании собственности был принят только в 1994 г.; вместо последовательных, хорошо продуманных действий она осуществлялась стремительными темпами, методом наскока; передача большей части скота аратам была практически завершена в 1991 г., приватизация предприятий розничной торговли и сферы обслуживания («малая приватизация») — в 1992 г., т. е. менее чем за один год; в 1993 г. уже более 300 крупных промышленных предприятий перешли в частную собственность («большая приватизация»).

Все это породило массу несправедливости в распределении общенародного достояния: больше всего скота оказалось у верхушки СХО, магазины, прачечные, ремонтные мастерские, кафе, рестораны и т. д. доставались, как правило, их директорам или

коллективам сотрудников, крупные предприятия — хорошо информированным фаворитам властей и махинаторам.

Простые граждане практически ничего не выиграли от приватизации. М. Россابي цитирует С. Оюун: «На базе государственных предприятий было образовано 330 акционерных компаний, — писала она в 1993 г. в статье «От года белой лошади к году черной лошади». — В настоящее время (т. е. в 1993 г. — поясняет автор) не свыше 1500 человек, составляющих 0,5 процента населения, владеют более 70% акций этих компаний» (Там же, с. 51). От себя М. Россابي добавляет, что «новые собственники получили эти предприятия без больших затрат» как своего рода неожиданный подарок судьбы и потому не имели особых стимулов к их развитию, вложению дополнительных капиталов.

Иллюзорными оказались расчеты реформаторов и их иностранных консультантов на то, что Фондовая биржа, открытая 1 января 1991 г., и сеть брокерских контор «...дадут каждому гражданину возможность стать акционером любого предприятия». Они не учитывали, что большинство населения, в силу, в частности, многолетней изолированности Монголии от внешнего мира, понятия не имело ни о бирже, ни о ее операциях. А обращению к брокерам предпочитало распродажу своих ваучеров за наличные, причем, как правило, в большинстве случаев по низким ценам.

К тому же как Фондовая биржа, так и второй главный инструментарий приватизации и, вообще «шоковой терапии» — реформируемая банковская система в составе Центрального банка и отпочковавшихся от него в 1991 г. сначала 6, а в 1992 г. еще девяти небольших коммерческих банков — из-за недостатка опыта и нехватки квалифицированных кадров работали неэффективно и не обеспечивали ожидавшегося свободного движения (оборота) капитала.

Критическое отношение к приватизации — этой сердцевине «шоковой терапии» М. Россابي переносит и на два других «столпа» преобразований: либерализацию цен, налоговую реформу и разгосударствление. По его мнению, скоропалительное внедрение принципов свободной торговли путем отмены твердых цен на продовольствие и предметы потребления, государственных субсидий на экспорт, начатое сокращение тарифов

и таможенных пошлин, проведение девальвации тугрика, а также практическая замена налога с оборота — ранее главного источника бюджетных поступлений — «прогрессивным» налогом с продаж, а налога на прибыль — пакетом подоходных налогов на граждан и т. п. привели к неконтролируемому росту дороговизны, дефициту бюджета, сокращению капиталовложений с 46% ВВП в 1989 до 29,3% в 1992 г., хаосу в торговле и т. п.

А установка на разгосударствление, т. е. на максимально возможное уменьшение регулирующей роли и, вообще, участия, вмешательства государства в экономику путем, в частности, сокращения госбюджета и госаппарата, противоречило намерениям и планам монгольских реформатора по обеспечению экономического роста. В качестве подтверждения этого тезиса автор ссылается на успешную практику «четырёх азиатских тигров» — Гонконг, Японию, Республику Корея и Сингапур, где наоборот, активное регулирование государственными органами экономических процессов, в частности защита отечественных производителей и забота о социальном обеспечении всех слоёв населения, проведение протекционистской политики и т. д. — обеспечили экономический прогресс.

Как видим, старт реформирования монгольской экономики посредством «шоковой терапии» вызвал у академического профессора М. Россابي в целом реакцию отторжения, ибо, даже несмотря на оказанную донорским сообществом экстренную помощь, они лишь отяготили продолжавшийся экономический кризис и привели к гиперинфляции, упадку социальной сферы и пауперизации страны (Там же, с. 55).

Такое же неприятие «шоковой терапии» и у профессора экономики Манчестерского университета, некоторое время — советника Всемирного банка Фредерика Никсона и его коллеги Бернарда Уолтерса, на работы которых часто ссылается М. Россابي. Они выступали за постепенное и последовательное движение Монголии к рынку путем создания эффективной банковской системы, крепкой правовой структуры и хорошо просчитанной приватизации госимущества. И, как показали события, справедливо «опасались, что “шоковая терапия” приведет к коррупции, несправедливому распределению государственной собственности и плохим перспективам экономического роста» (Nixon, Walters, 1999; цит. по: Rossaby, 2004, с. 49).

Политолог Ричард Томлинсон вообще называл «шоковую терапию» «...дикими скачками Монголии к капитализму» (Tomlinson, 1998, с. 192).

Критикуя слишком большой упор реформаторов на приватизацию, эксперт АБР Кей Гриффин писал: «Приватизация, по существу, является идеологическим фактором и совсем не обязательным для создания хорошо функционирующей, ориентированной на рынок экономики... Приватизация касается передела прав собственности. Такой передел сам по себе не означает ни повышения эффективности, ни ускорения экономического роста, ни защиты тех, кому угрожает бедность» (Griffin, 1995, с. 11–12).

Авторы одного из разделов в коллективной монографии «Пересмотр политэкономии: приватизация в посткоммунистических и реформируемых коммунистических государствах» К. Денайзер и А. Гелб отмечали, что «формальная приватизация государственной собственности на деле — самая легкая часть реформирования. Сделать компании доходными и найти работу для уволенных — вот действительный вызов» (Denizer, Gelb, 1994, с. 68).

Такова в общем и целом достаточно пессимистическая картина первой стадии экономических преобразований в Монголии, обрисованная их западными критиками.

4.2. Апологетика реформ

Совершенно другое видение и оценку реформ 1990–1992 гг. представляют в своих работах периода 1994–1995 гг. специалисты Университета штата Мэриленд (США) Ж. Корсун и П. Мюррел.

Их взгляды на приватизацию — краеугольный камень «шоковой терапии» и, добавим, генеральную линию экономической политики всех последовавших за коалиционным правительством Д. Бямбасурэна правительства МНРП (1992–1996; 2000–2004) и правительства Демсоюза (1996–2000) — в обобщенном виде изложены в большой статье «Политика и экономика в монгольской программе приватизации» (Korsun, Murrel, 1995 б).

Отметим, что эта статья отражает результаты полевых исследований, которые авторы проводили с 1991 по 1994 гг., и опрошенные данные, собранные за это время (Там же, с. 472–486).

Работа состоит из вводной части, нескольких разделов и заключения, и ее основные положения сводятся к следующим пяти пунктам.

1. Несмотря на то что до 1990 г., да и в его начале, никто в Монголии и не помышлял о масштабной приватизации, ее генезис показывает, что объективно зачаточные формы частнособственнического хозяйства создавались арендной системой сдачи скота на выпас в бывших СХО, увеличением поголовья в частном владении, что расширяло торговлю скотом в живом весе, а также появлением в 1988 г. небольшого числа торговых и производственных кооперативов (Там же, с. 475).

2. Разработка концепции и программы приватизации после победы революции началась сразу после формирования правительства Д. Бямбасурэна в 1990 г., но проходила негладко. Среди разработчиков первоначально не было единства в определении главных целей приватизации: для одних социальные аспекты — создание частных собственников путем равного распределения ваучеров — были важнее политических аспектов приватизации, для других главной была политическая задача — слом коммунистической системы, искоренение духа социализма, для третьих главную цель составляло повышение эффективности оборота капитала.

Как бы там ни было, отмечают авторы, но первый вариант программы приватизации, о подготовке которой объявил в своем выступлении по телевидению 25 октября 1990 г. Д. Бямбасурэн, после трехдневного обсуждения был отвергнут, и было предложено в течение трех недель подготовить новый. В этих целях вице-премьер Д. Ганболд сформировал две неформальные группы разработчиков — одну из сторонников умеренных шагов, вторую — из радикалов. Умеренные не справились с задачей, а радикалы, успевшие съездить за опытом и консультациями в Венгрию и Австрию, уложились в срок и к концу ноября 1990 г. представили на обсуждение в Малом хурале Программу приватизации и график ее проведения. Никакой альтернативы и организованного противодействия ей не было, и она в несколько

доработанном в декабре 1990 г. виде была принята и в начале января 1991 г. запущена в действие (Там же, с. 474).

3. Правовые основы приватизации составили Закон о приватизации от 21 мая 1991 года, предусматривавший, в частности, вопреки положениям Программы, преференции для коллективов приватизируемых объектов, статья 5-я Конституции Монголии 1992 г., провозгласившая равенство всех форм собственности и право отстаивать интересы собственников в Конституционном суде, а также Закон о хозяйственных единицах от июля 1991 г., разрешавший создание акционерных обществ с ограниченной ответственностью. Вместе с тем ряд аспектов приватизации, по мнению авторов, нуждался в дополнительной правовой проработке (Там же, с. 479).

4. Приватизация проводилась по двум направлениям, целиком и полностью под руководством и под контролем собственно монгольских властей и в целом с соблюдением намеченных сроков. «Малая приватизация» (предприятия торговли и сферы обслуживания стоимостью до 5 млн. тугриков) на розовые ваучеры и под эгидой местных отделений Государственной комиссии по приватизации, созданной в январе 1991 г., была завершена в течение одного года — середина 1991 — середина 1992 гг. «Большая приватизация» (промышленные предприятия, СХО, банки — стоимостью свыше 5 млн. тугриков) проводилась на голубые ваучеры под руководством (кроме СХО) собственно Государственной комиссии и Фондовой биржи, открытой так же в январе 1991 г. с 29 брокерскими конторами, в штате которых к 1995 г. работало 700 человек.

Как пишут авторы, из-за, «парадоксальной критики в общем своего же правительства», развернутой консервативной частью МНРП, «большая приватизация» началась с некоторым опозданием в начале 1992 г. и на 2/3 была завершена к середине 1993 г. (Там же, с. 483). Но в целом «большая приватизация» развивалась успешно и к 1995 г. в собственности государства остались предприятия коммунального хозяйства, горнодобывающей промышленности и транспорта, причем госсектор стал во многом децентрализованным. Не оправдались лишь расчеты реформаторов на массовое привлечение внешних акционеров: собственниками предприятий, в большинстве случаев, стали их служащие, рабочие и члены их семей. Так, проверив

10% приватизированных предприятий, Т. Корсун и П. Мюррел выяснили, что 44% акций принадлежало коллективам этих предприятий, 21% — остался у государства и только 35% перешло к внешним акционерам (Korsun, Murrel, 1994, с. 490).

Авторы особо выделяют скорость, с которой осуществили приватизацию в аграрном секторе — сентябре 1991 — первые месяцы 1992 гг. и считают правильным, что она проходила под руководством и контролем Союза СХО и местных властей, которым был предоставлен полный карт-бланш в определении ее сроков и условий.

В итоге из 250 СХО неизменными остались 57, 40 были полностью распущены, а 153 преобразованы в 320 акционерных компаний: 80% скота перешло в частные руки.

«Это был первый шаг в радикальной реструктуризации сельского хозяйства и он заложил основы для дальнейшего, очень динамичного развития процесса реформирования на селе» (Korsun, Murrel, 1995б, с. 482).

5. «Ошеломляющие темпы и удивительный прогресс приватизации» были обусловлены следующими факторами: 1) тесными личными связями молодых реформаторов-радикалов с руководством страны; 2) всеобщим стремлением общества к переменам, отражавшим дух обретенной демократии и независимости от СССР; 3) отсутствием каких-либо организованных групп противников приватизации из-за атмосферы реформ и из-за разброда среди консерваторов в рядах МНРП; 4) в условиях предоставления СХО полной свободы в решении проблем приватизации консерватизм местных властей уступил место их личным интересам; 5) в результате приватизации госсобственность перешла в руки тех, кто ею практически владел и распоряжался. И это чуть ли не главное объяснение высоких темпов и масштабов приватизации.

«Парадоксально, — заключают Г. Корсун и П. Мюррел, — но дизайнеры реформ достигли своих целей и по срокам, и по результатам приватизации как раз потому, что не смогли реализовать задачу создания класса внешних собственников» (Там же, с. 476).

Исходя из вышеизложенного, нам представляется, что пафос этой, а также и других работ Г. Корсуна и П. Мюррела (Korsun, 1995; Korsun, Murrel, 1994; 1995а) состоит в доказательстве

и показе того, что разработка и успешное проведение приватизации государственной собственности в первой половине 90-х гг. было делом рук самих монголов.

Несмотря на все трудности, связанные с экономическим кризисом и сопротивлением отдельных важных персон в правительственных кругах, реформаторы сумели «решить одну из самых сложных задач экономического реформирования и при этом избежать многих препятствий, с которыми сталкивались другие страны» (Korsun, Murrel, 19956, с. 486).

В целом же Г. Корсун и П. Мюррел считают, что «Монголия показывает захватывающий пример постсоциалистического реформирования» (Там же, с. 472).

Эту точку зрения полностью разделяют гарвардский экономист Арт Креси, давший в своем очерке «Программа работающей приватизации: уроки монгольского опыта» восторженную оценку этой реформе (Красу, 1992) и представитель «Азиатского фонда» Шелтон Северингхаус, цитирующий одно из заключений Всемирного банка о «...блестящем осуществлении властями Монголии перехода от централизованной плановой экономики к экономике, ориентированной на рынок» (Severinghaus, 1995, с. 71).

Более сдержанно, но весьма позитивно оценивают эту трансформацию и датские специалисты Оле Брун и Оле Одгард (Bruun, Odgard, 1996 a, с. 23).

4.3. Экономический курс и его оценки

Итак, как видим, если в оценках экономических реформ первой половины 90-х гг. существует различный подход, причем можно говорить о определенном паритете критических и положительных отзывов, то в отношении последовавшего экономического курса, проводившегося уже на базе созданных рыночных механизмов, безусловно преобладают позитивные, одобрительные оценки. Естественно, его, за редкими исключениями, одобряют международные финансовые организации, которым, по существу, он был обязан своим происхождением, и также большинство западных специалистов. Отражая их мнения, журнал «Economist» писал: «Монголия — звездное дитя либеральных

экономистов Запада... Неуклонно следуя рекомендациям международных финансовых институтов, она либерализовала свои финансы, торговлю и экономику» (Цит. по: Rossaby, 2004, с. 208).

На этом фоне определенным диссонансом звучит достаточно критическая характеристика М. Россابي экономической политики монгольского руководства и его спонсоров в 1993–2004 гг. в его монографии «Современная Монголия» (см. Введение).

Так, характеризуя экономическое развитие Монголии в 1992–1996 гг. в период правления однопартийного правительства МНРП, автор признает, что в 1993–1994 гг. премьер-министру П. Жасраю и его коллегам удалось добиться определенной экономической стабилизации: незначительного роста ВВП, сокращения инфляции до 53% в 1995 г., отмены карточной системы и наполнения полок магазинов товарами, правда, по ценам, недоступным простым смертным, улучшения электро- и теплоснабжения и т.п. (Rossaby, 2004, с. 56–57). Однако «... эти успехи, — резюмирует профессор, — не должны вводить в заблуждение», ибо продолжались массовое закрытие промышленных предприятий и развал земледелия, рост безработицы и нищеты, общее снижение жизненного уровня населения, появилась и стала разрастаться коррупция.

При правительстве П. Жасрая «...страна окончательно попала в финансовую и экономическую зависимость от иностранной помощи, которая стала основным средством решения всех проблем» (Там же).

В итоге экономическая политика правительства вызвала глубокое разочарование и недовольство широких слоев населения, что и предопределило поражение МНРП на парламентских выборах 1996 г.

Экономический курс, который проводили сменявшие друг друга правительства демократов в 1996–2000 гг., М. Россابي считает в целом ошибочным. По рекомендациям и под нажимом иностранных советников⁸ он был неоправданно и односторонне нацелен, прежде всего, на углубление, а главное, на ускорение реформ: приватизацию крупных промышленных и торговых предприятий и жилого фонда⁹, укрепление двухуровневой банковской системы путем закрытия нерентабельных и слияния ряда крупных государственных и коммерческих банков¹⁰,

превращение Монголии в зону самой свободной в мире торговли путем отмены импортных налогов и таможенных пошлин¹¹ и т. п. При всем этом решение острых социальных проблем отодвигалось на второй план или игнорировалось (Там же, с. 72–74).

В итоге расчеты демократов на достижение высоких макроэкономических показателей не оправдались, запланированного экономического бума и массового притока иностранных инвестиций не получилось, а высокий уровень безработицы и бедности сохранялся, резко возросла социальная дифференциация, пышным цветом расцвели «...исконно монгольские фаворитизм и nepoтизм» (Там же, с. 85–87).

Приход к власти после выборов 2000 г. правительства МНРП во главе с Н. Энхбаяром, по мнению М. Россаби, мало что изменило в экономическом курсе и направлениях иностранной помощи: приватизация продолжалась, захватывая предприятия, банки¹² и впервые — медицинские и образовательные учреждения и землю: недвижимость в городах и пахотные участки на селе¹³. Нехватка средств по-прежнему вынуждала правительство увеличивать регрессивный налог на добавочную стоимость — в 2003 г. на 21,3% — и повышать тарифы на коммунальные услуги; государство по-прежнему проводило линию на сокращение бюджетных расходов путем отмены субсидий малому и среднему бизнесу, что вело, в частности, к росту теневой экономики, доля которой в ВВП увеличилась с 13,3% в 1999 г. до 20% в 2002 г. (Там же, с. 101–102).

Что касается иностранной помощи, то, несмотря на то что в 2002 г. донорами была принята новая программа сокращения бедности, львиная доля внешних ссуд и займов по-прежнему направлялась на развитие инфраструктуры, энергетики, транспорта, добывающей промышленности и других крупных проектов рыночной экономики¹⁴.

М. Россаби признает, что при правительстве Н. Энхбаяра имели место определенные экономические успехи: рост ВВП в 2002 г. на 3,7% и в 1993 г. — на 5, сокращение инфляции — до 3,1%, резкий подъем добычи золота с 3300 кг в 1989 г. до 12 007 кг в 2002 г., увеличение импорта легковых машин — 70 тысяч в 2002 г., значительный рост иностранных инвестиций в 2002–2003 гг., запуск амбициозной программы строительства 2700-километровой «Дороги тысячелетия», открытие

в Улан-Баторе подюжины интернет-кафе и т. п. Но его общая оценка состояния экономики Монголии на 2004 г., как и общих итогов 13-летних экономических реформ, выглядит весьма пессимистично.

Вот его заключения.

«В целом к 2004 г., несмотря на 13 лет одного из наиболее высоких уровней иностранной помощи, приходящейся на одного человека в какой-либо стране, монгольская экономика все еще сталкивалась со значительными трудностями, хотя она и выросла в 2003 г. и первой половине 2004 г.» (Там же, с. 109). Однако этот рост был ограниченным, меньшим, чем предполагалось, и «не поглощал ежегодный приток молодежи на рынок труда». Отсюда, по оценкам Всемирного банка, уровень безработицы в городах составлял более 20%, а 36% населения в 2004 г. продолжало жить ниже черты бедности (Там же).

С этими бедствиями не справлялись ни частный сектор, дававший к 2004 г. 80% ВВП, ни доноры. «Конечно, иностранная помощь в чем-то была бесценной, — признает автор. — Она создавала рабочие места, оказывала поддержку немощным, формировала фонды помощи образованию и здравоохранению»¹⁵ (Там же, с. 110). Однако в целом основные социальные проблемы она не решала, ибо концентрировалась, главным образом, на развитии рынка¹⁶ и во многом из-за плохого менеджмента использовалась не по назначению и неэффективно или просто расхищалась. В итоге «...половина населения живет менее чем на 2 доллара в день... хуже, чем при коммунизме» (Там же, с. 111).

Негативную оценку результатам экономических реформ в Монголии в последнее десятилетие XX в. дает и директор Исследовательского института социально-экономических проблем АТР Гари Д. Гойел в большой аналитической статье «Перспективы развития у Монголии» (Goyal, 1999, с. 639–655).

Проанализировав процесс макроэкономической стабилизации и структурных перемен в экономике страны за 1990–1998 гг., в том числе и в период работы советником правительства П. Жасрая по планированию в 1992–1993 гг., автор приходит к следующему общему выводу: «Монголия переживает экономический рост в виде увеличения ВВП, однако пока без *развития* (курсив мой. — М. Г.). Это проявляется в растущих размерах безработицы и неполной занятости, в высоких показателях

бедности как в сельских районах, так и в городах, в падении уровней образования и здравоохранения и в существовании многих уязвимых групп населения»¹⁷ (Goyal, 1999, с. 651).

Выход из этого положения Г. Гойел видит в быстрейшем осуществлении трех краткосрочных программ: «белой революции», т. е. увеличении производства молочных продуктов для внутреннего потребления и на экспорт; «зеленой революции» — обеспечении роста производства овощных и зерновых культур в целях достижения самодостаточности Монголии в продовольствии и удобрениях (отметим, что эта программа осуществляется с 1997 г.) и «коричневой революции» — восстановлении и развитии кожевенной, трикотажной, обувной промышленности и превращения Монголии в главного экспортера шерстяных, кашемировых и кожаных изделий и обуви (Там же, с. 654–655).

А в долгосрочном плане — в неуклонном развитии горнодобывающей промышленности и экспорта угля, меди, нефти, а также в налаживании и расширении экотуризма. «Естественные богатства и ресурсы Монголии, — заключает автор, — создают наиболее благоприятные возможности для экономического процветания и развития в новом столетии» (Там же, с. 655).

О тяжелых социальных проблемах, вставших перед страной в ходе перехода к рынку — падении жизненного уровня и бедности, безработице, имущественному неравенству, упадку системы социального обеспечения, школьного образования, охраны здоровья, росту коррупции и т. п., — пишут почти все западные авторы и не только они.

Однако одни, включая монгольских политических деятелей — Д. Ганболда, М. Энхсайхана, Ц. Элбэгдоржа и других, по М. Россابي, «чистых рыночников», видят в этом высокую, но объективно неизбежную и временную плату за переход к рынку, другие, в том числе С. Оюун, Х. Хулан и другие «демократы первой волны», — результат непригодной для Монголии, но реализуемой там универсальной западной схемы создания рыночной экономики и, соответственно, ошибочности проводимого экономического курса.

Нам представляется, что в чем-то правы и те и другие. Объективная реальность такова, что резкое обострение социальных проблем в той или иной степени произошло почти во

всех бывших социалистических странах, повернувшихся к капитализму, что говорит об определенной закономерности.

С другой стороны, темпы и методы преобразований, тем более в Монголии, с ее кочевым сельским хозяйством, во многом были ошибочными и вели к нарастанию социальной напряженности.

Однако с тезисами о том, что в Монголии нет экономического развития и общий экономический курс является ошибочным, согласиться нельзя.

Во-первых, рост ВВП в 2004 г. на целых 10,7%, в 2005 г. — на 6,2, в 2006 г. — на 7,5% — сам по себе показатель экономического развития¹⁸. Другой показатель — это экономические успехи 2006 г.: впервые положительное сальдо во внешней торговле в 39,6 млн. долларов и профицит бюджета в 124,5 млн. тугриков¹⁹.

Во-вторых, социальная составляющая программы экономического развития, судя по материалам монгольских средств массовой информации, в последние годы растет, что находит отражение, в частности, в повышении в 2006 г. зарплаты в среднем на 20%, пенсий и пособий — на 30%, в выплате 3 тысяч тугриков ежемесячных пособий на каждого ребенка до 18 лет, в создании Фонда развития Монголии из доходов от эксплуатации месторождений полезных ископаемых и Фонда сокровищ из налоговых поступлений и его частичного распределения среди населения в виде «Даров Родины», в программах снижения безработицы, бедности, борьбы с коррупцией, подъема образования и здравоохранения и т. д.²⁰

Все это и многое другое говорит о том, что Монголия проводит правильный курс на создание рыночной социально ориентированной экономики²¹.

И в-третьих: можно полностью согласиться с Г. Гойелом в том, что у Монголии большой потенциал для экономического процветания в XXI веке: **огромные природные богатства и, добавим, квалифицированные людские ресурсы.**

Как утверждает газета «Новости Монголии», «...Одним словом, страна преодолела сложный и трудный период экономической трансформации и выходит на путь и стадию интенсивного развития»²².

ГЛАВА V

ОБ АРАТАХ И НОМАДИЗМЕ

При анализе публикаций западных авторов на эти, тесно связанные между собой темы можно выявить два главных вопроса, на которые они пытаются дать ответ, а именно:

1. Как и в какую сторону изменилась жизнь аратов в результате рыночной реформы на селе?

2. Какова судьба нomaдизма в современной Монголии?

Среди работ, в той или иной степени отвечающих на первый вопрос своим проникновением в проблему выделяются монография американцев Мелвина Голдштейна и Синтии Белл «Меняющийся мир монгольских нomaдов (Goldstein, Bell, 1994), работы датчан Оле Бруна «Скотоводческое хозяйство: экономика и организация (Bruun, 1996б) и Оле Одгарда «Жизненный уровень и нищета» (Odgard, 1996), американца индийского происхождения Дениса Шихи «Продуктивное использование пастбищ» (Sheehy, 1996), а также англичанина Дэвида Сниса «Мобильность, технология и деколлективизация пастбищного животноводства» (Sneath, 1999) и другие¹.

5.1. О жизни аратов в СХО

Между этими произведениями немало общего. Прежде всего, почти все они основаны на результатах полевых исследований, на непосредственном знакомстве авторов с жизнью аратов на местах: М. Голдштейна и С. Белл в скотоводческом сууре (лагере) Цагаан Бурган Моост сомона Кобдосского аймака, Д. Шихи — в сомонах Арахангайского аймака, Д. Сниса — в сомонах

Ханх и Ринчин Лхумбэ Хувсугульского аймака, а О. Бруна и О. Одгарда — в ходе поездок по худону во время работы в Монголии по линии Датской организации помощи развитию (ДАНИДА).

Сравнительно-исторический подход, сопоставление условий и показателей жизни аратов в коллективных хозяйствах в рамках СХО и госхозов и при рынке, в условиях вольного существования частных аратских хозяйств — другая общая черта этих исследований.

При этом дается, как правило, очень позитивная и даже иногда высокая оценка достоинств кооперативного строя: СХО давали аратам постоянный заработок за выпас общественного стада и выращивание молодняка, обеспечивали госпоставками продовольствия и кормов, зоотехническим и ветеринарным обслуживанием, транспортом, различными механизмами, бесплатным школьным образованием, медициной и прочими социальными благами.

«Средняя аратская семья из 5 человек, — пишут М. Голдштейн и С. Белл, — об обследованной ими бригаде скотоводов в Цагаан Бургас, — зарабатывала за выпас кооперативного стада 8,5 тысяч тугриков в год². Кроме того, она могла потреблять в год до 20 баранов и коз и 1 яка — по стоимости это составляло 4 тысячи тугриков. Это превышало доходы многих государственных служащих». Расходы же на базовые продукты: муку, сахар, чай, водку, табак, масло для варки, конфеты, мыло, зубную пасту, свечи и одежду составляли от 1 до 5 тысяч тугриков. «Неудивительно, что ряд семей имели денежные накопления в банке» (Goldstein, Bell, 1994, с. 31).

Авторы высоко отзывались также и о сельском здравоохранении, школьной и пенсионной системах и т. п.

О медленном, но неуклонном повышении уровня жизни большинства населения, включая аратов до 1990 г. пишет Оле Одгард (Odgard, 1996, с. 103).

Еще одним достижением «коллективизации аратских хозяйств» Д. Шихи считает то новое, что СХО внесли в стратегию и методы ведения животноводства: племенная и селекционная работа, специализация и профилирование хозяйств, заготовка кормов и создание страховых фондов, рытье колодцев, возведение укрытий, причем «...не разрушив при этом

пастбищную систему и не вызвав износа пастбищ, как это произошло во Внутренней Монголии» (Sheehy, 1996, с. 53).

Все содержание и пафос вышеназванной, да и других работ Д. Сниса говорит о том, что он отдает предпочтение коллективному хозяйству перед частным (Sneath, 1999, с. 229–237; см. также: Sneath, 1991, 1993, 1998,; 2003, 2004).

Одним из первых адептов, можно сказать апологетов, животноводческих кооперативов в Монголии был и остается американский антрополог и социолог Даниель Розенберг, который в 70-х годах XX в. два с половиной года изучал условия жизни аратов в Тариат сомоне Архангайского аймака и так же, как впоследствии и другие западные специалисты-кочевниководы, которые бывали в Монголии, был поражен относительным процветанием членов СХО (Rosenberg, 1996, с. 253)³.

Идеальной выглядит жизнь аратов в СХО и в описании М. Россابي: тут и зарплата и пенсии, и дома для рожениц и интернаты для детей, и здрав- и ветпункты и т. д. и т. п., а невыполнение плановых заданий по приросту скота и низкая производительность — это все больше из-за «стихийных бедствий, урбанизации и лени отдельных скотоводов» (Rossabi, 2004, с. 119).

Подчеркивая бесспорные успехи и достижения кооперативного строя и СХО, авторы почему-то обходят молчанием вряд ли неведомые им факты, как-то: во многом принудительный характер кооперирования аратских хозяйств, осуществленного в 1957–1960 гг. под большим административным, партийным и экономическим нажимом; нерентабельность большинства созданных СХО на всем протяжении их существования, эксплуатацию аратов государством путем высоких налогов и низких цен на животноводческую продукцию, плановых заданий, обязательных госпоставок, превращение скотоводов, по сути, в наемных рабочих, которые могли иметь в личной собственности строго ограниченное количество скота и, как следствие, были лишены стимулов к производительному труду, жесткий административный и идеологический контроль со стороны руководства СХО над всеми сторонами жизни аратов (Санждорж, 1995, с. 179–180; МУТ, 2003, с. 327–378).

«Даже руководители СХО, — пишет О. Брун в монографии «Драгоценная степь», — чувствовали, что объединения являются

инструментом в руках государства». А скотоводы в течение многих лет жаловались «на бесконечные квоты и ограничения буквально на все, на твердые цены на их продукцию, на амбициозные производственные задания и сжатые сроки их выполнения... Они ощущали, что живут под сильным давлением...» (Брун, 2006, с. 22).

Все это привело к миграции художников в города — за 1960–1985 гг. численность животноводов сократилась на 30% (История Монголии, с. 274) и к застою в животноводстве, что признавало даже руководство МНРП (Там же, с. 344).

«СХО были нашей колоссальной ошибкой, — признался в беседе с авторами «Меняющегося мира монгольских номадов» в 1990 г. президент АН, физик с мировым именем Д. Содном, — они душили инициативы аратов. У Монголии сейчас столько же скота, сколько было 50 лет тому назад» (Goldstein, Bell, 1994, с. 26). Авторы с этим мнением не согласились и свое отношение к СХО резюмировали следующими словами: «На 1990 г. кооперативная система СХО создавала скотоводам удобную и обеспеченную жизнь» (Там же, с. 31)⁴.

Им вторил и М. Россابي: «Араты при коммунизме вели простой, но не бедный образ жизни...» (Rossabi, 2004, с. 121).⁵

Немудрено, что араты, по оценкам западных защитников СХО, первоначально с большой осторожностью и опасениями отнеслись к требованиям и намерениям реформаторов ликвидировать кооперативы, видя в этом «прямую угрозу своей безопасности и благополучию», и на всеобщем опросе, проведенном Союзом СХО в начале 1991 г., 88% аратских хозяйств высказались против роспуска объединений (Goldstein, Bell, 1994, с. 119).

Что же заставило новые власти все-таки пойти на реформу? По мнению Д. Шихи, О. Бруна, О. Одгарда, Д. Сниса и др. — это стремление развязать инициативу аратов, поднять товарность животноводства и вывести его из застоя и т. д.; по М. Россابي — это общий дух реформаторства, охвативший страну после выборов 1990 г., и, конечно, стратегия и рекомендации западных спонсоров.

М. Голдштейн и С. Белл считают, что главной причиной стало прекращение советской помощи и разразившийся сразу же экономический кризис: государство без ежегодных вливаний из

СССР попросту оказалось не в состоянии и дальше субсидировать СХО и обеспечивать аратам социальную защиту «от колыбели до могилы» (Там же, с. 96).

Забота о судьбе сельских тружеников была передана местным властям и Союзу СХО, под руководством которых весной 1991 г. в худоне начались масштабные преобразования, в результате чего к 1993 г., напомним, из 250 СХО 57 остались неизменными, 40 были полностью распущены, а 153 преобразованы в 320 акционерных компаний; 80% скота перешло в частную собственность (см. главу IV).

5.2. Реформа СХО и ее итоги

Из имеющихся у нас материалов наиболее полно картина проведения преобразований и приватизации скота СХО отражена в книге «Меняющийся мир монгольских номадов». На примере СХО «Туяа» Моост сомона Кобдосского аймака авторы вскрывают внутренний механизм превращения этого производственного кооператива в акционерное объединение и передачи общественного поголовья в частную собственность, что является ядром реформы.

По мнению авторов, приватизация скота началась не на пустом месте, ей предшествовали контрактная система выпаса общественного стада, введенная в 1988 г., а затем — с 1989 г. — выборочная сдача скота аратам в аренду на срок не менее 5 лет, что привело к сосредоточению у отдельных аратов большого поголовья и появлению относительного достатка⁵.

Однако они же считают, что эта система охватила незначительное число хозяйств и не имела существенного воздействия на повышение производительности труда (Goldstein, Bell, с. 106).

В начале 1991 г. 1450 членов СХО «Туяа» на общем собрании решили преобразовать кооператив в акционерное общество с сохранением в коллективной собственности 70% общественного стада и прежнего руководства. А 30% разделили следующим образом: половину поровну между всеми членами СХО, включая пенсионеров, 35% — в зависимости от стажа работы,

5% — основателям и руководителям и 10% — нескотоводам (Там же, с. 127).

Приватизация этого скота осуществлена путем его выкупа на розовые ваучеры — 3 тысячи тугриков на человека. На «голубые ваучеры» — 7000 тугриков — араты покупали акции стоимостью в 100 тугриков каждая — всего их было выпущено 185 072. Акции давали право на получение доли из общественного поголовья при выходе из АО и соответствующей части доходов от его деятельности. В итоге если при СХО в 1990 г. в личной собственности находилось 47% поголовья в сомоне, то в 1991 г. в частную собственность перешло уже 64%, в 1992 г. — и все 80% (Там же, 129, с. 142).

В результате приватизации многие хозяйства в Моост сомоне стали иметь по 100–150 голов скота, а некоторые и более 200, что, по расчетам Оле Бруна, в 1995 г. обеспечивало не богатую, но сносную жизнь, а при наличии в стаде 100 голов мелкого и 50 голов крупного скота — возможность его увеличения за 2 года в два раза (Brunn, 1996, с. 81). Даже М. Россابي признавал, что 100–125 голов скота в хозяйстве достаточно для рыночных операций (Rossabi, 2004, с. 121).

М. Голдштейн и С. Белл полагают, что в условиях экономического кризиса и политической нестабильности 1991–1992 гг., прекращения централизованного снабжения продовольствием, потребительскими товарами, топливом, машинами, неуклонного роста дороговизны и т. п. преобразование СХО в акционерные компании и приватизация скота «себя оправдали и прошли на удивление гладко» (Goldstein, Bell, 1994, с. 153).

Несмотря на снижение жизненного уровня аратов по части социальных благ, здравоохранения, образования, доступности продуктов и готовых фабричных изделий, разумная и эффективная система соучастия АО и частного хозяйства «...действительно хорошо показало себя на практике». Она способствовала адаптации скотоводов к новым условиям путем опоры на себя: поисков новых рынков сбыта своей продукции, развитию бартерной торговли, особенно в приграничных районах с Китаем, а также с другими АО, продаже мяса государству только по договорным ценам⁶, возвращению к традиционной технологии ведения скотоводческого хозяйства, в частности к домашнему

производству войлока, к привычному ранее более широкому употреблению вместо пшеничной ячменной муки и т.д.

«На второй год существования без СХО, — отмечают М. Голдштейн и С. Белл, — араты (Моост сомона. — М. Г.) были уверены, что смогут себя прокормить и содержать, и более того, выдержать все испытания и трудности перехода к рынку» (Там же, с. 153, 159). Эту уверенность, по наблюдению и утверждению авторов, им придавали самоконтроль, гордое возвращение к простым ценностям их отцов и дедов, а также возможности самообеспечения.

«Стремление к самообеспечению, — резюмируют М. Голдштейн и С. Белл в конце своей монографии, — это, конечно, реакция и ответ на развал национальной экономики. Но не только. Это *позитивный процесс обновления, утверждения и открытия вновь забытых традиций и ценностей* (курсив мой. — М. Г.). И хотя уровень жизни аратов в определенных отношениях снизился, *качество жизни* стало удовлетворительным» (Там же, с. 164).

Концепцию адаптации аратов к рыночным отношениям проводит и Оле Брун в упомянутой выше работе «Скотоводческое хозяйство: экономика и организация» (Bruun, 1996, с. 65–90). Опираясь на свой анализ годового бюджета средней аратской семьи из 5 человек, который показал превышение доходов над расходами⁷, а также учитывая, что, по его сведениям, большая часть аратских семей в результате приватизации стала иметь до 120 голов скота, О. Брун приходит к выводу, что «большинство аратских хозяйств сумело приспособиться к переходному периоду и многие хозяйства после роспуска СХО систематически обеспечивают прирост своего стада» (Там же, с. 81). По его мнению, «...шло неуклонное системное улучшение рыночной ситуации, и араты все более и более стали разбираться в рыночной ценности своей продукции» (Там же, с. 79).

И хотя на 1995 г. главной стратегией все еще оставалось достижение и укрепление самообеспеченности аратских хозяйств, у них был человеческий — кадры зоотехников, инженеров, механизаторов — и естественный потенциал для интенсивного развития в условиях рынка.

Совсем другие оценки перемен в жизни аратов в результате реформы СХО и приватизации скота и другие данные

содержатся в работах О. Одгарда, Д. Розенберга, Д. Сниса, названных в начале этой главы, и в монографии М. Россابي. Акцент сделан на негативных, по мнению авторов, последствиях трансформации и, прежде всего, на падении жизненного уровня и даже якобы почти всеобщем обнищании сельского, как, впрочем, и городского населения страны, а также на отрицательных изменениях в кочевом пастбищном животноводстве.

Так, Оле Одгард исходя из сведений от местных администраций, считает, что 52% аратских хозяйств в 1993 г. имело всего менее 50 голов скота, что обрекало их на нищенский уровень выживания (Odgard, 1996, с. 127).

В итоге приватизации 1991–1992 гг., согласно М. Россابي, 62–70% из 243 000 аратских хозяйств, т. е., примерно 161 000 хозяйств, стали собственниками менее 100 голов скота каждое, хотя для работы на рынок требовалось как минимум 100–125 голов на 1 хозяйство. В 1995 г. это могли себе позволить только 10% аратских хозяйств (Rossabi, 2004, с. 121).

Непосредственным следствием «скоропалительной» реформы СХО явились, по автору, рост имущественного неравенства — большая часть общественных фондов СХО досталась руководству объединений; пауперизация населения, особенно его наиболее уязвимых слоев: аилов⁸ из одной или неполной семьи, семей с нехваткой рабочих рук, со стариками, инвалидами, семей, и до реформы имевших мало скота.

Все они вынуждены были влачить жалкое существование ниже черты бедности, которая сама по себе была высокой.

Отмечает М. Россابي также резкое падение производства животноводческой продукции, масла и молока, что вынудило правительство в 1993 г. импортировать 875 т молочных продуктов (Там же, с. 125).

А рост поголовья с 25 млн. голов в 1990 г. до 33,5 млн. в 1999 г. автор объясняет резким сокращением экспорта мяса в РФ с 45 000 т в среднем в год в 80-х гг. до 14 000 т в 2003 г., а также трудностями, в частности из-за бездорожья, нахождения других рынков сбыта. Но и этот рост был весьма неустойчивым: в тяжелые зимы 1999–2000 и 2001–2002 гг. частные аратские хозяйства оказались не в состоянии в одиночку противостоять стихии, что привело к массовому падежу скота и сокращению поголовья с 30,3 млн. голов в 2000 г. и до 23,5 млн. в 2002 г. (Там же,

с. 125), а полмиллиона скотоводов оказались на грани голодной смерти⁹.

Общую характеристику деструктивных по существу перемен в худоне дает в своей монографии «Мобильность, технология и деколлективизация пастбищного животноводства» Дэвид Снис (Sneath, 1999, с. 223–237).

По мнению Сниса, реформа привела к переходу от масштабного, крупного, экстенсивного хозяйства с плановыми перекочевками на большие расстояния с использованием машин, с госпоставками кормов¹⁰ к мелкому атомизированному и демеханизированному частному хозяйству с использованием старой более трудоемкой технологии ручного труда и гужевого транспорта. Произошло сокращение основы основ пастбищного животноводства — мобильности: вместо традиционных четырех сезонных перекочевок араты перешли к двум перекочевкам: с летних сразу на зимние пастбища, причем со стремлением быть поближе к сомонным и аймачным центрам и городам, включая Улан-Батор (Там же, с. 223).

Все это наряду со значительным увеличением числа аратских хозяйств¹¹ в результате дробления СХО и, главным образом, т.н. процесса реномадизации, т.е. притока в кочевое животноводство горожан и части местной администрации угрожало страиванием и дегенерацией пастбищ и породило тенденцию к их размежеванию и огораживанию, к соперничеству вокруг землепользования¹².

Следствием реформы, как полагает Д. Снис, а также О. Одгард, М. Россаби, явилось также изменение структуры стада: если при СХО развивалась специализация хозяйств по породам скота, то частники стремились иметь как можно больше животных всех пяти видов. А их смешанные стада стали создавать трудности в продуктивном использовании пастбищ. Отрицательное воздействие на пастбища оказывало также резкое увеличение поголовья коз — с 5 млн. в 1990 г. до 11 млн. в 1994 г., связанное с повышенным спросом и высокой ценой на кашемировый пух на мировом рынке.

Наконец, банкротство и распад многих акционерных компаний, которые оказались не в состоянии заменить СХО по части снабжения своих членов продовольствием, потребительскими товарами, техникой, привели к тому, что аратские семьи

оказались предоставленными самим себе и «...стали сползать к натуральному хозяйству, едва способному обеспечить их самым необходимым и совершенно не способному иметь сбережения» (Там же, с. 229).

Нам представляется сомнительной категоричность как этого, так и другого положения автора, согласно которому «...Большинство аратских семей обнаружили, что собственность на скот не дает доходов, которые компенсировали бы утрату твердой зарплаты, от занятости в СХО и госхозах» (Там же).

Подводя итоги своей, как видим, критической оценки реформы СХО, Денис Снис пишет: «Второй раз в этом столетии политически централизованная элита Монголии меняет свое политическое и экономическое кредо: сначала государственный социализм, теперь — рынок. Последняя ориентация привела к роспуску кооперативов и госхозов. В новой обстановке масштабная политически централизованная социо-техническая система (организации и ведения кочевого животноводства. — М. Г.) пришла в упадок с ее специфической интеграцией навыков, новшеств и машин.

Домашняя социо-техническая система (или подсистема) во все большей степени придает приоритет пасторализму с разными комбинациями социотехнических элементов: более менее смешанные стада, меньше перекочевов, сокращение забоя и т. п. Но это нельзя считать разрушением древних традиций и форм кочевой жизни и быта» (Sneath, 1999, с. 234).

К критикам проведенного реформирования села, как мы уже отмечали, относятся Д. Шихи и Даниель Розенберг.

Среди отрицательных последствий реформы СХО и приватизации скота Д. Шихи выделяет резкое обострение проблемы сохранения продуктивности главного сельскохозяйственного ресурса страны — пастбищ. В условиях существования массы мелких аратских хозяйств и отсутствия централизованного планирования перекочевов, их сокращения и, следовательно, большей концентрации скота на ограниченной местности, преимущественно вблизи населенных пунктов, изменений в структуре стада, неблагоприятных экологических процессов и т. п. возникла реальная угроза сокращения пастбищных территорий и утраты их продуктивности.

Решение этой проблемы Д. Шихи видит в проведении районирования пастбищ с учетом физических, биологических, социокультурных факторов, количества и состава скота, в среднем приходящегося на одно хозяйство в соответствующем районе. Но это требует усиления регулирующей роли государства, чего в пореформенной Монголии пока особо не наблюдается.

«Поскольку пастбища на обозримое будущее остаются в собственности государства, — отмечает автор, — то критически важно, чтобы правительство развивало структуры, способные управлять пастбищами» (Sheehy, 1996: 64). Таковыми Д. Шихи считает, в частности, группы (ячейки) менеджмента ресурсными территориями (*resource area management unit*), в создании которых ведущую роль должны сыграть местная администрация и руководство акционерными объединениями.

Более развернуто, чем Д. Шихи рассматривает последствия реформы на селе Даниель Розенберг. Для него она, прежде всего, выдвинула общую проблему выживания и развития частных аратских хозяйств в случаях инвалидности, болезней, старости, и также перед лицом традиционных — стихия, волки, эпизоотии — и новых угроз — колебаний рыночной конъюнктуры, сокращения помощи и внимания со стороны государства, недостатка информации о валютных курсах, коммерциализации образования, медицины и т. д.

Автор подробно разбирает эти угрозы в своем докладе на VI Международном Конгрессе Монголоведов «Социальные аспекты приватизации монгольского пастбищного производства» и приходит к выводу, что они обрекают аратов на неуклонное увеличение тяжелых трудовых затрат и необходимость постоянного повышения бдительности во имя предотвращения этих угроз, что обедняет их жизнь, лишает возможностей, как это было при СХО, активного участия в общественной жизни и в целом снижает качество их жизни (Rosenberg. 1992, с. 8).

Итак, западные авторы дают неоднозначный ответ на вопрос о характере изменений в жизни монгольских номадов в результате реформы СХО: для одних она принесла в целом позитивные перемены, развязала частную инициативу, и хотя в ряде аспектов временно снизила уровень жизни, но повысила ее качество¹³.

Для других последствия реформы – чуть ли не сплошной негатив: она привела к обнищанию, пауперизации и имущественному неравенству.

Мы считаем, что истина лежит где-то посередине: хотя араты в целом переживают непростые, трудные времена, особенно в области социальных гарантий и социального обеспечения, в культурном плане и т. п., в производственном отношении они выиграли, стали полноценными хозяевами своих стад, способными повышать товарность своих хозяйств и вписываться в рыночные отношения. У них огромный потенциал и он с каждым годом будет все больше способствовать повышению качества их жизни.

5.3. Отношение к номадизму

Судьба номадизма в современной Монголии — это судьба примерно 40% населения страны, проживающего в сельской местности — худоне, судьба пастбищного животноводства, дающего 80% сельскохозяйственной продукции, судьба уникальной кочевой культуры, которая, собственно, и определяет отличие Монголии от других стран мира.

Неудивительно, что западные авторы стали уделять этой проблеме много внимания, хотя до сравнительно недавнего прошлого историография номадизма непосредственно в Монголии на Западе фактически ограничивалась работами Оуэна Латтимора (Lattimore, 1935; 1959), Лоуренса Крадера (Krader, 1953, 1963), Сэцэн Жагчида и Рауля Хайера (Jagchid, Hayer, 1979; Jagchid, 1988), Герберта Вриланда (Vreeland, 1957)¹⁴.

Так же как и в оценках реформы СХО, современные западные авторы придерживаются различных, в целом противоположных позиций в отношении номадизма и его перспектив в постсоциалистической Монголии.

Для одних пастбищное кочевое скотоводство и кочевой образ жизни — анахронизм, реликт, отсталость, мешающие или сдерживающие экономическое развитие и модернизацию.

Во введении к своей монографии «Конец номадизма?» известные знатоки проблемы Кэролин Хамфри и Дэвид Снис со ссылками на соответствующую литературу обозначили некоторые

стереотипы во взглядах критиков номадизма: «Номадизм — это категория (термин, понятие. — М. Г.), являющаяся плодом воображения неспециалистов, и она влечет за собой массу гипотетических представлений о кочевой жизни, как-то: что она протекает свободно и эгалитарно (см. дискуссию в: Dahl, 1979, с. 278; Gelner, 1988), или строится на базе сегментарных родовых связей (Asad, 1979), либо носит характер бродяжничества... Хорошо известно также изображение номадов свирепыми, воинственными племенами, приверженным грабежам и экспансии (Sahlins, 1961), или примитивными людьми, чьим наивысшим культурным достижением является красочный ковер...» (Humphrey, Sneath, 1999, с. 1).

«Современные кочевники, — отмечает американский социолог Кэролин Дайер, — представляют собой стойкие маргинальные группы, испытывающие на себе все возрастающее давление различных программ развития, не отвечающих их нуждам (Dyer, 2001, с. 315; цит. по: Campi, 2001, с. 41).

Действительно, разработчикам политики, по определению Д. Сниса, «нового рыночного модернизма» (Sneath, 2006а, с. 157), т. е., как пишет одна из ныне ведущих монголисток США Алисия Кэмп¹⁵ «западным советникам в Монголии» — сотрудникам Всемирного банка, Международного валютного фонда, а также представителям многосторонних, двусторонних и даже религиозных организаций помощи чужды симпатии к кочевой экономике, ибо среди них превалирует и практически не подвергается сомнению взгляд, что только «оседлость равнозначна, является эквивалентом возможностей развития и модернизации» (Campi, 2001, с. 42).

Негативное отношение, более того, деформация номадизма, по мнению А. Кэмп и др., уходит корнями в давние времена, в историю взаимоотношений оседлых и кочевых народов, а также в эпоху социализма, когда в СССР и МНР проводился курс на перевод кочевников на оседлость. Но и в настоящее время, как указывает еще одна крупная специалистка в области монголоведения в Америке — Элизабет Эндикот-Вест¹⁶, «несмотря на то что продукция кочевого пастбищного скотоводства составляет приблизительно 25% ВВП, образ жизни скотоводов по-прежнему зачастую представляют как отсталый и как преграду экономической модернизации» (Endicott, 2007, с. 109).

Такое отношение отвергают и ему противостоят взгляды довольно большого числа специалистов, преимущественно монголистов и кочевниковедов, опирающихся, как правило, на результаты полевых исследований и потому оперирующих убедительными аргументами и фактами.

Так, в своих работах¹⁷ и, пожалуй, наиболее концентрированно в монографии «Конец номадизма? Общество, государство и окружающая среда во Внутренней Азии» Кэролин Хамфри и Дэвид Снис развивают концепцию живучести кочевого пастбищного скотоводства — пасторализма, как традиционной, наиболее рациональной и продуктивной отрасли сельского хозяйства в экономических условиях Внутренней Азии, сердцевину которой составляет Монголия.

На примерах хозяйств и жизни кочевников-скотоводов в Монголии, Бурятии, АРВМ, Синьцзяна они доказывают, что пасторализм¹⁸ — это такая социо-экономическая и культурная система, которая «...является базой для наиболее эффективного, широкомасштабного, хорошо скоординированного и специализированного производства (животноводческой продукции. — М. Г.), и что она совместима с использованием передовой технологии и ориентацией на получение прибыли» и тем самым вписывается в рыночные отношения (Humphrey, Sneath, 1999, с. 1).

Через всю монографию красной нитью проходит положение о мобильности как сущности, главной составляющей пасторализма и обосновывают необходимость и важность ее сохранения в современных условиях. «Один из наших основных аргументов просто заключается в том, что сохранение мобильности является главным ключом обеспечения стабильного, устойчивого кочевого пастбищного животноводства» (Там же, с. 3).

В понятие «мобильность» авторы включают способность аратских хозяйств — основных после реформы СХО производственных единиц в худоне — перемещаться в пространстве и во времени, в том числе и на большие расстояния, а также рациональное использование пастбищ, что требует глубоких знаний, интенсивного труда и бережного отношения к окружающей природной среде (Там же, с. 218, 292–293).

И здесь на помощь кочевникам должны прийти современные техника и технологии, вполне совместимые с кочевым образом

жизни, а также правовое и государственно-административное урегулирование землепользования и рыночных механизмов, которые «...сами по себе не возникают, а требуют своего рода планирования» (Там же, с. 4). Использование машин, солнечных и ветряных генераторов, мобильных средств связи и т. п., полагают авторы, сближает кочевников с городской культурой и приобщает их к участию в современных процессах модернизации и даже глобализации (Там же, с. 3).

Страстной защитницей необходимости сохранения и дальнейшего развития кочевого пастбищного скотоводства и самобытной культуры монгольских кочевников выступает Алисия Кэмпбелл. В своем докладе «Проблемы интеграции кочевников Монголии в национальное государство XXI века», сделанном на Международном симпозиуме «Диалог цивилизаций: взаимодействие кочевой и других культур в Центральной Азии» (Улан-Батор, 15–16 августа 2001 г.), она открыто заявила: «Я являюсь, конечно, прономадисткой, т. е. мои пристрастия на стороне номадов, и в своих исследованиях, публикациях и на практике, в сфере монгольского бизнеса, я делаю все, что могу, чтобы быть глашатаем и толкачом выделения больших ресурсов и ассигнований на развитие сельского сектора Монголии. Ибо я действительно верю, что номады — это то, что определяет специфику Монголии и делает ее непохожей на другие развивающиеся страны» (Campi, 2001, с. 49).

Действительно, свои исключительно позитивные взгляды на номадизм и его перспективы в современной Монголии А. Кэмпбелл отстаивает и развивает начиная с 1992 г. с доклада на VI МКМ в Улан-Баторе на тему «Уникальные вызовы, стоящие перед Монголией в процессе адаптации ее кочевой социалистической экономики к свободной рыночной системе» (Campi, 1992 б). Затем последовали: статья «Специфические культурные и социологические вызовы, связанные с модернизацией кочевой социалистической экономики Монголии», в определенной степени повторяющая и развивающая основные положения доклада 1992 г. (Campi, 1994, с. 221–234); раздел «Культурные ценности кочевников и их влияние на модернизацию» в коллективном труде «Монголия в стадии перемен» (Campi, 1996, с. 90–102); пространный доклад в 4-х частях «Продвигая номадизм в XXI век: сохранение культуры и экологии вкупе с жизнеспособной

экономикой и национальной безопасностью» на VII МКМ в 1997 г. (Campi, 1997, с. 535–560), публикация «Возрождение монгольского номадизма и его значимость для будущего Монголии» (Campi, 2003)¹⁹.

Основные идеи, выдвинутые А. Кэмпби в этих работах, в принципе сходны со взглядами К. Хамфри и Д. Сниса, на которые она часто ссылается, и в схематическом виде сводятся к следующему:

1. Номадизм в современной Монголии — это сложный, жизненно важный, рациональный способ производства животноводческой продукции, базирующийся пока большей частью на традиционных народных методах ведения кочевого хозяйства. Вместе с тем это очаг, ареал существования специфической кочевой материальной и духовной культуры, кочевого образа жизни, одна из основ национальной идентичности монголов.

Он был и в значительной степени остается фундаментом экономики страны, источником продовольствия и сырья для обрабатывающей промышленности, поставщиком экспортной продукции.

2. Главной чертой номадизма является мобильность, определяющая весь уклад жизни кочевников и требующая тонких знаний и большого труда.

«Истинным базисом монгольского общества является мобильность, объединяющая и подчиняющая все стороны жизни: питание, одежду, жилище и т. д.» (Campi, 1992 б, с. 223).

Прекращение перекочевки будет означать конец номадизма. И потому идеи интенсификации по-прежнему экстенсивного по своей сути кочевого пастбищного животноводства путем перевода аратов на рельсы оседлости или введения отгонной системы контрпродуктивны (Campi, 2001, с. 44).

3. Непреходящую значимость сохраняют многие особенности кочевой культуры: упование на скот и его приумножение как наивысшую жизненную ценность и опору, и при этом стремление к рациональному сочетанию численности и состава поголовья с наличными пастбищными и людскими ресурсами; разделение труда по полу и возрасту; крепость семейных и родовых связей; взаимопомощь и взаимовыручка; отсутствие, как правило, жадности накопительства и сознательное ограничение имущества и инвентаря предметами, облегчающими перекочевки;

особый характер потребления; предпочтительное отношение к бартерной торговле и др. (Campi, 1992 б, с. 228–229; Campi, 1996, с. 90–91).

Любые программы модернизации для успешного достижения своих целей непременно должны учитывать эти культурные традиции, которые оказывают прямое влияние на экономические решения аратов, а также такие черты их характера и менталитета, как скромность, глубокую эмоциональность при внешней сдержанности и кажущейся апатичности и медлительности, чувство собственного достоинства и чуткое понимание природы, искренность и прямоту суждений, открытость, в общем, «духовную цельность» (*integrate of spirit*), — все то, что отличает их от так называемых «типичных азиатов» (Campi, 2001, с. 41; Campi, 1992 б, с. 91).

4. По мнению А. Кэмпби, «вызовом для Монголии является нахождение такой сбалансированной формулы экономического развития, которая признавала бы потенциал и силу кочевого животноводства и интегрировала бы его в процессы модернизации и экономического роста» (Campi, 1996, с. 91).

Создание такого рода синтезированной экономики, считает А. Кэмпби, отвечает задачам укрепления национальной безопасности Монголии, сформулированным в официальной Концепции национальной безопасности, принятой в 1994 г., повышает роль Монголии как связующего звена между Северо-Восточной и Центральной Азией. В этом плане страна может быть «зеленой зоной экономического развития, моделью для новых независимых государств Центральной Азии, при выработке ими стратегии развития, созвучной системе экономических и культурных ценностей номадов» (Campi, 1997, с. 553).

Анализируя перспективы номадизма в Монголии XXI века, А. Кэмпби выступает за увеличение капиталовложений в сельское хозяйство, включая животноводческий сектор, использование передовой технологии, в том числе мобильных скотобоен и перерабатывающих станций на шестиколесных вездеходах, решение транспортных проблем для выхода продукции животноводства на местный городской и мировой рынок, за развитие бартерной торговли в пограничных районах, за правовое регулирование проблем землепользования аймачными и сомонными властями, за тотальную борьбу с деградацией пастбищ путем,

в частности, полной реализации правительственной Программы создания здоровой, устойчивой окружающей среды на 1995–2010 гг., за поворот системы образования в сторону профессионального обучения и воспитания уважения к труду скотоводов и т. д. (Campi, 1997, с. 556–560)²⁰.

«Ясно, — заключает А. Кэмп, — что в будущем политика правительства по отношению к кочевой экономике будет оказывать сильное влияние на развитие страны, ее урбанизацию и модернизацию. Поэтому важно, чтобы номадизм рассматривался как специализированная экономика, которую следует заботливо развивать и делать более производительной с тем, чтобы он, номадизм, таким образом, нашел свое место в индустриальной городской Монголии» (Там же, с. 567).

Взгляды А. Кэмп в общем и целом типичны для многих других западных авторов, выступающих за сохранение номадизма и его адаптацию к рыночным отношениям и процессам модернизации. Можно указать, к примеру, на монографию немецкого этнографа Питера Финке «Номадизм в процессе трансформации: казахи в постсоциалистической Монголии» — итог его многолетних исследований в Баян-ульгейском аймаке (Finke 2004), на «блестящее», по оценке М. Россаби, исследование американцев Риккардо Нейпорта и Сиднея Голдштейна «Урбанизация и перераспределение населения в Монголии» (Neuport, Goldstein, 1994), на сборник докладов Международной конференции «Монгольская культура и общество в период глобализации», проведенной в Западно-Вашингтонском университете 4–5 августа 2006 г. и посвященной 800-летию юбилею монгольской государственности (Schwarz, 2006), на коллективную работу «Монголы. От села к городу: размытые границы, пасторализм и городская жизнь на землях монголов» (Brünn, Narangoa, 2006) и др.²¹

Почти все авторы этих исследований, наряду с К. Хамфри, Д. Снисом, А. Кэмп, рассматривая проблемы номадизма в целом с позитивных позиций, вместе с тем отмечают разного рода опасности, угрожающие монгольским кочевникам и их хозяйству. Прежде всего, это нарастающие экологические изменения, пагубные для пастбищного скотоводства: опустынивание обширных территорий на юге страны, обмеление и усыхание многих рек и озер, эрозия почвы и, конечно, стихийные

бедствия — гололедица и обильные снегопады (дзуд), засухи, наводнения, степные пожары.

Признается, что мелким и во многом обособленным частным хозяйствам значительно сложнее даже при государственной поддержке и помощи извне противостоять стихии, что и показали огромные потери скота в тяжелые зимы 1999–2001 гг.

Значительный вред хрупкой и уязвимой природной среде Монголии наносит, в частности, распространение варварских способов добычи золота со стороны 100 тысяч так называемых «ниньдзя» — «диких», или «черных», старателей. В погоне за прибылью они не принимают мер по защите природы, не занимаются рекультивацией земли, не считаются с интересами местных аратов, а некоторые из растущего числа иностранных горнодобывающих компаний, получивших лицензии на разведку и разработку полезных ископаемых, бывает, оттесняют или даже сгоняют кочевников с мест их привычных кочевий²².

Все это, естественно, ведет к сокращению пастбищных территорий (Briller, 1997, с. 5–6; Black, 2001, с. 45). Двойное отношение у авторов, названных выше, вызывает такое явление, как реномадизация, т. е. обзаведение скотом и переход на жизнь в худоне части городских жителей. С одной стороны, они оценивают это как свидетельство жизненности номадизма и как выход для обедневших слоев горожан (Neuport, Goldstein, 1994, с. 10 и сл.).

С другой — «...этот неожиданный стихийный, неуправляемый и нефинансируемый процесс» имеет негативные последствия: перегрузку и, как следствие, деградацию пастбищ, отягощение социальных проблем в худоне, умножение конфликтных ситуаций и, в перспективе, угрозу возможного раскола монгольского общества на две части, представляющие две обособленные самостоятельные культуры: современную городскую и традиционную кочевую (Campi, 1997, с. 545–549; Schwarz, 2006, с. 4–5).

«Новые номады» оцениваются как весьма слабые скотоводы, большей частью они оседают в сомонных (районных) и аймачных (областных) центрах, откуда ведут хозяйство с помощью наемного труда, стравливая при этом близлежащие пастбища, или становятся нахлебниками в родственных семьях (Campi, 1992 б, с. 4; Campi, 1997, с. 545).

Определенную угрозу представляет и наметившаяся тенденция к возможному установлению частной собственности

на пастбища, поддерживаемая частью западных советников. Сторонники номадизма считают, что эта тенденция уже нашла определенное отражение в новом Законе о земле от 2002 г., который в отличие от соответствующих статей Конституции 1992 г. и Закона о землепользовании от 1994 г. хотя и касается главным образом приватизации городских земельных участков и жилья, тем не менее явно отражает взгляд на землю как на рыночный товар (Endicott, 2006, с. 463; Mearns, 1993, с. 16; Mearns, 2004, с. 142–144).

О таком подходе, по мнению, в частности, Е.Эндикотт и Д. Сниса, говорит недавно введенная и уже распространенная в ряде районов практика сертификации пастбищ путем выдачи аратам т.н. «свидетельств на владение» (аренду) — «эзэмшил-гээний гэрчилгээ» — зимними пастбищами сроком на 50–60 лет (Endicott, 2007, с. 110; Sneath, 2003, с. 143).

И хотя Е. Эндикотт оговаривается, что от подобной практики до огораживания пастбищ, их превращения в рыночный товар и перевода аратов на оседлость еще очень далеко, что, согласно социологическим опросам и ее личным впечатлениям от 10-дневной поездки по Завханскому и Кобдоскому аймакам в 2005 г., большинство аратов выступает за сохранение летних и осенних пастбищ в общем пользовании, тем не менее тенденция, обозначенная выше, налицо.

В этой связи западные авторы — «номадисты» с явным беспокойством отнеслись к интервью, которое в 2001 г. дал тогдашний премьер Монголии Н. Энхбаяр, в котором он высказался за отказ от номадизма и кочевого образа жизни, за урбанизацию 90% населения страны, за организацию оседлых животноводческих кооперативов вблизи новых населенных пунктов и городов, которые должны вырасти вдоль «Дороги тысячелетия», и перевод туда аратов, сократив тем самым их численность с одной трети до одной десятой населения Монголии.

«У меня нет желания разрушить самобытную монгольскую идентичность, — цитирует А. Кэмпі главу монгольского правительства, а ныне президента страны, — но для того, чтобы выжить, мы должны перестать быть номадами» (см. соответственно Campi, 2006, с. 240; Campi, 2001, с. 42; Rossaby, 2004, с. 129; Endicott, 2007, с. 109, 113)²³.

По мнению этих и других ученых и наблюдателей эти высказывания расходятся с настроениями и представлениями большинства самих аратов о своем будущем, о чем свидетельствуют, в частности, результаты соответствующих социологических исследований.

Так, например, опрос, проведенный в 2004 г. фондом «Открытое общество» (фонд Сороса), показал глубокую приверженность аратов своему кочевому образу жизни. На вопрос: «При каких обстоятельствах вы бросили бы выпасать скот?» 47,5% из 773 респондентов ответили, что никогда, при любых обстоятельствах, не перестанут заниматься кочевым скотоводством, и лишь 25,3% готовы бросить это занятие, но только вынужденно, в случае полной потери своих стад (Endicott, 2007, с. 111)²⁴.

Опираясь на эти и другие аналогичные данные и, повторяем, на собственные наблюдения, Элизабет Эндикотт формулирует в целом общее для западных сторонников сохранения нomaдизма в Монголии заключение: «Жизнеспособность, проявленная пастбищным скотоводством и кочевым образом жизни за столетия политических перемен и экономических потрясений в Монголии, зачастую вызванных извне или сверху, говорит о том, что этот образ жизни будет продолжать существовать в обозримом будущем» (Endicott, 2007, с. 112).

Причем, как вытекает из рассуждений западных авторов, обозначенных выше, главными условиями дальнейшего существования нomaдизма в стране являются протекционистская политика государства и общее состояние монгольской экономики в эпоху глобализации.

Нам остается только выразить свою полную солидарность с этой позицией.

ГЛАВА VI

КУЛЬТ ЧИНГИС-ХАНА И ВОЗРОЖДЕНИЕ ЦЕРКВИ

Если в отношении номадизма, как мы пытались показать, продолжают существовать различные подходы и оценки, то культ Чингис-хана, его превращение в официальную государственную идеологию получили на Западе почти всеобщее признание как символ и знамя национального возрождения Монголии, монгольского т.н. «космополитического национализма»¹ и национальной идентичности (Ginsburg, Gansorig, 1996, с. 255).

6.1. Возвеличивание и идеализация образа Чингис-хана

Почитание Чингис-хана всегда было органической частью национального самосознания монголов и никогда его не покидало. Но в годы существования МНР его открытые проявления, как известно, находились под официальным запретом и подвергались гонениям как антинародные выступления, враждебные насаждавшимся сверху «социалистическому патриотизму и пролетарскому интернационализму» (Boldbaatar, 1999, с. 239–240).

И только в конце XX в. на волне подъема национализма, «сокрушившего коммунистический режим и ставшего главным течением современной Монголии», возродился и расцвел пышным цветом открытый культ основателя единого монгольского государства, «отца наций», «святого владыки (Богдэдзэн)», «символа монгольского национализма» — Чингис-хана (Kotkin, Elleman, 1999, с. 184).

«Для монголов, которые традиционно чтят своих предков, — писал известный монгольский политический деятель и публицист Б. Батбаяр (Баабар), — Чингис-хан — это нечто большее, чем национальный герой. Он их божество, духовная сила, объект не только национальной, но и личной гордости» (Баабар, 1999, с. 34).

В настоящее время все эти определения и эпитеты, по существу, разделяются большинством западных ученых и публицистов. Благодаря открытости Монголии и процессам глобализации культ Чингис-хана, апофеозом которого на сегодня стало грандиозное празднование 800-летия образования единого монгольского государства в Улан-Баторе в июне 2006 г., вышел за пределы Монголии и был воспринят на Западе, особенно «...в США, Канаде, Англии, народы которых не знали монгольского нашествия и их представления о Чингис-хане не были окрашены памятью о разрушениях и убийствах» (Campi, 2006, с. 240).

А то, что Запад узнал о Чингис-хане от монголов, за последние годы способствовало новому приливу там бума вокруг имени и деяний этого человека, интерес к которому возрастал еще со времен перестройки в Монголии.

Свидетельством тому — появление новых научных биографий: «Чингис-хан и строительство современного мира» профессора Колледжа МакКалестер (штат Миннесота) Дж. Уезерфорда (Weatheford, 2004) и «Чингис-хан: жизнь, смерть и воскрешение» английского публициста Дж. Мэна (Man, 2004), пополнивших и без того обширную западную литературную чингисиану; часовые документальные передачи о нем Би-би-си и съемки художественного фильма в Голливуде, стремление Запада добиться от монгольских властей разрешения на продолжение поисков места его захоронения и готовность редакций журналов «National Geographic», «The Wall Street Journal», газеты «International Herald Tribune» и других изданий, по примеру японцев², финансировать соответствующие экспедиции (Campi, 2006, с. 241–242), хвалебные статьи о нем на страницах солидных газет³ и т. п.

«Он мог убивать людей миллионами, — писал обозреватель «New York Times» **Николас Кристоф**, — **но он был также великим националистом и одним из самых блестящих командиров в истории**».

Английский журналист Эндрю Осборн величает Чингис-хана «...единственным историческим гуру, способным воскресить чувство величия в современной Монголии, быть моральной опорой людям, испытывающих все большее разочарование во вроде бы демократических постсоциалистических лидерах» (Цит. по: Campi, 2006, с. 243). А 31 декабря 1995 г. газета «Washington Post» провозгласила Чингис-хана «человеком тысячелетия».

В целом представляется, что в глазах Запада, к большой гордости монголов, все более утверждается образ Чингис-хана как гениальной личности, величайшего полководца и мудрого государственного деятеля. Более того, отдельные ученые провозглашают его чуть ли не апостолом демократии.

Наиболее развернуто и четко этот взгляд представлен профессором антропологии Пенсильванского университета (г. Питтсбург, США), участницей монголо-американской археологической экспедиции и IX МКМ Паулой Саблофф в ее большой статье «Чингис-хан и современная идентичность монголов: связь с демократией» (Sabloff, 2002, с. 38–56)⁴. Отметим, что статья и, особенно, раздел «Демократические принципы Чингис-хана», по признанию автора, повторяет идеи, изложенные П. Саблофф в соответствующих частях коллективной работы «Современная Монголия: востребование Чингис-хана», изданной под ее редакцией (Sabloff, 2001)⁵. Статья, таким образом, является концентрированным выражением устойчивых взглядов П. Саблофф на Чингис-хана как основоположника независимости и демократии в Монголии.

Развивая некую концепцию демократичности Чингис-хана, П. Саблофф пишет: «Последние исследования показывают, что его идеи государственности составляют ядро, сердцевину политической культуры граждан Монголии. Они включают в себя четыре базовых принципа либеральной демократии» (Sabloff, 2002, с. 39).

Эти принципы, якобы закодированные Чингис-ханом в 1206 г., суть следующие:

1. Выборность лидера на массовых съездах — хуралах и их участие в управлении, в принятии решений, в том числе по вопросам войны и мира. Великий хуралдан и Совет мудрецов при хане — первые шаги на пути к демократии участия или представительной демократии. Автор, правда, отмечает, что некоторые

ученые называют правление Чингис-хана военной демократией, другие — определяют его как военную диктатуру (Там же, с. 41).

2. Власть закона на всей территории Монгольской империи и одни для всех суровые — от штрафов до смертной казни — наказания за его нарушение, а также за проступки и преступления. При этом, отмечает П. Саблофф, Чингис-хан часто жаловал виновных освобождением от наказания за первые девять проступков.

3. Принцип равенства граждан был неведом Чингис-хану, но объективно нашел отражение во введении военно-административной системы, при которой все мужчины были воинами, а их домочадцы — тыловым обеспечением, а командиры подразделений как и состав Совета мудрецов, подбирались по их личным качествам и заслугам перед ханом, а не по происхождению. Такая меритокративная система (от слова *merito* — заслуга) открывала, как пишет автор, дорогу к продвижению людей по сословной и служебной линиям.

Другим объективным проявлением этого принципа было либеральное, удивительно уважительное отношение Чингис-хана к женщинам, что создавало предпосылки к их политическому равенству.

4. Отношение Чингис-хана к такой базовой основе либеральной демократии, как права и свободы человека, проявлялось в том, что он допускал в определенной мере свободу слова в Совете мудрецов, в его большой веротерпимости, в свободе вероисповедания и равенстве религий в его империи (Sabloff, 2002, с. 41–43).

Свои выкладки Паула Саблофф старается подкрепить ссылками на такой источник, как «Нууц товчоо» («Сокровенное сказание») в переводе и с комментариями американца Ф.В. Кливса (Cleaves, 1982); на биографию Чингис-хана немца Пауля Ратчневского (Ratchnevsky, 1997); на монографию англичанина Дэвида Моргана о средневековой Монголии (Morgan, 1996), что, однако, не делает их менее умозрительными⁶.

А ссылки на социологический опрос всего лишь 195 жителей Улан-Батора и Кобдо об их отношении к «демократическим принципам Чингис-хана», проведенный в 1998 г.⁷, на наш

взгляд, не дают никаких причин для обоснования автором своих генеральных выводов, а именно:

1. Все жители Монголии — казахи, ойраты, халха «...согласны, примерно в одинаковой степени, с тем, что он кодифицировал основные устои демократического общества, действующие на практике сегодня: некие рудиментарные представительные формы управления государством, власть закона, равенство перед законом и личные свободы, включая веротерпимость. И они согласны, что он принес населению страны (не только монголам) статус независимой нации и хорошо организованное мудрое и заботливое правление» (Sabloff, 2001, с. 53).

2. Согласно переписи 2000 г., все 30 народностей и этнических групп современной Монголии, заключает Паула Саблофф, прекрасно знают историю Чингис-хана и видят в нем больше чем родоначальника независимой нации. Они знают, что он посеял семена либеральной демократии, которая расцвела пышным цветом в Монголии в постсоветскую эпоху (Там же, с. 54).

Отметим, что эта парадоксальная, мягко выражаясь, концепция встретила скептическое, если не насмешливое отношение со стороны ряда американских коллег Паулы Саблофф (см.: Campi, 2006, с. 242; Rossabi, 2004, с. 198; 323).

Алисия Кэмпи в своем разделе «Влияние глобализации на специфику Монголии и культ Чингис-хана» в коллективной работе монголистов США «Монгольская культура и общество в век глобализации», вышедшей под редакцией известного синомонголиста, профессора Западно-Вашингтонского университета Генри Шварца (о нем см.: Гольман, 2004, с. 129), вообще подвергла эти идеи острой критике, как «большое преувеличение чуждое исторической правде» (Schwartz, 2006, с. 10).

6.2. Чингис-хан в оценках А. Кэмпи и Хр. Каплонского

Для Алисии Кэмпи Чингис-хан — это, прежде всего, символ монгольской государственности и независимости, «оплот новой национальной идентичности», а его культ — проявление и знамя монгольского национализма, мощный фактор сплочения монгольской нации.

Эти положения А. Кэмпбелл помимо раздела, указанного выше, последовательно проводит и во всех своих работах, в частности очень концентрированно в статье «Подъем национализма в МНР и его отражение в реформе письменности, в религии и в культе Чингис-хана» (Campi, 1991, с. 3–11), и в докладе на IX МКМ «Положение Монголии в мире к ее 800-летию: поиск национальной идентичности через Чингис-хана» (Campi, 2006, с. 232–244).

«Монголы обращаются к Чингис-хану, чтобы с помощью его образа создать новую идентичность, которая соединяет прошлое и настоящее и является основанием для будущего» — таков общий вывод, к которому приходит исследовательница в своих рассуждениях о культе Чингис-хана в современной Монголии (Там же, с. 242).

Ей во многом вторит американский антрополог Кристофер Каплонски, в 1993, 1997 и 1999 гг. работавший в Монголии и собравший большой архивный и полевой материал.

Так, в своем обширном докладе «Реконструируя монгольский национализм: взгляд на прошедшее десятилетие» на Международной конференции «Политическое и экономическое развитие Монголии за последние 10 лет и перспективы на будущее» (Тайбэй, 23–24 августа 2000 г.) он также отмечал, что наиболее яркими проявлениями национализма в Монголии в 90-е годы были неудачные попытки вернуть всеобщее употребление старой письменности, восстановление буддийской сангхи и, конечно, культ Чингис-хана (Kaplonski, 2000, с. 347–351).

Они свидетельствовали, и это главное, на что автор акцентирует внимание, что монгольский национализм, в котором, согласно его анализу, замешаны элементы ксенофобии, халхацентризма и панмонголизма, перестал быть агрессивным, нацеленным, как это имело место в ходе революционных событий конца 80-х — начала 90-х гг. прошлого века, против России и Китая, а повернулся в сторону внутренних проблем, в том числе и в сферы межэтнических отношений между халхасцами, ойратами и казахами. Автор выражает надежду, что эта направленность сохранится и в будущем (Там же, с. 361).

В своей монографии «Правда, история и политика в Монголии», отмеченной нами еще во Введении (Kaplonski, 2004), и в большой статье «Дело об исчезновении Чингис-хана:

искажение памяти» (Kaplonski, 2005, с. 143–172) автор выступает против широко распространенных как в Монголии, так и на Западе представлений о том, что открытое почитание, культ Чингис-хана воскресли как бы из небытия только после и в результате демократической революции 1990 г. «На самом деле Чингис-хан, — указывает Кр. Каплонски, — никогда не исчезал из национального самосознания монголов и, вопреки расхожему мнению, он не был предан забвению и в социалистической Монголии» (Kaplonski, 2005, с. 148). В доказательство автор ссылается на решения II съезда МНРП (1923 г.) о поощрении исследований о Чингис-хане, издании соответствующих документальных материалов, в том числе и «Алтан тобчи» (в 1927 и повторно в 1937 гг.)⁸, на «Краткую историю Монголии» А. Амара от 1934 г.⁹, другие научные публикации, на разделы о Чингис-хане в школьных учебниках и т. д. «Ясно, — отмечает Кр. Каплонски, — что и в социалистический период о нем действительно и писали, и говорили, возможно не так, как того хотели люди... Тогда, как и теперь, он был политическим барометром, показывающим изменения в идеологических схемах и пределы приемлемых проповедей» (Там же, с. 149).

В 40-х гг. наметились определенные отрицательные изменения в ранее более или менее позитивном освещении фигуры Чингис-хана, но окончательно поворотным пунктом стало осуждение МНРП празднования 800-летия со дня его рождения в 1962 г. и усиление требований применения критического марксистского подхода к оценке его жизни и деятельности. И хотя он полностью не исчез со страниц научных публикаций, но с тех пор и почти до конца 80-х гг. его характеристики были прочно привязаны к концепции «монгольского феодализма» и другим штампам, что, естественно, искажало его образ.

Автор задается вопросом, почему же в постсоциалистической Монголии продолжают настаивать на лишь недавнем возвращении имени и деяний Чингис-хана из «забвения»? И объясняет это поисками новой, по сравнению с социалистическим периодом (см.: Kaplonski, 1998), подлинно монгольской идентичности и процессами национального возрождения, логика которых толкала к отрицанию и преданию анафеме всего того, что имело место при социализме. С другой стороны, та же логика, считает автор, ведет к идеализации образа Чингис-хана и его «золотого»

времени вплоть до того, что историко-правовые корни современного демократического режима видятся в «народовластии Курултая Чингисхана». А это — тоже искажение памяти. Автор не формулирует, но приводит к выводу, что у каждой эпохи свои взгляды и своя память (Kaplonski, 2004, с. 190, Kaplonski, 2005, с. 168).

Итак, по всеобщему признанию западных авторов, культ Чингис-хана — важнейшая часть мировоззрения монголов, органическая часть их духовного мира и, как таковой, является мощным фактором укрепления их национальной идентичности и единства. Другим таким фактором стало возрождение традиционной религии монголов — ламаизма и ламаистской церкви в конце 80-х гг. и особенно активно и в широких масштабах — после демократической революции 1990 г.

6.3. О возрождении ламаистской церкви

Процесс возрождения, как известно, проявил себя в восстановлении и реставрации старых и строительстве новых буддийских храмов и монастырей, число которых уже к 1997 г. достигло 154 (Barkmann, 1998, с. 112), в росте численности буддийских монахов — с одной тысячи в конце 80-х гг. до 2500–3000 к 2000 г. (Rossabi, 2004, с. 191); в создании своего рода руководящего органа — Центра монгольских буддистов в главном монастыре Монголии Гандан Тэгчинлине и открытии там трех школ-дацанов по изучению буддийского учения и философии; в преобразовании там же Высшей буддийской школы в Буддийский университет, куда ежегодно поступают до 120 учащихся (Barkmann, 2000, с. 41), в активизации участия монгольских буддистов в таких международных организациях, как «Всемирное братство буддистов» и «Азиатская буддийская конференция за мир» и т. п.

Все это получило наиболее полное освещение и позитивную оценку в аналитических статьях Удо Баркмана: «Ламаизм в Монголии» (часть 1), «Возрождение ламаизма в Монголии», «Религиозный плюрализм и национальная идентичность в Монголии» и «Вмешательство геополитики в цикл жизни одного буддийского перерожденца» (Barkmann, 1994 а, с. 45–56;

Barkmann, 1997 а, с. 69–80; Barkmann, 1998, с. 98–115; Barkmann, 2000, с. 31–58).

Отмечая положительную динамику и результативность этого, так сказать, третьего по счету в истории Монголии распространения буддизма в стране¹⁰, автор вместе с тем указывает на ограничения и трудности, с которыми сталкивается ламаистская церковь в современной Монголии. Они связаны с последствиями разрушительных действий монгольских властей, десятилетий антирелигиозной пропаганды и секуляризации монгольского общества. В числе последствий — утрата значительной частью населения глубокой веры в учение Будды и, по оценке Баркмана, «чрезвычайно рудиментарная религиозная образованность общества», отсутствие института хубилганов и острая нехватка ученых лам, хорошо разбирающихся в буддийской теологии и т.д. (Barkmann, 1998, с. 103–104)¹¹.

Трудности ламаистской церкви также связаны со сложившейся религиозной ситуацией, которая характеризуется бурным развитием религиозного плюрализма, появлением и высокой активностью, прежде всего, различных христианских миссионеров и конфессий: католических, протестантских, православной.

В этих условиях буддийские монастыри в стране, не имеющие былой экономической и политической мощи, перестали быть универсальной системой, а буддизм потерял монополию в духовной сфере и вынужден жестко конкурировать с другими вероучениями в борьбе за умы и души монголов, особенно молодежи.

И хотя в отличие от культа Чингис-хана буддизм не обладает в Монголии всеохватывающим характером, он тем не менее традиционно представляет собой большую силу и занимает преобладающие позиции в современной религиозной жизни страны. Его ведущая роль закреплена в Законе об отношениях государства и церкви от 1993 г.; власти поддерживают церковь и морально, и материально¹², официальные лица, включая президента, премьера и членов ВГХ, участвуют в отдельных религиозных церемониях и обрядах, нередко посещают службу в монастырях (Barkmann, 1997 а).

Государство рассматривает буддизм и ламаистскую церковь как важные средства, инструменты нравственного, культурного

и духовного воспитания населения, 80% которого считают себя буддистами.

В свою очередь буддизм, как и культ Чингис-хана, связывает монголов с их историческим прошлым и богатым культурным наследием, включая буддийскую иконографию, живопись, архитектуру, и хорошо служит делу просвещения народа.

Ламаистская церковь в Монголии пользуется поддержкой и помощью со стороны Далай-ламы, который в 1979, 1982, 1987, 1991, 1994 и 1995 гг. приезжал в страну с неофициальными визитами. Он направляет в Гандан ученых лам, религиозную литературу, реликвии¹³. Однако в отношениях с Далай-ламой и Тибетом монгольские власти и ламы вынуждены проявлять большую осторожность и постоянно оглядываться на Китай.

Так, например, вмешательство геополитики, вероятность осложнений во взаимоотношениях с Китаем, да и с Россией тоже, обрекли на неудачу попытку монгольских лам провозгласить в 1999 г. Джебдзун Дамба хутухту IX, проживающего в Индии, главой ламаистской церкви в Монголии с постоянной резиденцией в Гандане¹⁴. Это превратило бы Монголию в официальный центр буддизма во всем регионе СВА, что «не отвечает интересам Китая и России», считает Удо Баркман.

Таковы, в общих чертах, взгляды немецкого ученого на положение ламаистской церкви и буддизма в современной Монголии, которые, по нашему мнению, достаточно верно отражают реальную действительность.

Как бы там ни было, но буддизм и церковь, буддийская сангха безусловно укрепляют независимость, национальное единство и национальную идентичность монголов. Они противостоят угрозам монгольской самобытности: безбожию, отрицательным воздействиям глобализации, вестернизации и т. п. Буддизм неразрывно связан с культурой монголов, с их традиционными обычаями и обрядами, его постулаты близки национальному характеру и менталитету монголов, они созвучны с демократическими процессами. Это все гарантирует буддийской вере долгую жизнь и духовное первенство в стране.

Как утверждал на форуме Азиатской буддийской конференции за мир в Улан-Баторе в 1998 г. ее президент и одновременно Чрезвычайный и Полномочный посол Индии в Монголии

хутухта Бакула Римпоче¹⁵, «...упадок буддизма будет означать утрату национальной идентичности» (Barkmann, 2000, с. 47).

Поскольку в основе культа Чингис-хана и в возрождении буддийской религии и церкви, как считают вышеобозначенные авторы, и мы с ними согласны, лежит национализм, официальная идеология современной Монголии, представляется уместным завершить эту главу одним из примеров того, как понимают и в чем видят его предназначение сами монголы.

«Национализм, — пишет видный государственный и политический деятель, в 1996–1998 гг. первый премьер, а в 2004–2007 гг. вице-премьер от демократов М. Энхсайхан, — должен стать мировоззрением, которое движет и направляет развитие государства и общества современной Монголии. Он должен стать силой, которая сплачивает нацию, стимулом для концентрации умов и усилий монголов в одном направлении — развития страны и каждого монгольского гражданина».

«Национализм для такой маленькой нации, как монголы, — резюмирует он, — является действенным способом самосохранения, особенно сегодня, в эпоху глобализации» (Ардын Эрх, 04.05.2007).

ГЛАВА VII

МОНГОЛИЯ И ЕЕ ПАРТНЕРЫ

Сразу отметим, что нам пока не удалось обнаружить обобщающих, специализированных трудов западных авторов по всему комплексу внешнеполитических отношений Монголии, по становлению и укреплению после 1990 г. ее международного правового статуса и имиджа как подлинно независимого, суверенного государства с глобальными международными связями¹, равноправного члена и активного участника мировой политики, особенно в регионах СВА, Дальнего Востока и АТР, по формированию ее современной внешней политики и по другим коренным проблемам этого плана, требующим глубокого осмысления и длительных исследований².

Отсюда задача настоящей главы весьма ограничена: на основе фрагментарных материалов выявить, главным образом, общие оценки и характеристики развития и, по возможности, современного состояния взаимоотношений Монголии с ее основными партнерами на международной арене.

7.1. О треугольнике Россия—Монголия—Китай

Имеющиеся материалы позволяют заключить, что западные авторы выделяют три основных этапа в развитии российско-монголо-китайских отношений в конце XX — начале XXI вв.

Первый этап — 1990–1992 гг. — это, по общим оценкам, период обвала отношений России и Монголии при одновременной нормализации их отношений с Китаем и переориентации Монголии на Запад.

Наиболее подробное освещение и характеристики различных аспектов этого этапа содержатся в работах монголистов Удо Баркмана «Отношения между Монголией и СССР/Россией с 1989 по 1993 гг.», «Некоторые аспекты геополитического положения современной Монголии», «Монголия между Европой и Азией — заметки о перспективе» (Barkmann, 1995, с. 22–40; Barkmann, 1997 в, с. 287–298; Barkmann, 1997 б, с. 1–12) и Алана Сандерса «Внешние отношения и внешняя политика», «Положение Монголии как территориально блокированного государства» и «Внешняя политика Монголии в 1980–90 гг.» (Sanders, 1996 б, с. 217–267; Sanders, 1996 а, с. 274–288; Sanders, 1997, с. 269–286). Рассматривается этот этап также в публицистических и аналитических статьях американского политолога Эриха Цайглера «Россия в АТР: великая держава или младший партнер» (Ziegler, 1994), **английского дипломата и ученого**, в 1979–1982 гг. посла Великобритании в МНР Томаса Невисона Хейнинга «Як, медведь и дракон: беспокойные сожители. Осторожный разговор о русском и китайском влиянии на историю Монголии» (Haining, 1996) и др.

Взгляды, которые с теми или иными отличиями развивают эти авторы в указанных произведениях, в общих чертах сводятся к следующим положениям.

1990–1992 гг. знаменовали собой коренные изменения, «перелом», как пишет Удо Баркман (Barkman, 1995, с. 27) в российско-монгольских отношениях, вызванные распадом СССР и социалистической системы, и революционными событиями в Монголии. Именно в этот период канули в лету патерналистские отношения СССР и МНР и их сердцевина и мозг — межпартийные связи между КПСС и МНРП, произошла полная деидеологизация межгосударственных отношений, торгово-экономические отношения были переведены на рыночные рельсы, замерло военнотехническое сотрудничество, был снят — «атомный зонтик».

Охлаждение российско-монгольских отношений, по А. Сандерсу, началось еще в конце 80-х гг. с сокращения объема экономического сотрудничества, перевода расчетов на конвертируемую валюту, выдвижения советской стороной проблемы долга, самопроизвольного отмирания в ходе перестроечных процессов интеграции хозяйственных комплексов двух стран.

Определенным детонатором отчуждения послужил начатый в апреле 1987 г. и продиктованный стратегическими целями нормализации и развития отношений с Китаем, а также экономическими соображениями вывод российских войск с территории Монголии, который был полностью завершен в сентябре 2002 г. (Sanders, 1996 б, с. 218–219). С одной стороны, это вызвало чувство удовлетворения в Монголии, но с другой — оголило монгольскую границу, резко обострило проблему национальной безопасности страны и, как особо подчеркнул английский политолог Джаспер Беккер, «сделало Монголию уязвимым объектом политики двух больших соседей – Китая и Японии» (Becker, 1989).

Обострению отношений способствовал также отзыв, по настоянию монгольского правительства, российских советников и технических специалистов³, который подогревался вспышкой националистических, антироссийских настроений, достигших апогея, по оценке У. Баркмана, в 1990 г. (Barkmann, 1995, с. 39).

Причины этого кратковременного, но достаточно бурного всплеска русофобии лежали, в частности, в обнародовании материалов о репрессиях в Монголии в 30-х гг. в эпоху Сталина, о политическом диктате Москвы, неэквивалентном торговом обмене, русификации и т. д. Осложняли двусторонние отношения и такие моменты, как пристальное внимание и политическая «озабоченность» монгольских властей судьбой и культурным, религиозным и материальным положением монголов за рубежом и, не в последнюю очередь, в Бурятии, Калмыкии, Туве, на Алтае и в Якутии (Barkman, 1997 а, с. 69–79). Эти и другие проявления идей панмонголизма, по мнению У. Баркмана, Э. Цайглера и др., свидетельствовали о его определенном возрождении в Монголии, что «...по своей значимости является серьезным фактором, способным поставить под вопрос стабильность в регионе» (Barkman, 1995, с. 37) и «...не соответствует ни российским, ни китайским государственным интересам. В Китае боятся влияния Улан-Батора на Внутреннюю Монголию, а в Москве — его воздействия на Бурятию, Туву и Калмыкию» (Zeigler, 1994, с. 534; см. также: Bulag Humphrei, 2006)⁴. Ну а главное, что, как считают западные аналитики, сильнее всего омрачило российско-монгольские отношения, так это вызванные распадом Советского Союза и российскими внутренними проблемами

резкое прекращение помощи Монголии со стороны РФ в 1991 г. и практическое замораживание торгово-экономических связей. Монголию охватил глубокий экономический кризис, поставивший ее на грань национальной катастрофы и вину за него монголы во многом возлагали на русских (Ginsburg, 1995, с. 462–463). Потерпев неудачу в своем стремлении перенести обязательства бывшего СССР на Российскую Федерацию, монгольская сторона обратилась за помощью и повернулась лицом к Западу, Японии и Китаю.

Итак, застой по всем направлениям — такова общая и достаточно объективная оценка западными авторами состояния российско-монгольских отношений в 1990–1992 гг.

Показательным на этом фоне выглядит процесс нормализации и неуклонного улучшения в этот же период отношений Монголии с Китаем, который получил подробное освещение в рассматриваемых публикациях.

Так, например, А. Сандерс относит начало этого процесса еще к последним годам существования МНР: заключение впервые торгового соглашения сроком на 5 лет в 1986 г. и расширение воздушного и железнодорожного сообщения для международного обмена туристами; подписание в июне 1987 г. Соглашения о порядке решения пограничных проблем⁵ и визит в Монголию делегации Всекитайского Собрания народных представителей; прием в Пекине Председателем КНР Ян Шанькунем главы Великого Народного Хурала в 1988 г. и, наконец, официальный визит в КНР министра иностранных дел Монголии Ц. Гомбосурэна в апреле 1989 г. (Sanders, 1997, с. 273). Автор, верный своему творческому почерку, старается не комментировать эти и последующие события, считая, видимо, что они сами по себе говорят о сдвигах в монголо-китайских отношениях.

Но подлинный прогресс в отношениях Монголии и Китая наступил после официального визита президента Монголии П. Очирбата в Пекин в мае 1990 г. и, как пишет А. Сандерс, ссылаясь на китайские источники, «его сердечной встречи» с председателем КНР Ян Шанькунем в ноябре того же года при возвращении из Японии (Там же, с. 279).

За этим последовали первая за 30 лет встреча Председателя МНРП П. Очирбата с Генеральным секретарем ЦК КПК Цзянь Цземином в феврале 1991 г., приезд в столицу КНР министра

обороны Монголии, генерал-лейтенанта Ш. Жадамбы и его контакты с премьером КНР Ли Пэном в апреле 1991 г., заключение Соглашения об открытии 8 новых контрольно-пропускных пунктов на монголо-китайской границе во время пребывания в КНР вице-президента Р. Гончигдоржа в июне 1991 г.

А в августе 1991 г. впервые глава китайского государства, председатель Ян Шанькун приехал с официальным визитом в Улан-Батор, где и состоялась встреча на высшем уровне, поставившая окончательную точку в нормализации монголо-китайских отношений. «По словам П. Очирбата, — отмечает А. Сандерс, — оба лидера проявили полное единство взглядов на дальнейшее расширение сотрудничества между двумя странами» (Там же, с. 276).

Политический консенсус сопровождался, по оценкам и А. Сандерса, и У. Баркмана, «резким подъемом, буквально бумом в экономических отношениях», чему в немалой степени способствовали «огромной важности» межправительственное соглашение о транзите монгольских товаров через территорию Китая и открытии порта Тяньцзинь для монгольского судоходства от 26 августа 1991 г. (Sanders, 1996 а, с. 285; Barkmann, 1997 б, с. 291 и др.). «Впервые в практике международных отношений, — пишет А. Сандерс, — в нем было специально отмечено, что “Монголия, как страна, окруженная сушей, особо нуждается в выходе к морю” и это соглашение предоставляет ей самый короткий путь к нему». Оно, по А. Сандерсу, ослабляло зависимость монгольской транзитной торговли от Транссибирской железнодорожной магистрали, открывало перед ней «южные ворота» во внешний мир, возможность осуществлять и железнодорожные, и морские перевозки через международный порт Тяньцзинь⁶.

Таковы, на наш взгляд, основные характеристики развития российско-монгольских, китайско-монгольских отношений (отношений, по образному определению Томаса Хейнинга, между яком (Монголией), медведем (Россией) и драконом (Китаем) соответственно) (Haining, 1996) до 1993 г., обозначившего, по всеобщему признанию, их вступление в следующий этап, завершение которого можно условно отнести к 2000 г. Главным же итогом изменений во внешнеполитическом положении Монголии за 1990–1992 гг., наряду с нормализацией

отношений с КНР, была переориентация Монголии на Запад (см. ниже) с чем с этого времени и, возможно, на обозримое будущее придется считаться и России, и Китаю.

Что касается российско-монгольских и китайско-монгольских отношений в период 1993–2000 гг., то они рассматриваются, правда, весьма лапидарно и ограниченно, в работах, которые мы уже выше цитировали, ну а главным образом и достаточно детально в двух заключительных главах монографии М. Россابي «Современная Монголия» (Rossabi, 2004, с. 199–245) и в монографии У. Баркмана «Отношения между Монголией и КНР (1952–1996). Попытка диагноза» (Barkmann, 2001).

Отношениям России и Монголии, причем преимущественно политическим, М. Россابي посвящает раздел, которым открывается глава VII — **«Новая Монголия в новом мире»**, — охватывающая также весь комплекс взаимоотношений Монголии с США, европейскими и азиатскими странами (Rossabi, 2004, с. 199–224).

А китайско-монгольские отношения, что показательно, автор выделяет в самостоятельную главу VIII, делая опять же упор на политику, на общую стратегию этих взаимоотношений (Там же, с. 225–245).

Монография У. Баркмана охватывает период 1952–1996 гг., когда у власти в Монголии стояла МНРП. Поэтому автор рассматривает развитие межгосударственных отношений между Монголией и Китаем, в том числе и во время правления однопартийного правительства П. Жасрая в 1992–1996 гг., в тесной связи с межпартийными связями МНРП и КПК, а также в контексте российско-китайских отношений.

Итак, как же оценивают эти и другие западные аналитики развитие российско-монголо-китайских отношений в рассматриваемый период?

Поворотным пунктом в отношениях Монголии и России стало заключение 21 января 1993 г. на саммите в Москве Договора о дружественных отношениях, положившего начало процессу постепенной стабилизации этих отношений на основе взаимной заинтересованности в их дальнейшем развитии.

Договор привел, прежде всего, к значительной интенсификации политических связей, наиболее крупными вехами в развитии которых стали: визит министра иностранных дел

Е. М. Примакова в 1996 г., обмен парламентскими делегациями в 1997 г., обмен визитами глав внешнеполитических ведомств в 1999 г., рабочая встреча президентов двух стран в Москве в декабре того же года и, конечно, официальный визит и переговоры Президента РФ В. В. Путина в Улан-Баторе 13–14 ноября 2000 г. М. Россаби специально подчеркивает, что это был «первый визит на таком уровне за предыдущие 26 лет» и он явился кульминацией процесса стабилизации и придал российско-монгольским отношениям новый импульс (Rossabi, 2004, с. 205).

Не осталось незамеченным и определенное оживление торгово-экономических связей между Россией и Монголией, хотя из монографии М. Россаби, а также раздела А. Сандерса «Внешние отношения и внешняя политика» в книге «Монголия в стадии перехода» вытекает, что прогресс здесь был вялым, доля России в общем товарообороте Монголии неуклонно сокращалась, и в плане экономических позиций в стране она значительно отставала от Китая (Rossabi, 2004, с. 202; Sanders, 1996 б, с. 249)⁷.

Однако комментируя и разбирая положения Концепции внешней политики Монголии, принятой Великим Государственным хуралом в июне 1994 г. западные авторы акцентируют внимание на закреплении в ней отношений с Россией и Китаем как одинаково «приоритетных» для многовекторной внешней политики Монголии, стремящейся к «выравниванию», как пишет А. Сандерс, и поддержанию баланса в отношениях со своими великими соседями (Sanders, 1996 б, с. 233).

Вместе с тем на Западе считают, что это не означает равноудаленности Монголии от России и Китая, ибо исторически, политически и эмоционально, т. е. на уровне общественного сознания монголов Россия ближе Монголии, чем Китай, ибо «...нет в мире народа, кроме русского, с которым бы монголы были так тесно связаны в XX столетии. В отношении же к своим южным соседям — китайцам — сохранялись настороженность и стремление держать дистанцию, что имеет древние исторические корни» (Barkmann, 1995, с. 38–39).

К примеру, М. Россаби приводит данные социологического опроса, проведенного в феврале 1996 г., согласно которому 79% респондентов высказались за более тесные отношения с Россией и лишь 35% — с Китаем (Rossabi, 2004, с. 206). Он усматривает

в этом проявление ностальгии по «дружбе» времен существования СССР и МНР, которая охватила большую часть монгольского общества во второй половине 90-х гг. Она стала важным фактором улучшения двусторонних отношений в этот и последующий периоды (Там же).

В целом позитивно оценивая развитие российско-монгольских отношений в 1993–2000 гг., М. Россаби вместе с тем обращает внимание и на ряд «болевых точек»: разрушительные последствия 25-летнего пребывания советских войск на территории Монголии для экологии 188 мест их дислокации, нерешенность проблемы долга^{7а}, перебои в снабжении Россией западных районов электроэнергией и в поставках нефтепродуктов, сокращение импорта в Россию монгольского мяса, некоторые «неувязки и нестыковки» в работе совместных предприятий — ГОК «Эрдэнэцаг», Монголросцветмета; УБЖД.

Несмотря на все это, главное, что произошло между Россией и Монголией на этом этапе, были, по оценке М. Россаби, стабилизация, более того, восстановление «хороших отношений» (Там же, с. 206)⁸.

Что касается Монголии и Китая, то здесь особое внимание привлекли два события.

Это официальный визит премьер-министра КНР Ли Пэна, заключение 29 апреля 1994 г. базового Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве, превращение к 1993 г. Китая в главного торгово-экономического партнера Монголии.

Западные авторы в один голос отмечают большое значение этого Договора, который, по оценке У Баркмана, «...заложил новые правовые основы для формирования отношений в области политики, экономики, культуры, образования, науки и техники, здравоохранения, защиты окружающей среды, транспортных связей, телекоммуникаций, а также для сотрудничества между парламентами, правительственными и общественными организациями и прямыми контактами между административными образованиями обеих стран» (Barkmann, 2001, с. 128).

Он публикует полный текст этого Договора в приложениях к своей монографии и подробно разбирает его статьи, а также перечисляет все «важные межведомственные соглашения» о сотрудничестве в области культуры, ветеринарии,

защите и использовании приграничных водных ресурсов и др., заключенных во время визита Ли Пэна.

А. Сандерс выделяет принципы политики Китая в отношении Монголии, которые, по его словам, сформировал Ли Пэн, находясь в Улан-Баторе, и которые отражены в Договоре:

«1. Это приверженность пяти принципам мирного сосуществования.

2. Уважение независимости, суверенитета и территориальной целостности Монголии.

3. Развитие торгово-экономического сотрудничества на взаимовыгодной и равноправной основе.

4. Поддержка свободы Монголии от атомного оружия и иностранных войск.

5. Желание видеть развитие отношений Монголии с другими странами» (Sanders, 1996 б, с. 229).

М. Россابي дополнительно упоминает принцип невмешательства во внутренние дела друг друга и невступление в союзы, направленные против одной из сторон.

И У. Баркман и М. Россابي отмечают, что на совместной пресс-конференции после подписания Договора обе стороны обменялись официальными заявлениями, согласно которым Китай объявил о своем уважении безъядерного статуса Монголии, а Монголия — о признании правительства КНР единственно законной властью китайского государства, а Тайвань — неотъемлемой частью его территории (Barkmann, 2001, с. 238; Rossabi, 2004, с. 233).

Касаясь неуклонного укрепления экономических позиций Китая, его превращения во второй половине 90-х гг. в главного экономического партнера Монголии⁹, М. Россابي, по сути, полагает, что за этим скрывается стратегическая цель достижения гегемонии в Монголии предпочтительно через экономику, а не путем политического или военного давления. «Они (китайцы. — М. Г.) похоже решили, что добиваться экономического влияния, а потенциально и экономического господства — это лучшая стратегия, чем стремиться к подчинению и управлению еще одной территорией с беспокойным т.н. “национальным меньшинством” (Rossabi, 2004, с.230).

В этой связи, цитируя заявление президента П. Очирбата после визита Ли Пэна о том, что «между Монголией и Китаем

нет больше нерешенных принципиальных проблем» М. Россabi называет его «слишком розовым» (Там же, с. 233).

И действительно, западные наблюдатели считают, что уже на этом этапе, т. е. в 1993–2000 гг., у Монголии и Китая была немало оснований для взаимных опасений и недовольства.

У монгольской стороны — это опасность радиоактивного заражения западных аймаков в результате подземных ядерных испытаний в приграничных районах Синьцзяна в 1995 и 1996 гг., неофициальная картографическая и историографическая агрессия Китая¹⁰, контрабанда наркотиками, алкоголем, фальсифицированными лекарствами, экономические и правовые нарушения — нелегальная рыбная ловля, вырубка леса, угоны скота, нелегальная иммиграция, несоблюдение китайскими фирмами монгольского трудового законодательства¹¹ и, конечно, ассимиляторская политика во Внутренней Монголии, преследование там монгольских диссидентов. Все это вызвало протестные антикитайские демонстрации перед посольством КНР в Улан-Баторе в 1991, 1995, 1996 и 1999 гг.

У китайской стороны — боязнь усиления сепаратистских настроений в Тибете под воздействием крепнущих связей Монголии с тибетскими ламами и, прежде всего, с Далай-ламой, чьи неофициальные визиты в Монголию в 1979, 1982, 1987, 1991, 1994, 1995 годах вызвали раздражение и протесты правительства КНР; негласная поддержка и открытая защита внутримонгольских оппозиционеров жесткому курсу китайских властей, попытки возрождения панмонголизма путем, в частности, создания некоего Всемирного братства монголов¹², растущие связи Монголии с Тайванем¹³.

Прогнозируется, что такого рода взаимные претензии будут возрастать и на новом современном этапе развития отношений между Монголией и Китаем, а также и между Монголией и Россией, учитывая, в частности, периодические инциденты на монголо-тувинской границе (Rossabi, 2004, с. 202, 241).

Этот этап начался на рубеже двух веков и характеризуется, прежде всего, как период интенсификации российско-монгольских связей после визита в ноябре 2000 г. президента РФ В.В. Путина в Улан-Батор и премьера Монголии Н. Энхбаяра в Москву в 2003 г. Главными итогами этих визитов признаются активизация политического диалога, рост товарооборота,

снятие проблемы долга, заключение новых соглашений по совместным предприятиям.

Вместе с тем на Западе не считают, что за последние годы в «стабильно хороших» отношениях Монголии с РФ произошли какие-либо особо крупные качественные изменения: по-прежнему сохраняются «болевые точки»: торговый дисбаланс, высокие тарифы и пошлины на монгольский экспорт, ограничение поставок мяса и т. п., а стремление властей и российского крупного бизнеса развивать с Монголией стратегическое партнерство наталкивается на жесткую конкуренцию со стороны западных фирм и, главным образом, Китая, уже завоевавшего в Монголии экономические позиции, значительно превосходящие российские¹⁴.

Китай, как это кажется М. Россаби, стремится «играть ведущую роль в Монголии и во всей Центральной Азии», «имеет намерения заменить Россию в качестве доминирующей экономической силы» в этом регионе и тем самым улучшить положение с решением проблем внутренней безопасности» (Rossabi, 2004, с. 277). И не только. То, что китайский лидер Ху Цзинтао свои первые заграничные визиты в мае и июне 2003 г. совершил именно в Центральную Азию и Монголию, предоставив последней 300 млн. долларов в виде безвозмездной помощи и льготных кредитов на строительство дорог, связывающих запад Монголии, с Китаем, а также 1 млн. долларов на «координацию с министерством обороны Монголии» не свидетельствует ли, задается вопросом автор, что «Китай хочет играть большую военную роль в Монголии и тем самым иметь там еще большие политические и экономические рычаги» (Там же, с. 244; French, 2004).

И тем не менее, по разным оценкам, у Монголии как никогда прочные международные позиции, ее руководство не испытывает опасений в отношении каких-либо намерений России и Китая доминировать в стране, рассматривает монголо-российско-китайские отношения на сегодняшний день и перспективу как добрососедские, конструктивные и старается извлечь из них максимальную пользу.

В свою очередь стратегические партнеры — Россия и Китай — после 1990 г. считают подлинно независимое суверенное монгольское государство не как прежде буферной зоной,

а политически равноправным партнером, играющим важную геополитическую и экономическую роль связующего звена в их двусторонних отношениях, а трехстороннее российско-монголо-китайское сотрудничество — как решающий фактор мира и стабильности в регионах СВА и ДВ, развития там интеграционных процессов (Schran Yu, 1999).

7.2. США и Монголия

Как известно, США были первыми из великих держав Запада, которые в 1961 г. в связи с вступлением МНР в ООН начали переговоры об установлении дипломатических отношений между двумя странами, но под давлением чанкайшистского лобби в Конгрессе и в связи с официальными протестами Республики Китай (Тайвань) быстро отказались от их продолжения. Вторая попытка имела место в 1973 г., но была прервана по тем же причинам (подробно обо всем этом см.: Гольман, 1970, с. 83–84; 104–105; Хурметхан, 2003, с. 24–25).

Таким образом, по иронии судьбы, они оказались последней западной державой, установившей дипломатические отношения с Монголией лишь 1 января 1987 г.

Как же развивались американо-монгольские связи в последние 20 лет?

Краткий, но в целом достаточно всеобъемлющий ответ на этот вопрос дают, прежде всего, наши первоисточники: статьи 4-го посла США в Улан-Баторе Альфонсо Ла Порта с соавторами «Будущее уже сейчас» и «Два года прогресса» (La Porta, Grossman, 1998, с. 3–9; La Porta, Crichfield, 2000, с. 3–10) и 6-го посла Памелы Слутц «Отношения США—Монголия: всестороннее партнерство на базе общих ценностей и общих стратегических интересов» (Sultz, 2005, с. 6–12)¹⁵. Эти статьи носят во многом документальный характер и отражают, естественно, официальные оценки.

Дополнительные сведения и анализ содержатся в разных частях монографии М. Россаби «Современная Монголия» (Rossabi, 2004, с. 101–102; 207–242), в докладе А. Кэмпи на Международном семинаре «Монголия в XXI веке» в Дели в 2007 г. под названием «Политика США по отношению

к Монголии после установления дипломатических отношений» (Campi, 2007) и в ее статье «Ранние дипломатические контакты США с Монголией» (Campi, 1999)¹⁶, а также в материалах прессы и периодики¹⁷.

Судя по этим материалам, старт развитию американо-монгольских отношений в конце XX — начале XXI вв. был дан в 1986 г. неофициальными и официальными переговорами об установлении дипломатических отношений. Причем инициатива исходила с монгольской стороны: соответствующие сигналы шли по двум каналам: через представительство МНР в ООН в Нью-Йорке и японского посла в Улан-Баторе. В США инициативу МНР поддержал госсекретарь Дж.Шульц, а в Токио вести неофициальные переговоры с монгольским дипломатом Р. Болдом было поручено советнику посольства США в Японии, монголистке Алисии Кэмпи. Они продолжались до осени 1986 г., когда начались официальные контакты между представителями МНР и США в ООН — Г. Нямдо и В. Уолтерсом, которые в скором времени завершились соглашением о взаимном признании и обмене посольствами (Campi, 1999, с. 47).

Столь поздний по сравнению с другими державами акт со стороны США объясняется американцами тем, что до 80-х гг. отношения между США и Монголией были «заложником», с одной стороны, Советского Союза и американо-советских отношений, с другой — Тайваня и американо-китайских отношений (La Porta, Grossman, 1998, с. 4)¹⁸.

«Причина, по которой США так долго выжидали с установлением нормальных дипломатических отношений с Монголией, — пишет американский ученый-международник Джордж Квестер¹⁹ в статье «Чуткое отношение Америки к Монголии», — состояла в том, что до того, как США перенесли свое дипломатическое признание и посольство с Республики Китай на Тайване в Китайскую Народную Республику в Пекин, они все еще признавали притязания Республики Китай на границы Китая, включающие Монголию» (Qucsterttu, 1996, с. 71).

Другая причина заключалась, по этому автору и иже с ним, в слабой взаимной осведомленности США и Монголии друг о друге: «...для большинства американцев Монголия была страной *terra incognita* и частью Китая, в свою очередь монголы были

плохо знакомы с Америкой и ее институтами» (Там же, с. 73 и сл.).

Таким образом, первоначально с января 1987 до начала 1990 гг. — отношения между США и Монголией носили корректный, но во многом формальный характер: американское посольство было открыто в Улан-Баторе в июне 1988 г., но первый посол — Ричард Уильямс, только в сентябре вручивший свои верительные грамоты, бывал там наездами из Вашингтона и Пекина, а монгольское посольство в Вашингтоне открылось вообще в марте 1989 г.

В этот период как бы взаимного ознакомления Монголия для США представляла интерес, главным образом, как «окно наблюдения за китайско-советскими отношениями и процессами гласности и перестройки, которые Москва распространила и на своего лояльного сателлита» (Campi, 2007, с. 1).

Никакой стратегии развития экономических отношений с Монголией у США в эти годы не было, хотя для монголов это представляло главный интерес. И расширение официальных связей началось с заключения Консульской конвенции, Соглашения между Американским советом научных обществ и Академией наук МНР от 23 мая 1988 г. о научном обмене, а также общего Соглашения о культурных связях от 1989 г., согласно которому, в частности, в январе 1991 г. в Монголию прибыла первая группа волонтеров Корпуса мира²⁰.

Однако стремительное, на наш взгляд, сближение Монголии и США началось с победы демократических сил в марте 1990 г.

Уже в апреле состоялся визит в США вице-премьера Д. Бямбасурэна²¹, в июле 1990 г. в Улан-Батор на постоянное место работы прибыл посол США, опытный дипломат Джозеф Лейк, а в августе туда пожаловал и сам госсекретарь США Джеймс Бейкер²². В январе 1991 г. на саммите в Вашингтоне была достигнута принципиальная договоренность о дальнейшем развитии отношений²³; в феврале 1991 г. при содействии США Монголия становится членом проамериканских Международного валютного фонда и Всемирного банка; 12 марта обе палаты Конгресса США на совместном заседании принимают беспрецедентную резолюцию в поддержку политики США «по оказанию максимального содействия преобразованиям в Монголии»²⁴; в июне 1991 г. с рабочим визитом в США

направляется министр иностранных дел Гомбосурэн, и в ответ в июле 1991 г. в Улан-Батор во второй раз, но уже в сопровождении делегации из 19 человек приезжает Джеймс Бейкер.

Выступая перед монгольскими парламентариями и членами правительства, госсекретарь США заявил: «Вы были первой азиатской страной, раскрывшей свои объятия перед коммунизмом. Сегодня вы стали первой азиатской страной, избравшей путь демократии. Мы все признаем то, что ваши успехи укрепят мировое содружество свободных народов. В связи с вашим выбором я бы хотел сказать: Монголия укажет другим путь прогресса»²⁵.

Как отмечают посол Ла Порты и его соавтор А. Гроссман, «... Визит Дж. Бейкера в 1991 и 1992 гг. бросили Монголию в объятия США» (La Porta, Grossman, 1998, с. 7). Действительно, США, исходя, конечно, и из собственных политических и стратегических интересов, первыми поспешили в 1990–1991 гг. заполнить «вакуум силы», образовавшийся в связи с распадом СССР в этом эпицентре Центральной Азии и в этих целях «...помочь Монголии создать стабильный свободный рынок и демократическое общество, которое бы стало образцом для других бывших социалистических стран, совершающих трудный переход от коммунизма» (Campi, 2007, с. 2).

Причем, по свидетельству А. Кэмпби, США в своей политике в отношении Монголии придерживались концепции «третьего соседа», которая «...включала в себя политические, военные, культурные и экономические компоненты», а для Монголии означала дополнительное сбалансирование своих отношений с Россией и Китаем путем опоры также на третью силу в лице США, Германии, Японии или на регион СВА (Там же, с. 3).

Послы США Ла Порты и Памела Слутц, а также А. Кэмпби, М. Россابي и др. в один голос отмечают бурное развитие и неуклонное расширение после визитов Дж. Бейкера американо-монгольских отношений и все более тесного сотрудничества в политике, экономике, гуманитарных областях, военном деле, донорской помощи.

В политической сфере это нашло воплощение в интенсификации политических контактов и связей, наиболее крупными вехами в развитии которых стали встреча президента Б. Клинтона и П. Очирбата в Нью-Йорке в 1995 г.²⁶ и пребывание

в Монголии 7–8 сентября того же года Хиллари Клинтон²⁷; официальный визит госсекретаря США Мадлен Олбрайт 1 мая 1998 г.²⁸ и ответные визиты монгольского премьера и министра иностранных дел в 2001 г.; встреча президента Багабанди в июле 2004 г. в Вашингтоне с президентом Дж. Бушем²⁹; первый в истории взаимоотношений двух стран визит президента США Дж. Буша в Монголию в ноябре 2005 г.³⁰; визит президента Н. Энхбаяра в США 22–23 октября 2007 г.³¹

Как отмечает посол Ла Порта, «взаимные визиты дали возможность политическим лидерам обеих стран лучше узнать друг друга... и заложили прочные основы политических отношений, политики помощи экономическому развитию, военному и коммерческому взаимодействию» (La Porta, Grichfield, 2000, с. 3).

Наибольшее значение имели визиты госсекретаря Мадлен Олбрайт в 1998 г. и премьера Н. Энхбаяра 4–20 ноября 2001 г., ибо они обозначили вступление американо-монгольских отношений в этап стратегического или комплексного сотрудничества и определили основные направления сотрудничества на начало нового столетия.

Другими проявлениями укрепления политического сотрудничества стали ежегодные координационные совещания представителей внешнеполитических ведомств, активная деятельность в Монголии отделений Международного института Республиканской партии США и фонда «Открытое общество» (фонд Сороса), представительств Корпуса мира и других неправительственных организаций, ежедневная работа корпуса американских советников, своими рекомендациями и консультациями оказывающих прямое воздействие на внутреннюю и внешнюю политику Монголии.

Можно положительно утверждать, что, и это отмечают сами американцы³², что в 90-х гг. США были главным политическим спонсором и вдохновителем демократических преобразований и перехода к рыночной экономике в Монголии и, по существу, во многом остаются таковыми и в настоящее время.

В области торгово-экономических отношений, как доказывают с цифрами в руках посол Памела Слутц и Алисия Кэмпбелл, уже к 2003 г. США выдвинулись на позиции: а) третьего торгового партнера Монголии (после Китая и России) с общим товарооборотом в 166 млн. долл.: экспорт Монголии — 143 млн. долл.

(90% — ткани, продукция легкой промышленности, одежда) и импорт из США — 23 млн. долл. оборудование для горнодобывающей отрасли, автомашины, технические инструменты, а также средства гигиены, товары для дома и т. п.³³; б) третьего (после Китая и Канады) инвестора с общей суммой инвестиций в 115 млн. долларов (15% от общих иностранных инвестиций).

В Монголии работают 130 компаний с американскими инвестициями, преимущественно по производству кашемира, в швейной промышленности и в области туризма. Все они входят в американо-монгольский бизнес-совет, координирующий и консультативный орган. Стимуляцией инвестиций занимаются также федеральные Агентства международного развития (USAID) и Корпорация частных инвестиций за рубежом (**Overseas Private Investment Corporation**). **С 2005 г. они действуют** в рамках заключенного 15 июля этого года Соглашения о торговле и инвестициях, которое реализует Американо-монгольский бизнес-совет (Slutz, 2005, с. 12)³⁴.

в) Наконец, согласно П. Слутц, США являются третьим наиболее крупным, после Японии и Германии, самостоятельным донором, ежегодно выделявшим 16 млн. долл. (по Кэмпи — 12–17 млн. долл.) для оказания через USAID безвозмездной помощи деньгами и продовольствием. За 16 лет — с 1990 г. — общая сумма составила 180 млн. долл.

В первой половине 90-х гг. помощь носила общий и чрезвычайный характер и была направлена, главным образом, на выведение Монголии из экономического кризиса и стабилизацию экономической обстановки, во второй — на приватизацию государственности, реформу финансовой системы и либерализацию торговли. С конца 90-х гг. помощь целенаправленно идет на финансирование различных программ и проектов развития и модернизации энергетики, аграрного сектора, техники и, все больше, — системы управления, и на укрепление частного сектора, чему отдается приоритет в настоящее время (Slutz, 2005, с. 10–12 и сл.).

Вместе с тем признается, что, хотя эти вливания способствовали росту макроэкономических показателей и увеличению ВВП до 6% в 2004–2005 гг. и т. п., они не привели к возрождению отечественной промышленности, сокращению разрыва в положении города и худона, к общему повышению уровня жизни.

Несмотря на то что на душу населения Монголии приходится едва ли не самая большая сумма общей донорской помощи (например, по грубым подсчетам П. Слутц — где-то 845 долларов в 2003 г.), отдача от этих пожертвований «самая низкая» и страна по-прежнему остается в числе «беднейших среди развивающихся государств» (Slutz, 2005, с. 10; Rossabi, 2004, с. 10; Campi, 2007, с. 4)³⁵.

Главным образом на этом основании Монголия стала одним из 16 государств — получателей помощи по линии американской программы «Вызов тысячелетия». Из 285 млн. долл., которые Монголия должна получить по этой программе в течение ближайших 5 лет, 188 млн. долл. предназначены на модернизацию УБЖД, 23 млн. — на улучшение системы регистрации и условий работы зарубежных специалистов, 25 млн. — на развитие профтехобразования, 17 млн. — на развитие здравоохранения, 30 млн. — на административные расходы³⁶.

Начало реализации соответствующего Соглашения будет означать, как считает посол Памела Слутц, вступление американо-монгольских экономических отношений в качественно новый этап развития (Slutz, 2005, с. 11).

Новой, но быстро развивающейся сферой взаимоотношений США и Монголии является военно-техническое сотрудничество. Судя по имеющимся у нас материалам, оно разворачивается особенно активно с конца 90-х гг. по следующим направлениям:

1. Проведение консультаций и переговоров между высокими представителями военных ведомств и высшего командования; контакты между аккредитованными в посольствах военными атташе³⁷.

2. С 2000 г. оказание США ежегодной военно-гуманитарной помощи в размере 2,5 млн. долл. на модернизацию и техническое перевооружение монгольской армии, повышение ее боеспособности до уровня международных стандартов в целях, в частности, ее участия в миротворческих операциях; на обустройство границ Монголии современными средствами связи (La Porta, Gritchfield, 2000, с. 6; Slutz, 2005, с. 7)³⁸.

3. Ежегодный прием на обучение и стажировку в военно-учебных заведениях США до 20 монгольских офицеров (Там же; а также: Яскина, 2004, с. 248).

4. Проведение совместных учений по линии гражданской обороны по предотвращению и ликвидации последствий стихийных бедствий, а также, начиная с 2006 г., ежегодных международных военно-полевых учений под кодовым названием «В поисках хана» на территории Монголии³⁹.

5. С августа 2003 г. участие монгольского воинского контингента в операциях альянса «Мир Ираку» на юге страны⁴⁰, за что в конце 2005 г. Джордж Буш объявил о предоставлении вооруженным силам Монголии гранта в 11 млн. долларов (Slutz, 2005, с. 8; НМ, 25.11.2005).

Таково основное содержание военно-технического сотрудничества между США и Монголией за последнее десятилетие. Оно, безусловно, способствует укреплению национальной безопасности республики, а его особенностью является то, что монгольское законодательство и Военная доктрина от 1994 г. не допускают нахождения американских, как и других иностранных войск на территории страны. Однако все большее сближение монгольских военных с Тихоокеанским командованием США, готовность Монголии открыть свое воздушное пространство для борьбы с терроризмом не может не вызывать определенного беспокойства Китая и России. Действительность такова — и это вытекает из контекста рассмотренных публикаций, что — США были и пока остаются главным военным спонсором и партнером Монголии.

В этих публикациях очень мало сведений о сотрудничестве в гуманитарной сфере, которое, по нашим представлениям, успешно развивается в области науки, культуры и искусства (Гольман, 2004, с. 26, 61; Яскина, 2002, с. 246; Хурметхан, 2003, с. 108–110).

Отмечается лишь плодотворная работа около ста добровольцев Корпуса мира в области преподавания английского языка и совершенствования методики языковых занятий, а также в сфере социального обслуживания, реализации ряда программ по здравоохранению, охране окружающей среды, сельской экономике⁴¹. Сообщается о развитии сотрудничества Академии наук Монголии с геологической службой США, с космическим агентством НАСА, с Военно-воздушными силами, с Музеем естественной истории, под эгидой которого успешно работают совместные палеонтологические. Археологические

экспедиции — археологи изучают наскальную живопись (остроглифы) в Баян-Улегейском аймаке, ведут раскопки могильников эпохи Сюнну (III век до н.э.) и т. д.

Идет широкий обмен научной литературой, проводятся многочисленные научные конференции и симпозиумы, осуществляются поставки из США сейсмологического и астрономического оборудования, США принимают в год до одной тысячи монгольских студентов и аспирантов (La Porta, Gritchfield, 2000, с. 5; Rossabi, 2004, с. 211).

Итак, представляется, что материалы, которые нами рассмотрены, позволяют заключить, что за 20 лет после взаимного признания де-юре отношения Монголии с США прошли этап становления в 1987–1990 гг., этап американского патронажа, покровительства и, во многом, направления движения Монголии к демократии и рынку на основе концепции «третьего соседа» и в 90-х гг. вступили в набирающий силу этап комплексного стратегического партнерства⁴².

7.3. Западная Европа и Монголия

По этой теме мы располагаем только одним западным источником: небольшим разделом «Европа и Монголия» в монографии М. Россابي «Современная Монголия», причем сведения, которые сообщает автор, целиком и полностью почерпнуты из монгольских средств массовой информации: газет, Email Daily News, МОНЦАМЭ и др. (Rossabi, 2004, с. 212–214).

Автор весьма положительно оценивает состояние двусторонних отношений Монголии с европейскими государствами и Евросоюзом, которые, по его словам, «...озабочены не столько проблемами содействия обеспечению безопасности Монголии, сколько соответствию их политики решению гуманитарных проблем, стоящих перед монгольским обществом» (Там же, с. 212).

Видимо, исходя из этого посыла, М. Россابي почти полностью посвящает раздел сжатому, штрихами, обозначению того, какую конкретно помощь Монголии оказало и оказывает то или иное государство как по государственной линии, так и через неправительственные организации.

Общая картина получается отрывочной, но достаточно впечатляющей. Из нее можно выделить три основных направления оказания Европой помощи Монголии: экономика, образование и социальная сфера. А по странам это выглядит следующим образом:

1. Область экономики

Германия — льготное кредитование малого бизнеса и телекоммуникационных компаний; постройка мусороперерабатывающего завода в Улан-Баторе; займы на проекты строительства гидроэлектростанций; финансовая поддержка работы Германомонгольской школы в столице. Сотрудничество авиационных компаний Люфтганзы и МИАТа. Но главное: ФРГ — самый крупный в Европе торговый партнер Монголии с годовым оборотом в среднем в 32 млн. долл.

Италия — второй по объему торговли — около 12 млн. долл. — партнер Монголии; вместе со Швейцарией — поставщик вязального и швейного оборудования для самого крупного в стране производителя кашемировых изделий компании «Гоби К». Она оказывает помощь в производстве 5 000 000 шкур ежегодно.

Франция — помощь в расширении телефонной сети, очистке воды и воздуха в Улан-Баторе, в водоснабжении некоторых сельских районов, импорт конины и помощь монгольским властям в улучшении качества ее упаковки.

Дания — через Датское агентство помощи международному развитию (DANIDA) помогает развитию молочной промышленности и птицеводства, занимается восстановлением в естественных условиях почти исчезнувшего поголовья лошадей Пржевальского.

Швеция — помощь в развитии туризма и информационной технологии.

Норвегия — через Норвежское агентство международного развития и сотрудничества оказывает помощь сельскому хозяйству и производству шерстяной одежды.

Финляндия — осуществила оборудование трех метеорологических станций.

Испания — субсидирует ремонт канализационной сети в Улан-Баторе.

Все вышеперечисленные государства принимали активное участие в оказании чрезвычайной помощи скотоводам Монголии во время бедственных зим 1999–2002 гг.

Как видим, в экономической помощи Монголии много европейских участников, и виды этой помощи весьма разнообразны. Однако комплексные и согласованные программы экономической помощи, за редким исключением, пока отсутствуют, и как справедливо, на наш взгляд, заметил М. Россابي, «Западная Европа поощряла развитие экономических отношений с Монголией, но недостаточно, чтобы они были по-настоящему значимыми» (Там же, с. 214).

2. Образование

Значительно большую роль играет помощь Европы в сфере образования. Здесь она направлена на осуществление различных программ развития и совершенствования школьного, общего и профессионального образования (Англия, Дания, Швеция); на подготовку врачей (Англия, Германия, Франция); работников социальной сферы и агрономов (Дания); экономистов (Англия); искусствоведов и научных работников (Германия) и т. п.

Многие университеты Западной Европы открыты для приема монгольских студентов и аспирантов по самому широкому спектру дисциплин. Активно участвуют в этом деле и бывшие социалистические страны Восточной Европы, особенно Чехия, Венгрия и Польша. У Болгарии и Венгрии сохранились совместные предприятия с монголами, но в плане экономического сотрудничества только Чехия и Польша, как считает Россابي, «имеют значение» (Там же, с. 214). Новые возможности обучения монгольских студентов в Европе появились с открытием посольством Франции в Улан-Баторе Центра культуры с библиотекой и компьютерными классами.

3. Социальная сфера

Здесь М. Россابي выделяет Италию, которая осуществляет поставки продовольствия и медикаментов для монгольских оленеводов-цатанов и Норвегию, помогающую строить саманные домики для бездомных. Дания через ДАНИДА проявляет особую заботу о беспризорниках, т.н. «детей улицы», в част-

ности она разработала для них специальную образовательную программу.

Активно занимается помощью монгольским детям английская неправительственная организация «Спасите детей — Великобритания». Она организует летние лагеря, приюты, тренировочные центры, возможности для обучения умственно отсталых ребят, занимается даже поставкой специальных тележек для детей, вынужденных перевозить тяжелые грузы на оптовых и «черных» рынках.

Упоминает М. Россابي и помощь Монголии со стороны Евросоюза в рамках Программы технической помощи странам содружеству независимых государств (TACIS), которая действовала в Монголии с 1991 по 2003 гг.⁴³, когда ее заменила программа Европейской организации помощи и развития, оказывающей помощь странам Азии и Латинской Америки (Там же, с. 328).

Такова, конечно, далеко не полная сводка отдельных видов экономической и гуманитарной помощи Монголии, оказываемой европейскими государствами, которую представил М. Россابي.

Кажется, он отличал ее от помощи международных финансовых организаций в том плане, что она была ненавязчива и больше считалась со стремлением монголов самим определять свою политику и свои программы.

Так, М. Россابي цитирует одного датского консультанта по образованию из ДАНИДА — организации, выделившей 800 тысяч долларов сельским школам Монголии, который заявил: «Ни иностранные эксперты, ни иностранные фонды не в состоянии и не вправе учить монголов как им менять свою образовательную систему, это дело самих монголов, поскольку у нас разные культурные истоки и подготовка. Мы просто предлагаем нашим монгольским коллегам разделить с нами наш опыт и знания» (Там же, с. 213).

Как бы там ни было, но помощь Европы и развитие сотрудничества с ней имеет важное политическое, культурное и экономическое значение для успешного продвижения Монголии по избранному пути.

Представляется уместным в этой связи закончить этот раздел обращением к статье известного монгольского дипломата и политолога Г. Тумирчулууна «Пересмотр внешней

политики Монголии...», которой завершается коллективный труд «Монголия в двадцатом столетии. Блокированный космополит» (Tumurchuluun, 1999, с. 274–290).

В ней автор, в частности, задается вопросом: почему в 1990–1992 гг. Монголия обратилась за помощью для выхода из кризиса к Западу, а не к Китаю, который был рядом и обладал большими экономическими возможностями? И, помимо вековой отчужденности, объясняет это еще тремя причинами: 1) именно Запад мог служить образцом для перехода к рынку и демократии; 2) политика неприсоединения диктовала свои законы; 3) курс на сбалансирование отношений с Россией и Китаем мог быть нарушен.

В целом переориентация на Запад была продиктована сложившейся тогда обстановкой, но насколько она отвечает национальным интересам Монголии — это вопрос.

7.4. Монголо-японские отношения

Общее представление о взглядах Запада на взаимоотношения Монголии и Японии дают одноименные работы Удо Баркмана, содержащие подробный анализ преимущественно политических связей в 90-х гг. (Barkmann, 1994 б, с. 30–44; Barkmann, 1999 б, с. 129–159), и раздел «Монголия и Северо-Восточная Азия» в главе VIII «Новая Монголия в новом мире» все той же монографии М. Россابي, в котором основное внимание уделяется торгово-экономическим отношениям и помощи Монголии со стороны Японии (Rossabi, 2004, с. 214–219)⁴⁴.

В изложении этих ученых развитие монголо-японских отношений шло следующим образом.

24 февраля 1972 года были установлены дипломатические отношения, причем заключение соответствующего соглашения сопровождалось спорами вокруг проблемы «репараций», в счет которых монгольская сторона настаивала на строительстве Японией 10 предприятий. Японцы не признавали этой проблемы, но согласились «в рамках экономического сотрудничества» построить 3 объекта (Barkmann, 1999 б, с. 129–130). С этого времени и вплоть до 1989 г. отношения носили протокольный характер и, согласно оценке У. Баркмана, развивались «очень

медленно», с большой оглядкой на подозрительное отношение к ним Советского Союза и КНР.

Тем не менее обе стороны были заинтересованы в развитии торгово-экономических отношений, для чего в том же 1972 г. были образованы Монголо-японская экономическая комиссия в Улан-Баторе и Японо-монгольский экономический комитет в Токио (Barkmann, 1994, с. 30; Буянтогс, 2002, с. 50), и товарооборот между ними к 1988 г. вырос с 1,08 млн. долл. в 1972 г. до 28 млн. долл., а в 1977 г. было достигнуто соглашение о финансировании Японией строительства комбината «Гоби» производительностью 100 т козьего пуха и 200 т верблюжьей шерсти в год (Barkmann, 1994, с. 30–31).

Значительным событием в отношениях двух стран стал первый в истории визит министра иностранных дел Японии С. Уно в Улан-Батор 5–8 мая 1989 г., имевший, по оценке У. Баркмана, далекоидущие последствия.

Во время визита обе стороны четко обозначили свои позиции и интересы в отношении друг к другу: Монголия выразила свою заинтересованность и желание развивать с Японией торговлю и сотрудничество в экономике, науке, технике, культуре и туризме; Япония объявила о своем интересе к разработке полезных ископаемых на территории Монголии, получение оттуда минерального сырья.

У. Баркман цитирует С. Уно, который заявил: «Япония бедна полезными ископаемыми, но богата техникой и капиталами. Я думаю, что когда мы соединим их с разработкой природных богатств Монголии и наладим совместную и результативную работу во имя взаимных потребностей, то японо-монгольская торговля резко пойдет вверх» (Barkmann, 1994, с. 32; Barkmann, 1999 б, с. 131).

Но подлинным прорывом в отношениях Монголии и Японии стал первый в истории двух стран официальный визит в Улан-Батор премьер-министра Японии Тосику Кайфа 11–14 августа 1991 г. Как подготовительные ступени ему предшествовали визиты в Токио председателя Совета министров тогда еще МНР Д. Соднома в конце февраля — начале марта 1990 г., незапланированная заранее встреча П. Очирбата с Т. Кайфу 12 ноября 1990 г. во время интронизации императора Акихито и визит 26 марта 1991 г. в Японию министра иностранных дел Монголии Ц.

Гомбосурэна. Визит Т. Кайфу, как отмечает Удо Баркман, стал, таким образом, «не только высшей точкой в развитии взаимоотношений за все предыдущие годы, он не только принес интенсификацию политических и экономических связей, но и открыл перспективы осуществления ожиданий помощи со стороны Японии» (Barkmann, 1994, с. 37).

И действительно, глава японского правительства объявил о предоставлении Монголии 2 млрд. йен для освоения и добычи полезных ископаемых, развития инфраструктуры и т. д. Он также поставил в известность монгольского премьера Д. Бямбасурэна, что Япония выступит с инициативой создания международного механизма для оказания помощи Монголии. В ходе визита японская сторона заявила, что «считает Монголию одним из самых дружественных государств на азиатском континенте» (Там же, с. 40)⁴⁵.

В целом визит Т. Кайфу имел огромное значение, и это справедливо, подчеркивает У. Баркман, ибо он явился, с одной стороны, кульминацией развития японо-монгольских отношений за 1972–1990 гг., подвел итоги всех предыдущих переговоров, с другой — дал старт масштабной японской помощи Монголии на дву- и многосторонней основе, скорому выдвижению Японии в лидеры спонсорской экономической поддержки процессов трансформации Монголии.

Уже 5–6 сентября 1991 г. инициированное японским правительством Международное совещание представителей 7 стран и трех международных финансовых организаций, а также наблюдателей из 6 государств Евросоюза и Программы развития ООН (ПРООН) в Токио положили начало донорскому движению помощи Монголии, в котором первую скрипку играла и продолжает играть Япония⁴⁶.

С тех пор эти совещания проводились в Токио до 1999 г., а затем в Улан-Баторе (1999; 2002), в Париже (2001) и в других столицах стран, участников, число которых выросло до 28 и 10 международных организаций.

В доказательство лидирующей роли Японии среди доноров и, вообще, в общих показателях иностранной экономической помощи, которая была оказана Монголии после 1990 г., и Баркман, и в большей степени и более концентрированно М. Россابي приводят убедительные цифры, в основе

почерпнутые из монгольской статистики и монгольской прессы.

Так, М. Россابي отмечает, что «Япония, которая и на 2004 г. оставалась крупнейшим донором Монголии, выделяла специальные средства на развитие телекоммуникаций, совершенствование бизнес-менеджмента, развитие “Гоби К”, производства мяса и металла, на железнодорожный транспорт, на создание молочных заводов, на дорожное строительство, на ремонт тяжелой техники и угольных шахт. Она также финансировала реконструкцию ТЭЦ-4, обеспечивающую бесперебойное снабжение Улан-Батора электроэнергией» (Rossabi, 2004, с. 215).

В порядке безвозмездной помощи Япония поставляла автобусы для общественного транспорта, дизельные станции и генераторы для сельского хозяйства, мотоциклы и генераторы для сельских больниц, комбайны и тракторы для сельскохозяйственных хозяйств, оборудование для рытья колодцев и водоснабжения Улан-Батора и т. п.

Большая часть этой помощи осуществлялась через Японское агентство международного сотрудничества (JICA), которое также занималось, в частности, реализацией программ и проектов ремонта и реставрации школьных зданий, развития земледелия, модернизации дорожной сигнализации и улучшения качества воздуха в столице, по подготовке учителей, медицинского персонала и т. д.

М. Россابي считает, что помощь Японии за 1991–1996 гг. составляла 65,6% от общей иностранной помощи, а к 1998 г. — 40% помощи, которую оказывали страны-доноры за это время (Rossabi, 2004, с. 216). У. Баркман называет абсолютные показатели, к примеру, за 1991–1995 гг. — 322 млн. долл. в виде кредитов и безвозмездной помощи, притом на гранты и пожертвования приходилось 61,1% (Barkmann, 1999 б, с. 150).

Таким образом, можно отметить, что этим авторам, в общем и целом, удалось показать достаточно полно большой объем и разнообразный характер помощи, оказанной Японией в области экономики.

Значительно скромнее выглядит освещение ими взаимодействия, а точнее, тоже главным образом помощи Японии в гуманитарной сфере: предоставление стипендий монгольским студентам, открытие в Улан-Баторе средней школы с обучением

на японском языке, специализированные субсидии монгольским школам с целью сокращения числа «детей улиц», открытие в 2002 г. в монгольской столице Центра культуры и проведение Дней Монголии в Японии и Дней Японии в Монголии (Rossabi, 2004, с. 216).

Показательно, что М. Россابي отмечает непродуманность некоторых программ экономической помощи. Например, поставки дизельных генераторов аратским хозяйствам во многом оказались бесполезными, ибо программа не предусматривала необходимую подготовку аратов к их использованию и не учитывала того, что у них нет средств на приобретение горючего и запасных частей.

Отмечается также растущее беспокойство Японии случаями нецелевого, неэффективного использования предоставляемой помощи, недостаточной транспарентностью отчетов по итогам реализации различных программ, в связи с чем в 1999 г. усиливается аудиторская и финансовая проверка со стороны Японии.

Но главное, на что обращает внимание М. Россابي, так это на медленный рост и колебания товарооборота между Монголией и Японией. Он фиксирует, что в 1990 г. оборот составлял в долларах 17,4 млн., в 1992 — 58,8 млн. и что по этому показателю Япония резко отстает от Китая, России и США. И объясняет это «проблемами в экономике Японии» (Там же, с. 217).

Зато для Монголии Япония представляет выгодный рынок для экспорта конины и лесоматериалов, а также источник доходов от растущего числа японских туристов (Там же).

А из сведений, приводимых У. Баркманом, видно, что Япония отстает и в плане инвестиций в Монголию, считая, видимо, что там еще не создан необходимый климат для их привлечения. По сообщению автора, в Монголии в 1998 г. работали в частном секторе 49 совместных предприятий с общим капиталом в 58,3 млн. долл. (Barkmann, 1999 б, с. 149–150)⁴⁷. И хотя к 1993 г. наблюдался многократный рост, по сравнению с КНР и Россией названные величины очень малы.

Все содержание рассмотренных публикаций свидетельствует и это, похоже, является общей оценкой западных, да и японских экспертов, что доминирующим направлением монголо-японских экономических отношений в 90-х — начале 2000-х гг. и, пожалуй,

в настоящее время является донорская помощь и техническое содействие.

Вместе с тем эти же публикации показывают, что имели место и намерения перевода экономических связей от спонсорства на рельсы не паритетного, но комплексного партнерства. Они проявились в ходе переговоров в Токио монгольского премьера П. Жасрая 25–28 ноября 1993 г. с премьером М. Хосокавой и, особенно, во время рабочего визита премьера М. Энхсайхана 26–28 февраля 1997 г., его встреч и бесед с премьером Р. Хашимото, на которых, в частности, обсуждались перспективы «...претворения в жизнь нацеленных на **XXI век идей комплексного партнерства**» (Barkmann, 1999 б, с. 147). Но наибольшее значение в этом плане имел первый в истории двух стран официальный визит главы монгольского государства — президента Н. Багабанди в Японию 11–15 мая 1998 г.

В принятой по итогам визита «Совместной декларации о дружбе и сотрудничестве между Монголией и Японией» Н. Багабанди и премьер Р. Хашимото провозгласили своей целью «укрепление в XXI веке комплексного партнерства на путях наращивания взаимопонимания и взаимного доверия» (Там же, с. 153).

Таким образом, взаимное стремление к качественному изменению характера монголо-японских экономических отношений получали официальное закрепление в документе, значимость которого, как, по мнению У. Баркмана, считали в Японии, не уступала договорам о дружественных отношениях и сотрудничестве, заключенным Монголией с РФ, КНР и Индией (Там же).

Вообще, немецкий ученый подробно описывает и высоко оценивает визит Н. Багабанди как крупную веху в политическом диалоге двух стран, который после 1991 г. неуклонно рос и расширялся. Удо Баркман пишет, что сразу после приезда в Токио президент Монголии попал в центр общественного внимания, его считали надежным гарантом политической стабильности в Монголии, свою заинтересованность в укреплении которой Япония выражала не раз. Н. Багабанди был оказан исключительно теплый прием, «в сердечной атмосфере» прошла его встреча с императором Акихито, он встречался с парламентариями, лидерами правящей либерально-демократической партии,

главами промышленных корпораций, бизнесменами и деятелями культуры.

С премьером Р. Хашимото были подвергнуты детальному анализу состояние и перспективы дальнейшего развития взаимоотношений Монголии и Японии в области политики, экономики и культуры, определены основные направления сотрудничества в XXI в., согласованы позиции по международным вопросам, в том числе — и не в последнюю очередь — по активизации взаимодействия в Северо-Восточной Азии, совместному участию в интеграционных процессах в этом регионе. В Японии вообще считают, что этот регион открывает перед Монголией самое широкое и выгодное поле действий, что регионализация в противовес глобализации, как контрбаланс влиянию России и Китая, больше отвечает обеспечению безопасности и независимости страны. Как указывает М. Россابي: «...Япония неоднократно выражала надежду, что Монголия станет более привязанной к Восточной Азии, чем к Восточной Европе или России» (Rossabi, 2004, с. 215).

В этой связи, на наш взгляд, представляет интерес доклад Алисии Кэмпбелл на VIII Международном конгрессе монголоведов в Улан-Баторе (5–11 августа 2002 г.) под названием «Интеграция Монголии с сердцевиной Азии — поиски будущего, пересмотр прошлого» (Campi, 2002).

Основная идея этого оригинального доклада состоит в том, что для Монголии переориентация политики с Востока на Запад, поворот на сближение и интеграцию с сердцевиной Центральной Азии — Киргизией, Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном, а также с Афганистаном, Азербайджаном, причем в сотрудничестве с Турцией, превращение именно этой группы стран в «третьего соседа» прагматичнее и выгоднее, чем опора на СВА — Японию, Южную Корею, США и АТР.

В обоснование этой идеи автор выдвигает следующие аргументы:

1. Паритетные экономические отношения между Монголией и странами СВА объективно невозможны, ибо несравнимы их экономические потенциалы и уровень доходов на душу населения. Поэтому Монголия в регионе СВА всегда будет «падчерицей», нуждающейся в экономической помощи, а расчеты на ее постоянное получение, тем более увеличение — под вопросом,

все зависит от политической ситуации и экономической конъюнктуры в азиатских странах-донорах. «Совершенно ясно также, что Япония и Южная Корея не могут быть и не будут военными защитниками Монголии».

2. Сближение Монголии и стран Центральной (Средней) Азии, несмотря на различия религий, стимулируется известной общностью исторического прошлого и кочевых культур их народов, большей близостью монголов к тюркскому, чем к конфуцианскому, миру, приход буддизма к ним именно с западной стороны. Объединяет их также схожесть решаемых с 90-х гг. проблем по переходу к рынку и демократии, что диктует необходимость взаимодействия и сотрудничества.

Это сближение открыло бы перед Монголией новые рынки для сбыта своего мяса и мясопродуктов, не особенно востребованное в странах СВА, а также путь к Ближнему Востоку, к африканским государствам и приближало бы ее также к Европе.

В отношениях со странами этого региона Монголия выступала бы уже как полностью равноправный партнер. Более того, как полагает А. Кэмпбелл, «Монголия с Востока, а Турция с Запада могут стать лидерами, руководящими конструктивным развитием региона». Кроме того, Монголия могла бы служить осью, связывающей страны Центральной Азии с АТР, а Турция — воротами для выхода этих стран и Монголии в Европу и Северную Африку.

Наконец, сближение с Центральной Азией дает Монголии возможность более пристального наблюдения за международным терроризмом, транснациональной контрабандой товарами, наркотиками, оружием и тем самым лучше защищать себя.

И вот заключение: «Сейчас для Монголии не время поворачиваться спиной к Центральной Азии. Наоборот, сейчас время повернуть взоры в западном направлении и серьезно взглянуть на сердцевину Азии как на своего третьего соседа» (Там же).

Алисия Кэмпбелл — серьезный ученый и хороший аналитик, что мы, надеемся, уже сумели показать в этой работе. Поэтому ее рассуждения не легковесны и отражают различия в оценке на Западе правильности выбора Монголии своей внешнеполитической ориентации. Но нам они представляются нереалистичными, по крайней мере, в обозримом будущем.

Монголия твердо стоит на позициях развития сбалансированных приоритетных отношений с Россией и Китаем, укрепления многосторонних партнерских отношений с США, Японией и Республикой Корея и повышения своей роли и участия в интеграционных процессах в СВА и АТР, и о повороте пока, кажется, не помышляет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Публикации, рассмотренные нами, отражают не только взгляды коллективных и индивидуальных авторов, но, в совокупности, общее отношение Запада к современной Монголии в целом.

И если во время существования МНР Запад, в общем, был повернут спиной к Монголии, как к стране, находящейся в составе и на далекой периферии коммунистического мира, то в последние 17 лет он буквально совершил сальто-мортале и не только развернулся лицом к Монголии, но и стал своего рода идейным вдохновителем и спонсором коренных политических, экономических и идейных преобразований в стране.

Запад, прежде всего и главным образом, видел своей стратегической целью помочь Монголии позиционировать себя в мире, как определенного образца мирного перехода ранее отсталой, полукочевой и авторитарной страны к демократии западного образца и свободному рынку.

Стремление превратить Монголию в своеобразную витрину западного мира на границах с коммунистическим Китаем и нестабильной Россией определило характер и большой объем помощи, оказываемой Западом Монголии.

Эта помощь, безусловно, жизненно важна для развития экономики и решения ряда социальных проблем, которые возникли еще в прошлом, а также в ходе и результате проведенных реформ, но она, однако, далеко не бескорыстна: иметь в эпицентре Внутренней Азии зону своего преобладающего влияния очень даже отвечает геополитическим и военно-стратегическим интересам Запада, прежде всего США и Японии.

Монголия — это кладовая минеральных полезных ископаемых и в этой своей ипостаси она все больше и больше привлекает внимание западных бизнесменов, что потенциально грозит расхищением ее природных богатств. Угрозу представляет и растущая духовная и культурная экспансия Запада: деятельность католической и протестантской церквей, вестернизация и внедрение поп-культуры и т. п.

И тем не менее для Монголии на сегодня развитие отношений с Западом — одно из стратегических направлений ее внешней

политики. И хотя эта политика официально является многовекторной, на деле пока наблюдается определенный крен в сторону и ориентация на Запад. Похоже, что это рассматривается как опора на третью силу, которая де является контрбалансом отношений с Россией и Китаем.

Монголия видит также в отношении Запада источник получения финансовых, материально-технических и технологических средств для подъема экономики и решения социальных проблем. Однако это делает ее очень зависимой от западных займов и субсидий, от международных финансовых организаций, превращает ее в неоплатного должника и заложника Запада. Уже сейчас общий долг страны по кредитам и поставкам со стороны Запада почти равен ее годовому ВВП. А это ограничивает свободу правительства Монголии в принятии политических и экономических решений, возможность сопротивления диктату западных кредиторов и их советников в стране.

Мы солидарны с А. Кэмпбеллом в том, что официально декларируемые паритетные отношения Монголии со странами Запада и, прежде всего, с США и Японией, носят во многом формальный характер, а в экономике объективно невозможны из-за несравнимой разницы экономических потенциалов.

Представляется, что растущее военно-техническое сотрудничество Монголии и Запада не гарантирует обеспечения национальной безопасности, ибо совершенно ясно, что ни Запад, ни Япония никогда воевать за Монголию не будут и вряд ли смогут предотвратить военную угрозу.

Гораздо более продуктивным кажется укрепление военного сотрудничества с Россией, всегда выступавшей гарантом независимости и суверенитета Монголии, а в перспективе, возможно, ее главной защитницей.

Вообще, придание подлинного приоритета отношениям с Россией особенно если последняя выработает целостную, конструктивную политику по отношению к Монголии, исторически, политически и потенциально-экономически, на наш взгляд, более отвечает национальным интересам и национальной безопасности Монголии, чем преимущественная ориентация на Запад.

Итоги развития отношений Монголии и Запада в обозреваемый период нашли отражение в результатах политических

и экономических преобразований, о которых шла речь в настоящей работе. Главное из них — это создание правовых основ и работающих институтов демократии в области государственного строительства, достижение высоких макроэкономических показателей в экономике, укрепление национальной идентичности на традиционных основах нomaдизма, культа Чингис-хана и буддизма, расширение международных связей и превращение Монголии в равноправного и активного субъекта международных отношений.

Вместе с тем имеют место нерешенность социальных проблем — безработицы, бедности, растущего имущественного неравенства, упадка социального обеспечения, здравоохранения, образования и других проблем в целом объективно характерных для всех постсоциалистических стран, которые осуществляют очень тяжелую и трудную трансформацию своей экономики и общественной жизни.

Пока что ни Монголия, ни ее западные партнеры не справляются с этими проблемами, так что витрина капитализма в Монголии на сегодняшний день выглядит впечатляющей, но далеко не блестящей.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ И ВВЕДЕНИЕ

- 1 См. Международную библиографию по монголоведению (IBMS, 1997), а также библиографии, составленные английскими монголоведами Дж. Нордби (Nordby, 1993) и А. Сандерсом (Sanders, 2003).
- 2 Сандерс Алан — профессиональный журналист, ставший и профессиональным монголистом, автор двух больших справочных книг «Монгольская народная республика. Общий справочник» и «Монголия: политика, экономика, общество» (Sanders, 1968; Sanders, 1987). В 90-х гг. XX в. возглавлял монголоведение в Лондонском университете, будучи официальным лектором по Монголии и руководителем учебно-исследовательского центра монголоведения на Отделении Дальнего Востока университетской Школы востоковедения и африканистики.
В настоящее время вне штата, «свободный художник», но продолжает активно заниматься научной работой, много пишет о современной Монголии (подробнее о нем см: Гольман, 2004, с. 142–143).
- 3 Подробный перечень заметок А. Сандерса в FEER за 90-е годы см. во втором издании его «Исторического словаря» (А., 2003).
- 4 Акинер Ширин — тюрколог по образованию, специалист по Центральной (Средней) Азии, автор и редактор ряда публикаций по развитию бывших советских республик этого региона, в том числе совместно с С. Тайдменом книги «Устойчивое развитие Центральной Азии» (Akiner, Tidemen, 1998).
- 5 Имеются в виду выборы Великого народного хурала, состоявшиеся впервые на многопартийной основе 29 июня 1990 г., и образование первого коалиционного правительства во главе с представителем МНРП Д. Бямбасурэнгом, куда вошли также представители демократических сил — Д. Гандболд и др.
- 6 Хамфри Кэролин — на 1999 г. профессор Отделения социальной антропологии Кембриджского университета, научный сотрудник и член Совета Королевского колледжа в Кембридже.
Снис Дэвид — в 1999 г. научный сотрудник Сейнт Гросс Колледжа Оксфордского университета и лектор Дома Королевы Елизаветы; в 2006 г. — лектор Отделения социальной антропологии Кембриджского университета, руководитель сектора Монголии и Внутренней Азии, который до него с 1968 г. возглавляла К. Хамфри.

- Оба — ведущие монголоеды Англии, своими полевыми исследованиями охватившие весь регион Внутренней Азии.
- 7 Брун Оле (Bruun, Ole) — антрополог, доктор, адъюнкт-профессор Отделения антропологии Копенгагенского университета в 1996 г.; с 2006 г. — Отделения географии и международного развития Университета Дании; вел активные полевые исследования в Китае и Монголии.
- Одгارد Оле (Odgard Ole) — **руководитель Отдела Датского агентства международного развития (DANIDA).**
- 8 Коткин Стефан — адъюнкт-профессор факультета истории Принстонского университета, советолог, автор монографий: «Город стали. СССР: советское общество в эру Горбачева» (Kotkin, 1991) и «Магнитная гора: сталинизм как цивилизация» (Kotkin 1995); Эллеман, Брюс — профессор Христианского университета Техаса, где преподавал историю Китая, России и Японии, автор большой исследовательской статьи «Секретная история китайско-советских дипломатических отношений. 1917–1927», раскрывающей, в частности, подоплеку заключения советско-китайского соглашения от 31 мая 1924 г., определившего де-юре международный статус МНР.
- 9 Исключение составляет только глава монгольского ученого и дипломата Ц. Батбаяра о монголо-японских отношениях в 1945–1995 гг.
- 10 Россابي Моррис — на 2004 г. профессор истории Городского университета Нью-Йорка, адъюнкт-профессор истории Восточной и Внутренней Азии Колумбийского университета, специалист по средневековой, а с 90-х гг. и по современной истории Китая и Монголии (подробнее о нем см.: Гольман, 2004, с. 133).
Одновременно с данной книгой о Монголии опубликовал монографию «Управление многонациональными пограничными районами Китая» (Rossaby, 2004).
- 11 Отзыв Ариен Нейера помещен на задней стороне обложки книги вслед за издательской рекламацией. Все другие отзывы взяты нами из Интернета.
- 12 Монография написана на базе докторской диссертации автора «Память о герое — это его вторая жизнь. Правда, история и политика в Монголии», защищенной в 1996 г. в Университете Вудгера (Karplonski, 1996). В ней рассматривается история почитания Чингис-хана, первого главы ламаистской церкви Занибазара и Сухэ-Батора, как проявление национальной идентичности и монгольского национализма (см. рецензию И. Морозовой в Вестнике скандинавского Международного института по изучению Азии (IIAS Newsletter, Leiden, 2004, № 34, с. 33).

Кроме указанных двух монографий Кристоферу Каплонскому принадлежит ряд крупных разделов в коллективных трудах и немало статей, в основном по проблемам национализма, менталитета и духовной культуры монголов (см. библиографию).

В 2000–2001 и 2003–2004 гг. он работал приглашенным сотрудником Национального Университета Монголии. Вообще, у него репутация одного из ведущих американских специалистов-антропологов по Монголии.

- 13 Баркман Удо — монголист и маньчжурист по образованию, ученик известных монголоведов ГДР Пауля Рачневского и супругов Таубе — Эрики и Манфреда. Стажировался в Улан-Баторе и Москве. В 1985–1994 гг. занимался азия- и африкановедением в Университете им. Гумбольдта в Берлине. В 1995 г. работал в Школе востоковедения и африканистики Лондонского университета, в 1996–1997 гг. в Германском научном обществе.

С 1998 г. — независимый ученый, эксперт по Монголии; много лет и в настоящее время живет и работает в Улан-Баторе, читает лекции в вузах, публикует научные труды не только по современности, но и по средневековой и новой истории Монголии (см., напр.: Barkmann, 2000).

Удо Баркман в совершенстве владеет монгольским языком, пишет статьи и выступает на научных форумах по-монгольски.

На сегодняшний день он, безусловно, один из ведущих монголоведов в ФРГ и в мире вообще.

ГЛАВА I

- 1 Подсчеты сделаны нами во время работы в Секретариате Международной ассоциации монголоведения в Улан-Баторе в 1989–1990 гг. по материалам Международного агентства печати «Аркус» (см.: Гольман, 2004, с. 69).
- 2 См., напр.: James Pringle. Glasnost Coming Back to the Mongolians // International Herald Tribune. № 4. 28.08.1989; Peter Achten. Mongolei im Zeichen von "Il Tod" // Basel Zeichen. Basel. 04.04.1989; Vilker Stahr. Neues Denken durchdiringt Mongolei // Die Welf. Hamburg. 21.03.1989, etc.
- 3 См., напр.: Norbert Neininger. Mongolische Volksrepublik. Perestroika // Tele. Zuerich. 22.02.1989 / Это репортаж участника одной из первых западных киносъемочных групп, проехавших по стране. См. также статью Верене Штерн и другие статьи, перечисленные выше.
- 4 См., напр.: James Becker. Pullout brings fear and relief to Mongolia // The Guardian. L., 15.05.1989; Caroline Straathof. Mongolie markt Zich

- Gosser van Sovjet // Volkskrant, Haaque. 16.02.1990; см. также: Soviets verlassen Mongolie // Frankfurter Rundschau. Frankfurt. 08.03.1989; Sovjet Troepen we gait Mongolie // Handelsblad. Rotterdam. 08.03.1989; Soviet Forces to Quit Mongolia — Financial Times. L., 17.03.1989.
- 5 См., напр.: Marianne Sajdik. Die Mongolei Leidet unter der. Jahrzehntelangen Abschotung // Der Standard. Wien. 24.02.1989; Top Level Trading Visit to Mongolia // The Daily Telegraph. 19.10.1989; Mission to Mongolia // The Times. 19.10.1989; Mongolia Wants to Join Non-Aligned // Mainichi Daily News. Tokyo. 19.06.1989.
- 6 См., напр.: Denis Hiault. Gengiskhan reihabilite par la Glasnost // Le Figaro. Paris 11.08.1989; CL/Le Retonr ele Gangiskhan // Le Matin. Lousanne, 21.03.1989; Dsehingis Khans aufbegerhrende Erben // Suddeutsche Zeitung // Muenchen. 29.08.89; Jasper Baiker. Glasnost Finds a Place in History for Genghis Khan // The Guardian. L. 09.08.1989; Caroline Straathof. Djengkis Khan Mag Weer in Mongolie // Volkskrant. Haaque. 19.02.1990; Graham. Earnshaw Genghis Khan in the Modern World // Hong Kong Standard. Hong Kong. 17.05.1989; Carl Carena. Amori Feste e querre nelle prateria di Gengis Khan // Le Stampa. Torine. 04.02.1989.
- 7 См. серию корреспонденций Джаспера Бейкера в «Гардиан» от 3–5 и 6 июля 1989 г. / Jasper Backer. Glasnost Finds a Place in History for Genghis Khan // The Guardian. L. 03.08.; Он же. For Bator or Worse // Там же. 05.08.1989; Он же. Mongolians in Steppe with British Rock Scene // Там же. 06.08.1989.
- 8 Автор имел в виду возобновление парламентских связей между МНР и КНР в 1987 г., заключение в ноябре 1988 г. Договора о пограничном режиме и способах решения пограничных проблем, дальнейшее с 1986 г. развитие торговых, культурных и научных связей.
- 9 Михаел Кейзер — научный сотрудник Колледжа Святого Антония и лектор по экономике в Оксфордском университете (Англия); автор ряда книг по экономике стран СЭВ. Он трижды избирался исполнительным директором Международной ассоциации экономистов, неоднократно бывал в научных командировках во всех социалистических странах, включая МНР (в 1981 г.). Его раздел почти целиком посвящен анализу показателей экономики МНР на 1986 г.
- 10 Гинзбург Том — на 2000 г. адъюнкт-профессор права в Университете штата Иллинойс в Урбена-Шампейн. Докторскую степень получил в Калифорнийском университете, где специализировался в области юриспруденции и социальной политики; в 90-х гг. работал в отделении Азиатского фонда в Монголии (см. прим. 2 к гл. 3).

- 11 Дашпурев Д. — заведующий сектором Института философии и социологии АН Монголии. Прошел научную стажировку в Москве (1985 г.) и в Берлине (1987 г.), занимался сравнительным изучением социализма в Болгарии, Чехословакии, ГДР, Польше, Анголе и СССР.
Д. Дашпурев — автор более десяти монографий по современной Монголии.
- 12 Прасад Уша — научный сотрудник отделения Центральной Азии Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру, где защитила докторскую диссертацию по Монголии периода 1940–1965 гг. Работа в расширенном варианте опубликована в 1995 г. (Prasad U. Mongolia: Making a Nation State. Delhi, 1995). Ее перу принадлежат также статьи по Монголии, Афганистану, по положению женщин в Индии.

ГЛАВА II

- 1 Это все неформальные общественные организации, возникшие в 1988–1989 гг. в Улан-Баторе в среде, главным образом, монгольской интеллигенции и ставшие одним из зачинателей демократического движения. В 1990 г. во многом на их базе возникли новые политические партии.
- 2 В 1962 г. Д. Тумурочир — член Политбюро и Секретарь ЦК МНРП по идеологии, выступивший с критикой Ю. Цеденбала, за полное разоблачение культа личности Х. Чойбалсана, за возрождение традиционных национальных ценностей, в том числе почитания Чингисхана, был необоснованно обвинен в антипартийной деятельности и разжигании национализма и в прокитайской позиции.
На III Пленуме ЦК МНРП был выведен из состава Политбюро, снят с поста секретаря, отправлен в ссылку в Баянхонгорский аймак заведующим небольшой стройконторой и затем переведен заведующим краеведческим музеем в г. Дархан, где и был злодейски убит.
- 3 В 1964 г. член ЦК МНРП: министр госхозов Ц. Лохууз, секретарь аймачного комитета МНРП Б. Нямбуу и начальник ЦСУ Б. Сурмажав выступили с критическими заявлениями в адрес Ю. Цеденбала, за что были выведены из состава ЦК и исключены из партии.
- 4 Малый хурал в 1940–1960 гг. в перерывах между сессиями Великого народного хурала — высший орган государственной власти. Избирался на сессиях ВНХ из числа его депутатов в количестве 30 человек. Из своего состава избирал Президиум МХ: председателя и 4 членов, работавших на постоянной основе между сессиями МХ, проходивших не реже двух раз в год.

Конституция МНР 1960 года упразднила Малый хурал, заменив его Президиумом ВНХ. В 1990 г. по требованию демократических сил он был восстановлен под названием Государственный Малый хурал в составе председателя, его заместителя, секретаря и 50 членов, три четверти которых избирались из депутатов ВНХ и одна назначалась. В таком виде ГМХ функционировал как постоянно действующий законодательный орган вплоть до принятия новой Конституции в 1992 г., в разработке которой и вообще в коренных реформах 1990–1992 гг. он сыграл большую роль.

По этой Конституции ГМХ и ВНХ занял одномандатный постоянно действующий парламент — Великий Государственный хурал (МУТ, 2005, с. 409–411).

- 5 Общепринятой точной даты победы революции 1990 года пока не существует, на наш взгляд, таковой можно считать 9 марта — день, когда Ж. Батмунх объявил об уходе в отставку всего состава Политбюро ЦК МНРП. За это боролись демократические силы, и это событие обозначило конец авторитарного режима и начало процесса коренного изменения государственного строя и общественных отношений в стране.
- 6 Зориг Санжасурэнгийн (1962–1998) — общепризнанный лидер демократического движения в Монголии, главный координатор Демократического Союза. Уроженец Улан-Батора, выходец из элитной монгольской семьи, по национальности полукровка, его отец бурят, мать — наполовину русская, наполовину бурятка. Выпускник МГУ, по специальности философ-обществовед. В 1985–1986 гг. — инструктор Улан-Баторского Горкома МРСМ: в 1986–1989 гг. — преподаватель факультета общественных наук МонГУ. В 1989–1991 гг. возглавлял МДС, был одним из основателей и руководителей МДП. В 1991 г. основал Республиканскую партию, а в феврале 1992 г. стал руководителем Объединенной партии. С 1990 г. — С. Зориг депутат ВНХ, с 1992 г. — ВГХ, с 1996 г. — председатель постоянного комитета ВГХ, с мая 1998 г. — министр развития инфраструктуры. Его прочили на пост премьер-министра, но 20 октября 1998 г. он был злодейски убит. Это преступление до сих пор не раскрыто. В 1999 г. в центре Улан-Батора, рядом со штаб-квартирой МДП, воздвигнут бронзовый, в полный рост, памятник С. Зоригу. Отметим также, что оба деда С. Зорига были репрессированы: один умер в лагере в СССР, другой был казнен в МНР, что не преминул упомянуть М. Россабй.
- 7 Энхсайхан Мэндсайханы (1955 г.р.) — политический и государственный деятель, кандидат экономических наук.

- Уроженец Улан-Батора, выпускник Киевского госуниверситета, кандидатскую диссертацию защитил в Москве в 1980 г. В 1978–1988 гг. занимал ряд руководящих постов в Министерстве внешней торговли. С 1990 г. — депутат ВНХ, с 1992 г. — ВГХ. В мае 1992 г. избран Председателем Монгольской национальной демократической партии, возглавлял в 1993 г. избирательный штаб П. Очирбата и после его избрания президентом до 1996 г. руководил работой президентской канцелярии. С июля 1996 г. по апрель 1998 г. — первый премьер-министр Демсоюза — блока МНДП и МСДП. В 2001 и 2005 гг. в числе других кандидатов стал баллотироваться на пост президента от МНДП, но не прошел. С 2006 г. вице-премьер правительства национального согласия, а затем правительства национальной солидарности. В 2007 г. основал и возглавил либеральную Новую национальную партию.
- 8 Ганболд Даваадоржийн (1957) — политический и государственный деятель, кандидат экономических наук. Уроженец Улан-Батора, в 1979 г. окончил экономический факультет МГУ и стал преподавателем политэкономии МонГУ и Высшей политической школы при ВНХ. Основатель и руководитель правой Монгольской партии национального прогресса в 1989 г., в 1990–1992 гг. — первый вице-премьер. С 1992 г. — депутат ВГХ, член руководства МНДП. Имел репутацию блестящего экономиста, страстного приверженца рыночной экономики.
- 9 Эти сведения, как и многие другие, М. Россابي почерпнул из монографии монгольского ученого Х. Дашцэвэга «Монгол үндэсний ардчилсан намын түүхийн тэмдэглэл: 1989–1990» (Заметки по истории Монгольской национально-демократической партии У-Б, 1998).
- 9а Горнообогатительный комбинат Эрдэнэт — ГОК «Эрдэнэт» — построен в 1973 г. на средства и силами СССР. Входит в десятку крупнейших производителей медно-молибденового концентрата в мире, является совместным российско-монгольским предприятием — флагманом монгольской индустрии.
- 10 Бат-Уль Эрдэнийн — родился в 1954 г. в Улан-Баторе, выпускник физико-математического факультета МонГУ. Был преподавателем в школе Хувсгульском аймаке, затем работал в Институте астрономии АН МНР. Он — один из основателей Монгольского Демсоюза и Монгольской демократической партии, председателем которой был в 1990–1991 гг. В 1992 г. — член Главного Совета МНДП, а в 1993 г. — Генеральный секретарь. С 1996 г. — депутат ВГХ.
- 11 В литературе фигурирует и цифра — 90 тысяч участников, к которой склоняется и М. Россابي, хотя точное число их, по его мнению, определить весьма трудно (Rossabi, 2004, с. 22).

Нам довелось присутствовать на этом митинге и наблюдать за демонстрацией. И по нашим наблюдениям, в них участвовало несколько десятков, но не 90 тысяч человек. Скорее всего, эта цифра отражает суммарное, общее число участников событий в Улан-Баторе 7–9 марта 1990 г.

- 12 Помимо Э. Бат-Уля М. Россابي упоминает только еще троих участников голодовки: Гонгоржавын Бошигта (впоследствии глава одного из гражданских движений), Дамбын Дорлигжава (будущий министр обороны в правительстве Бямбасурэна) и Дамдинсурэн-гийн Энхбатора (в 1992–1995 гг. — Председатель Подкомитета ВГХ по национальной безопасности) и отмечает, что все они после этой акции обрели широкую известность (Rossabi, 2004, с.13). Между тем, в десятку входили также: Б. Батцэнгэл, Б. Биликт, Б. Гамандорж, Ц. Жавхалант, Д. Ниже, Э. Эрдэнэбат (История Монголии, 2007, с. 400).

- 13 М. Россابي имеет в виду Дашийн Бямбасурэна и других новых назначенцев Ж. Батмунха, противостоящих старой цеденбаловской гвардии в правительстве и ЦК МНРП.

Что касается неприменения насилия в отношении бунтовавшей молодежи, то здесь уместно было бы автору обратиться к мемуарам Ж. Батмунха «Ни в коем случае не применять силу», в которых он вспоминает свое категорическое указание «...к демонстрациям и митингам силу не применять, не использовать войска... ведь молодежь на площади — это наши дети» (Батмунх, 2001, с. 107). К сожалению, этот важный источник автором не использован.

- 14 Элбэгдорж Цахиагийн — политический и государственный деятель, один из руководителей МДС, в 1991–1996 гг. — его Генеральный координатор. Родился в 1963 г. в Зэрэг сомоне Кобдоского аймака в аратской семье. Военный журналист по образованию, выпускник Львовского военно-политического училища. В 1990–1992 гг. — член Малого хурала, с 1992 г. — депутат ВГХ, в 1996–1997 гг. — вице-спикер парламента. В апреле-июне 1998 г. — премьер, с июля по декабрь 1998 г. — исполняющий обязанности премьера, с сентября 2004 по февраль 2006 гг. — глава правительства национального согласия. Характеризуя Ц. Элбэгдоржа времен демократического движения, М. Россابي пишет: «...военный человек, прошедший подготовку в СССР и работавший на военный журнал, он был честным, прямым критиком правительства и выступал за конфронтацию с режимом.

Менее образованный и лощеный, чем другие сторонники реформ, он, тем не менее, оказался харизматическим, прекрасным оратором, способным обращаться к простым людям. Чувствуя себя ино-

- гда неловко в компании своих сподвижников из элитарных семей, он умел апеллировать к значительно более широким слоям населения, чем большинство из них (Rossabi, 2004, с.14).
- 15 Амаржаргал Ринчиннямын — политический и государственный деятель, член руководства демократическим движением в 1990 г. Родился в Улан-Баторе в 1962 г., в 1982 г. окончил Институт народного хозяйства им. Плеханова в Москве. В 1983–1990 гг. преподавал политэкономии в Военном институте и Технологическом университете в Улан-Баторе. В 1991 г. — директор Экономического колледжа. С 1996 г. — депутат ВГХ. В 1998 г. возглавлял Министерство внешних сношений, с июля 1999 г. по июль 2000 г. — глава кабинета министров, член руководства МДП.
 - 16 Оюун Санжасуэрэнгийн — младшая сестра С. Зорига, политический деятель, доктор геолого-минералогических наук. Образование получила в Праге, в Карловом университете, после окончания которого в 1987–1988 гг. вела полевые исследования в Монголии. После 1990 г. вновь занялась поисковой и научной работой в области геологии. С 1996 г. — депутат ВГХ, с марта 2000 г. — основательница и председатель праволиберальной партии «Гражданская воля» — третьей после МНРП и МДП по значимости в стране. В 2007–2008 гг. — министр иностранных дел Монголии.
 - 17 Хулан Хашбатын — политическая и общественная деятельница, депутат ВГХ с 1996 г. В детстве жила в Югославии, где ее отец, Л. Хашбат, был послом. Окончила МГИМО, стажировалась в Лидском университете в Англии. Хулан — старшая из трех дочерей Л. Хашбата, была замужем за послом Монголии в РФ С. Беяром — ныне премьер-министром и председателем МНРП.
 - 18 Эрдэнэбилиг Тумурочирын — политический и общественный деятель, внук опального Д. Тумурочира, супруг одной из сестер Х. Хулан.
 - 19 Батбаяр Батэрдэнийн (Баабар) — один из основателей и руководителей Монгольской Социал-Демократической партии, политолог, депутат ВГХ, автор нашумевшей книги «Монголия XX столетия: кочевье — оседлость, достижения — потери» (Баабар, 1996). Был министром финансов в правительстве Демсоюза в 1996–2000 гг.

ГЛАВА III

- 1 См. прим. 10 к гл. 1.
- 2 Очирбат Пунсалмаагийн (1942) — уроженец Тудэвтэйсомона Завханского аймака, выпускник Ленинградского горного инсти-

тута по специальности инженер по эксплуатации открытых шахт. Занимал ряд руководящих должностей в Министерстве промышленности, в 1976–1985 гг. — министр топливно-энергетической промышленности. В 1985–1987 гг. был Председателем Госкомитета по внешнеэкономическим связям, а в 1987–1990 гг. — министром внешнеэкономических связей и снабжения. С марта 1990 г. — Председатель Президиума ВНХ. В сентябре 1990 г. избран ВНХ президентом МНР. В 1993 г. баллотировался на пост президента от демократических сил и выиграл выборы.

После окончания президентских полномочий в июне 1997 г. ушел в бизнесструктуры.

- 3 Азиатский фонд — неправительственная организация, созданная в 1960 г. Конгрессом США с участием корпораций, частных лиц и других фондов в целях оказания технической и материальной помощи развитию гражданского общества и демократии в странах Азии.

Отделение фонда было открыто в Улан-Баторе в самом начале 90-х гг. и, как отмечает М. Россаби, «...содействовало проектированию Конституции 1992 г...., доставило 250 книг для монгольских НПО, библиотек и университетов... разработало образовательную программу для избирателей... субсидировало ряд НПО, особенно среди женщин, занималось обучением потенциальных политиков, преимущественно из членов партий, оппозиционных МНРП...», весьма гордилось тем, что 40% демократических депутатов, избранных в ВГХ в 1996 г., получали гранты из фонда и т. д. (Rossabi, 2004, с. 39–40).

- 4 Голодовка началась с требований принятия изменений избирательной системы, дающей преимущества МНРП и законодательного подтверждения свободы демонстраций и печати. В ней приняли участие 41 человек и она продолжалась 12 дней, в ходе которых выдвигались также требования отставки правительства П. Жасрая и роспуска парламента по обвинению депутатов во взяточничестве, коррупции и некомпетентности. Благодаря активному вмешательству президента П. Очирбата, «объективно, — как пишет представитель Азиатского фонда Шелтон Северингхаус, — сыгравшего роль омбудсмена», все закончилось мирно, компромиссным соглашением забастовщиков с властями, хотя, по автору, «это было наиболее серьезным волнением после бури 1990 г.» и наиболее крупным политическим событием 1994 г. В мирном исходе голодовки и достигнутом компромиссе Северингхаус, как, впрочем, Т. Гинзбург и другие авторы, видит одно из свидетельств укрепления «хрупкой монгольской демократии» (Severinghaus, 1995, с. 70–75).

- 5 Интересно, как Т. Гинзбург, в частности, объясняет отказ МНРП от применения силы в марте 1990 г.: «Если бы на площади Сухэ-Батора была устроена кровавая баня в стиле Тяньаньмина, то руководство неизбежно связало бы свою судьбу с Китаем, и сомнительно, обрел бы этот шаг легитимность в стране» (Ginsburg, 1999, с. 256).
- 6 По итогам выборов 28 июня 1990 г. МНРП получила 61,7% голосов избирателей и провела в депутаты 357 человек, 84,7% от состава ВНХ; МДП — 24,3% голосов избирателей, 16 депутатов; МПНП — 5,9% голосов избирателей, 6 депутатов; МСДП — 5,5% голосов избирателей, 4 депутата, Партия зеленых — 1,22% голосов избирателей, 1 депутат, 1 депутат от Партии свободного труда и 39 независимых депутатов (История Монголии, 2007, с. 336; Sanders, 1996 в, с. 111).
- 7 Сторонникам реформ как среди демократов, так и среди членов МНРП в правительстве Д. Бямбасурэна были предоставлены весьма высокие посты: председатель МСДП Р. Гончигдорж стал вице-президентом и председателем Малого хурала, председатель МДП Д. Ганболд — первым вице-премьером, член руководства МДП Д. Дорлигжав — вторым вице-премьером, К. Зардыхан — идеолог демократов в 1986–1988 гг. — заместителем Председателя Малого хурала, Ж. Амарсана — министром юстиции.
- 8 На выборах 1992 г. за МНРП проголосовало 56,9% избирателей, а за 10 других партий — примерно 40%, в том числе за МНДП — 17,5%, МСДП — 10,1% и т. д.
Но если МНРП провела в парламент 71 кандидата, то ее соперники — всего 5. Помимо традиционной, почти повсеместной поддержки МНРП избирателями-аратами, привыкшими за 70 лет коммунистического режима видеть партийных функционеров своими естественными руководителями, такой расклад был обусловлен, как считает Т. Гинзбург, особенностями избирательной системы. Она позволила МНРП выдвинуть сразу по несколько кандидатов по каждому из 24 многомандатных избирательных округов, что из-за нехватки ресурсов не получилось у оппозиционеров.
- 9 Жасрай Пунцагийн — государственный и политический деятель, кандидат экономических наук.
Родился в 1933 г. в Гоби-Алтайском аймаке, в 50-х годах был учителем в школе, преподавателем Экономического института. После окончания в 1961 г. Московского экономико-статистического института и работы экономистом в различных госучреждениях выдвинулся на должность Председателя Государственной плановой комиссии, затем заместителя, а в 1990 г. и первого заместителя Предсовмина. В том же году основал и возглавил Союз производственных и сер-

висных кооперативов Монголии. Был членом ЦК, а в 1989–1990 гг. — кандидатом в члены Политбюро ЦК МНРП, депутатом ВНХ четырех созывов. В 1992–1996 гг. — премьер-министр Монголии, с 1992 г. — депутат ВГХ.

- 10 Багабанди Нацагийн — государственный и политический деятель, кандидат философских наук. Родился в 1950 г. в Завханском аймаке, по образованию инженер-технолог, окончил Институт пищевой промышленности в Одессе и Академию общественных наук при ЦК КПСС в Москве в 1987 г. С этого же года лектор, заведующий сектором, советник ЦК МНРП, в 1990 г. — член Президиума, секретарь ЦК МНРП, с 1992 г. — заместитель Председателя ЦК МНРП. В 1992–1996 гг. — спикер ВГХ. В 1997–2005 гг. — Президент Монголии.
- 11 На муниципальных выборах в октябре 1996 г. МНРП победила в 11 аймаках из 18 и в Улан-Баторе (Ардын Эрх. 08.10.1996).
- 12 Так, например, У. Баркман указывает, что «из 591 участника XXII съезда МНРП в феврале 1997 г. 589, или 99,3%, были новичками», которые впервые участвовали в таком форуме (Barkmann, 2000, с. 278).
- 13 См., напр., Ардын Эрх. 25.04.07; Оноодор 24.04.07.
- 14 Всего в Монголии в начале первой декады XXI века функционировали 18 зарегистрированных партий и более 600 неправительственных организаций и движений.
- 15 Энхболд Мисгомбын многие годы был мэром Улан-Батора; с декабря 2005 г. по ноябрь 2007 г. — премьер-министр, член МНРП.

ГЛАВА IV

- 1 Никсон Фредерик — профессор экономики Манчестерского университета, одно время — советник Всемирного банка. Совместно с Лувсанжавом и Бернардом Уолтерсом — редактор коллективной монографии «Экономика Монголии. Руководство по прикладной экономике для страны в стадии перехода» (Nixon, 2000) и соавтор монографии об административной реформе в Монголии (Nixon, 1999).
- 2 Томлинсон Ричард — политолог, автор критической статьи «От Чингис-хана к Милтону Фридману. Дикий скачок Монголии к капитализму» (Tomlinson, 1998).
- 3 Корсун Джордж — сотрудник исследовательского отделения экономики Мэрилендского университета. В 1995 г. защитил докторскую диссертацию о «большой приватизации» в Монголии (Korsun, 1995).

- 4 Мюрелл, Питер — профессор экономики Университета штата Мэриленд. Совместно с Ж. Корсуном автор ряда исследований по экономическим реформам в Монголии (Korsun, Murrell, 1994; 1995 а, 1995 б).
- 5 Сакс Джеффри — американский экономист, вместе с Д. Коуэнсом автор программ финансовой стабилизации и экономических реформ в Польше, одно время — экономический советник Б.Н. Ельцина. На 2005 г. был руководителем Института земли Колумбийского университета, который занимался изучением глобальных проблем мировой экономики, в частности проблем искоренения бедности в мире (см., напр.: Sacks, 2005).
- 6 Идеи и рекомендации Дж. Сакса по реформированию и развитию экономики Монголии сводились к следующему: «а) поощрение частных инвестиций; б) повышение цен на уголь и нефть, отмена субсидий потребителям; в) интенсификация воздушного сообщения и подъем туризма; г) улучшение дорог в Россию и Китай; д) больший доступ в Интернет; е) дополнительные исследования и передача информации о производстве кашемира и развитии животноводства; ж) увеличение доли прибыли для иностранных инвесторов в концессиях по добыче минералов и нефти; з) повышение качества обслуживания, менеджмента и финансирования; и) больше эффективных банков и снижение процентов по вкладам — продолжение приватизации» (Sacks, 1997; цит. по: Rossabi, 2004, с. 161; см. также: Sachs, Walner, 1997).
- Отметим, что, как указывает М. Россаби, Джеффри Сакс впоследствии сожалел о своих рекомендациях по сокращению бюджета и расходов на образование, здравоохранение и защиту окружающей среды и убеждал МВФ и МБ прекратить «скопидомские кампании и заикленность на сокращение инфляции» (Rossabi, 2004, с. 105).
- 7 Ваучеры — это купоны стоимостью в 1 тысячу тугриков каждый, дававшие право на приобретение равной доли из 44% государственных фондов, подлежавших приватизации в 1991–1992 гг.
- Все граждане МНР получали по 10 ваучеров: три розового цвета для участия в т.н. «малой приватизации», и 7 — голубого цвета для участия в «большой приватизации».
- Приватизация на ваучеры, в общем, закончилась в начале 1993 г. и в дальнейшем проходила через Фондовую биржу за деньги на тендерах и аукционах.
- 8 М. Россаби отмечает, что программа первого правительства Демсоюза (1996–1998), изложенная в письме-обращении его премьера М. Энхсайхана к донорам и американским фондам от 26 августа 1996 г.,

«зеркально отражала взгляды и устремления международных доноров», а также решения очередного совещания доноров в Токио от 1996 г. В нем главной задачей, главным вызовом, стоявшим перед Монголией, провозглашалось «быстрое завершение перехода к рынку» (Rossabi, 2004, с. 71).

- 9 Приватизации по настоянию МВФ подлежали такие крупные предприятия, как главный импортер нефти из России нефтяная компания «НИК», главный производитель кашемировых изделий компания «Гоби», ТЭЦ-3 и ТЭЦ-4, дававшие 70% электроэнергии и тепла для Улан-Батора — всего более 250 крупных хозяйствующих объектов и 68 тысяч квартир в Улан-Баторе и 12 тысяч по стране (Rossabi, 2004, с. 75; МУТ, 2003, с. 422–423).

Касаясь приватизации М. Россابي не преминул отметить, какому огромному давлению подвергали монголов, чтобы, например, заставить их продать улан-баторские ТЭЦ одной американской фирме, за которой тянулся шлейф противоправных операций в Калифорнии и Бразилии. В прессинге принимали участие, по свидетельству автора, помощник госсекретаря Томас Пикеринг, пожаловавший для этого в Улан-Батор, и вице-президент США Эл Гор, направивший президенту Монголии Н. Багабанди специальное послание. Лоббировали продажу и ушедшие в отставку два премьера Демсоюза, но оппозиция помешала осуществлению этой сделки.

- 10 Речь идет о закрытии в конце 1996 г. всех 153 отделений одного из крупных банков — «Народного банка», в которых было сосредоточено до 60% всех частных депозитов, но кредитная политика банка была чересчур рискованной и грозила банкротством. Как отмечает М. Россابي, всего в период правления демократов было закрыто 8 банков (Rossabi, 2004, с. 83). Все это, по его мнению, усиливало нестабильность банковской системы и было контрпродуктивно. Впрочем, он признает, что эти шаги были встречены с одобрением, даже с триумфом, западными специалистами и в этой связи цитирует советника монгольского премьера в 1996–1997 гг. Билла Бикейлса, который, например, писал: «Этот жесткий подход восстановил доверие к банкам страны и может представить образец для решения финансовых проблем в регионе» (Там же, с. 73; см.: Bekales, 1997, с. 16–17).

По Россابي история с неудачной попыткой в 1998 г. объединения немогущего государственного Банка реконструкции, созданного всего полтора года до этого, с процветающим коммерческим банком «Голомт», фаворитом МВФ и правительств демократов, работающим практически только в Улан-Баторе, опровергает оценки Б. Бикейлса и иже с ним. Эта попытка, по Россابي, вызвала настоя-

щий банковский кризис и привела к отставке в 1998 г. правительства Ц. Элбэгдоржа — второго правительства Демсоюза, проработавшего всего 6 месяцев.

В целом жесткая кредитно-денежная политика правительств Демсоюза, неуклонное повышение процентных ставок — до 50% — на выдаваемые Центральным Банком кредиты и понижение процентов на депозиты, скандальные неурядицы с банками препятствовали экономическому росту и больно ударили особенно по малому бизнесу и уязвимым слоям населения.

- 11 Отмена с 1 мая 1997 г. таможенных пошлин на все импортируемые товары, за исключением нефтяной продукции, алкоголя, табака и автомобилей с неоправдавшим себя расчетом на широкое привлечение новой технологии и машин, с одной стороны, как отмечает М. Россابي, выдвинула Монголию в авангард стран со свободной торговлей, с другой — увеличило неконкурентоспособность отечественных товаров и нехватку средств для финансирования социальных нужд (Rossabi, 2004, с.75).

«Эта так называемая либерализация цен, — пишет автор со ссылкой на газету «UB Post», — которая привела к росту на 48% цен на уголь, на 60% — на электричество и на 40% — на теплоснабжение, естественно, причинила вред всем уязвимым и бедным людям, людям, живущим в городах и поселках на твердую зарплату, а также небольшим и средним предприятиям» (Там же, с. 72).

- 12 Были приватизированы, например, такие крупные объекты государственности, как пиво-водочный комбинат «АПУ», Сельскохозяйственный банк (ХААН Банк) и др. Совсем неоправданными в глазах М. Россابي выглядели продажа весной 2002 г. всего за примерно 12 млн. долл. 76% акций преуспевающего государственного Банка торговли и развития, приносившего в казну 4 млн. долл. в год, американской компании «Дженерал Металс» и швейцарскому банку «Лучано Коммершнал», а также ошибочным было предоставление лицензии на разведку и эксплуатацию перспективного месторождения меди и золота «Оюунтолгой» американской компании с сомнительной репутацией «Айвенхоу Майнс», владелец которой — Роберт Фридман получил в США кличку «ядовитый Боб» за ущерб природе, причиненный его золотодобывающей фирмой в штате Колорадо (Rossabi, 2004, с.96–97; 103).

- 13 Приватизация земли, начатая в 2003 г. в условиях отсутствия в Монголии кадастровых карт и классификации земли по плодородию, чревата, по мнению М. Россابي, злоупотреблениями и коррупцией, ибо давала преимущества привилегированным семьям (Rossabi, 2004, с.103).

- 14 Так, например, по данным ПРООН, 30% иностранных ассигнований, выделенных Монголии на 1998 г., предназначалось на развитие добывающей промышленности, 27% — на энергетику, 19% — на транспорт, 8% — на телекоммуникации и лишь 3% — на социальные нужды (Rossabi, 2004, с.92).
- 15 Особо автор выделяет успешную программу АДБ по обновлению 40 школьных зданий в сельской местности, поставку от 5 до 12 компьютеров в каждую из 140 средних школ и на курсы повышения квалификации учителей, помощь в подготовке новых учебников и открытие научных лабораторий в ряде университетов (Rossabi, 2004, с.107).
- 16 Эти чисто рыночные приоритеты иностранной помощи вызывали критику даже у таких творцов политики Международных финансовых организаций, как президент Всемирного банка Джеймс Уолфенсон и Джордж Сорос.
Первый, например, утверждал, что «...мы слишком часто чересчур концентрировались на экономике, без достаточного понимания социальных, политических, экологических и культурных черт общества... МБ, МВФ и другие организации продвигали крупные проекты за счет возможных программ помощи простым людям... Упор на финансовую стабилизацию недостаточен. Более того, приватизация и сокращение государственных субсидий — это не ответы для развивающихся стран» (Walfensohn, 1998, с. 25–32; цит. по: Rossabi, 2004, с. 92).
А Сорос в интервью ВВС заявил, что «новый рыночный фундаментализм более опасен, чем коммунизм».
- 17 Тезис «рост без развития» в определенной степени перекликается с концепцией известного латиноамериканского социолога, бывшего посла Перу в России и Англии и представителя Перу в ООН Освальдо де Риверо (Oswald de Rivero). Согласно этой концепции, т.н. «развивающиеся страны третьего мира», — а Монголия пока, заметим, входит в их число, — в силу своих слабых исходных позиций на мировом рынке, системного кризиса государственности, который выражается в постоянной политической нестабильности, коренной зависимости от внешней помощи, наличия огромной бюрократической машины, неискоренимой бедности и нищенства органически не способны к развитию. «Нежизнеспособные национальные экономики, — резюмирует О. де Риверо, — могут десятилетиями сохраняться в неизменном виде в стадии стагнации». И «на повестке дня стоит не развитие, а выживание народов этих стран» (Rivero, 2001, цит. по: Иноземцев, 2005, с. 223–232).

- 18 Данные за 2004–2005 гг. взяты из официального статистического сборника за 2005 г. (МУСЭ, 2005, с. 115), за 2006 г. — из «Зууны Мэдээ», 08.01.2007.
- 19 См.: Зууны Мэдээ, 01.01.2007 и «Новости Монголии», 02.02.2007 соответственно.
- 20 Подробный аналитический разбор социальных проблем и программ по их решению дан В.В. Грайворонским (Грайворонский, 2007).
- 21 О социальной направленности стратегии экономического развития см., к примеру, работы монгольских авторов: Ч. Улан. Актуальные вопросы перехода Монголии к рыночным отношениям и их социально-экономические последствия (Улан-Батор, 2005) и коллективный сборник от 1999 г. «Стратегия экономического развития Монголии: уроки и возможности» (на монг. языке).
- 22 Новости Монголии. 02.02.2007.

ГЛАВА V

- 1 См. дополнительно: монографию по результатам длительных полевых исследований Питера Финке «Номады в процессе трансформации: казахи в постсоциалистической Монголии» (Finke, 2004); коллективную работу «Монголы. Из села в город: плавающие границы, пасторализм и городская жизнь на землях монголов» (Bruun, Нарангоа, 2006), а также работу Оле Бруна: «Драгоценная степь: монгольские кочевники-скотоводы в погоне за рынком» (Bruun, 2006).
- 2 Авторы прямо не указывают, но из контекста видно, что расчет сделан по ценам 1990 г.
- 3 Свои позитивные впечатления от СХО Д. Розенберг впервые отразил в 1974 г. в статье «Развитие Нэгдэла: социокультурные перспективы» (Rosenberg, 1974, с. 63–65), а затем в докторской диссертации «Политическое руководство в монгольских кочевых пастбищных кооперативах», защищенной в 1977 г. в Миннесотском университете (Rosenberg, 1977). В сжатом виде она была опубликована в журнале Монгольского общества США под названием «Роль руководства в монгольских кооперативах: два случая» (Rosenberg, 1982).
- 4 На IX МКМ (Улан-Батор, 8–12 августа 2002 г.) известная американская монголистка Элизабет Эндикот в своем докладе «Государство, земля и кочевники: концепции прав на землю в монгольской истории» высмеяла западных авторов за «...возникшую в последнее время тенденцию прославлять эпоху социализма (1921–1990), осо-

бенно блага: выгоды, которые в тот период государственная система предоставляла скотоводческим хозяйствам». «Вся ирония в том, — отметила докладчик, — что в течение всех десятилетий коммунистического правления в Монголии они же выпячивали лишь негативные стороны однопартийной системы: отсутствие свободы слова, централизованное планирование экономики и т. п. А некоторые последние работы стоят буквально на грани возвеличивания социалистической эпохи как периода процветания всего народа, включая кочевников» (Endicott, 2006, с. 461). При этом она ссылается на монографию М. Россabi «Современная Монголия» и Оле Бруна «Драгоценная степь...».

- 5 Авторы иллюстрируют это на примере семьи скотовода Баярху из 10 человек (43-летний глава семьи, его жена-пенсионерка 44 лет и 8 детей), которая арендовала 433 лошади, в том числе 95 кобылиц, и получала большой доход за выгул, сохранение молодняка, сдачу и продажу молока, кумыса, конского волоса и т. д. (Там же, с. 106).
- 6 Авторы рассказывают, что араты Моост и других сомонов в 1991 г. отказывались продавать мясо государству по низким ценам и своим упорством вынудили правительство в сентябре 1992 г. поднять цены в 2 раза и еще на столько же в 1993 г. (Там же, с. 142–143).
- 7 По расчетам О. Бруна на питание и бытовые нужды (50 кг муки, 210 кг риса, 50 кг сахара, 3 кг соли, 10 л растительного масла, 8 плиток чая, 12 кусков мыла, 200 свечей, батарейки, одежда, школьные учебники, запасные части для юрты) уходило, по ценам 1995 г., 272 тыс. тугриков, на производственные нужды — перекочевки, услуги ветеринара, лекарства, седла, телеги, контейнеры и прочий инвентарь — 120 тыс. тугриков. Итого общие расходы составляли 392 тысячи тугриков в год. А денежные доходы от продажи живого скота, овечьей и верблюжьей шерсти, кашемира, конского волоса, шкур, кожи, айрака — 586 тыс. тугриков при ценах на шерсть в 200 тугриков за кг, кашемира — 3 тыс. тугриков за кг, кумыса — 200 тугриков за литр и т. д.
Таким образом, чистый доход составлял 194 тысячи тугриков за минусом налога на скот в 50 тугриков за 1 условную единицу — Бодо (1 голова крупного рогатого скота или 7 баранов, или 10 коз; верблюдов — 1,5 бодо), а всего 3450 тугриков.
Это все для хозяйства, имевшего в собственности 150 овец и коз, 20 лошадей, 15 коров и 5 верблюдов (Brunn, 1996, с. 77–78).
- 8 Аил — группа, как правило, двух и более родственных или соседских аратских семей, объединившихся для совместного выпаса скота, рытья колодцев, строительства хашанов и т. д., поселение.

9 М. Россابي здесь цитирует в отрывках репортаж Джона Гиттинга «На краю качелей смерти от голода» (Gitting, 2000) *Starving Mongolia Teeters on the Edge Gardion Weekly*. 2000 March 21–30) о бедствии, охватившем Монголию: «Монголия находится на краю катастрофы — полумиллиону людей из скотоводческих общин угрожает смерть от голода... В некоторых районах погибли до половины поголовья... овцы... от отчаяния грызут камни... Не имея лошадей, роженицы вынуждены добираться до больниц, у которых нет соответствующего оборудования... пешком. Школы стоят закрытыми: дети не учатся, а вместе с родителями кочуют на дальние расстояния в поисках свежих пастбищ...

Государственная система социального обеспечения и здравоохранения рухнула... Учителя вынуждены... заниматься скотоводством в качестве прибавки к мизерным жалованиям... Эксперты давно предупреждали, что кризис ждет своего часа, что он неминуем в стране, в которой посткоммунистические экономические реформы ухудшили положение и без того бедного населения» (Rossabi, 2004, с. 125–126). «Монгольские скотоводы пережили тяжелую зиму», — писал о бедственной зиме 1999–2000 гг. американский монголист Питер Марш. Он приводил достаточно точные данные о масштабах трагедии, охватившей 92 сомона в 12 аймаках. Массовый падеж скота там из-за бескормицы, вызванной обильными снегопадами, обледенением почвы, а также 50-градусными морозами, поставил 42 700 аратских хозяйств, более 500 тысяч человек на грань выживания. Выразив глубокое соболезнование аратам, автор задался вопросом: изменилось ли что-нибудь в лучшую сторону в деле учета печального опыта этой зимы и подготовки к новой? Прямого ответа П. Марш не дал, но выразил явное сомнение, что «правительство, занятое выборами в парламент и перераспределением власти, сумело за лето 2000 г., такое же засушливое и короткое, как и лето 1999 г., хорошо подготовить страну к еще одной возможно тяжелой зиме» (Marsh, 2000, с. 24).

Заметим, что ученый, увы, оказался пророком: зима 2000–2001 гг. была не менее суровой и примерно с такими же последствиями.

10 Д. Снис считает, что СХО, по сути, копировали традиционные формы организации крупного скотоводческого хозяйства чуть ли не нойонами Чингис-хана, монгольскими засакам (князьями) и буддийскими монастырями. «Недаром, — отмечает он, — скотоводы называли общественное стадо СХО “албат мал” (от слова «алба» — повинность. — М. Г.) (Sneath, 1999, с. 229).

11 К 1993 г. число аратских хозяйств увеличилось вдвое, а к 1998 г. — в три раза от уровня 1990 г. (Odgard, 1996, с. 117; Rossabi, 2004, с. 121).

- 12 Снис приводит пример Ринчин Лхумбе сомона Хувсугульского аймака, в центре которого проживало 1724 жителя. Из них в середине 90-х гг. 1207 человек занимались скотоводством, в то время как во времена МНР таковыми являлись лишь 50% жителей.
- 13 Одним из показателей этого качества является преданность аратов своему современному государству, их высокая избирательная активность, о чем в своем докладе на IX МКМ в 2006 г. говорила французская исследовательница Линда Гардели. Она вела полевые работы в Мали и в Монголии и по их результатам выступила со сравнительным анализом места и участия туарегов и аратов в политической жизни их стран, причем ее выводы — явно в пользу монголов.
«Большинство скотоводов-кочевников, с кем я общалась в степях Монголии, заявляли о своем интересе к политике и о том, что они, конечно, голосуют на каждых выборах». И вот ее общее резюме: «Главная разница (между монголами и туарегам. — М. Г.) состоит в том, что монгольские скотоводы-кочевники чувствуют, что республика это их собственное государство и что они сами его строят, в то время как туареги считают, что строительство государства Мали прошло без их участия и многие из них не признают себя его частью» (Gardelle, 2006, с. 94).
- 14 Подробно об этих авторах см.: (Гольман, 2004, с. 13–16; 53–54; 81; 127–128; 182).
- 15 Кэмп Алия — 1949 года рождения, страновед-международник по образованию, полиглот, профессор. Была на дипломатической службе в разных восточных странах, в 1990–1991 гг. работала в посольстве США в Монголии в ранге советника. В 1990-х гг. — президент Консалтинговой фирмы, созданной по ее инициативе для содействия сотрудничеству западного и монгольского бизнеса, глава научной ассоциации «Монгольское общество» в США (подробнее см.: Гольман, 2004, с. 13).
- 16 Эндикот-Вест Элизабет — 1952 года рождения, выпускница Гарвардского университета, где в 1982 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Монгольское господство в Китае...». Профессор, ведущая монголистка в стенах Гарварда.
- 17 Дополнительно к их работам, отмеченным во введении, см. также: (Humphrey, 2002; Sneath, 2006 a, с. 140–161).
- 18 Авторы предпочитают употреблять термин «мобильный пасторализм» вместо «безвременного номадизма», ибо он не влечет за собой предубеждений относительно кочевников, связанных с термином «номадизм». По их мнению, номадизм в чистом виде,

«...если он вообще когда-либо существовал, исчез повсюду в регионе Внутренней Азии...», и потому употребление этого термина не годится ни для исследований, ни для практической деятельности. Против отказа от термина «номадизм» категорически возражал Оле Брун. В своей монографии «Драгоценная степь...» он пишет: «Существует много веских причин, корни которых уходят в историю антропологии для сохранения термина “номадизм”. Отказ от него будет означать разрыв многовековых традиций исследования кочевых народов, кочевой культуры и кочевой цивилизации, требует переименования журналов и переориентации исследовательских центров». О. Брун считает, что предлагаемый англичанами термин «мобильный пасторализм» более узок, чем «номадизм», и не может быть с успехом отнесен к кочевым обществам (Bruun, 2006, с. IX–X).

Нам ближе точка зрения датчанина, хотя, по сути, в интерпретации всех этих авторов речь идет об одном и том же: кочевниках-скотоводах. Оба термина в общем и целом обозначают одно понятие — кочевничество и потому их употребление — дело личного вкуса. Но лучше все-таки «номадизм». Ведь недаром К. Хамфри и Д. Снис вынесли в заголовок своего исследования именно термин «номадизм», причем вовсе не предвещая его гибель, а всем содержанием своего труда доказывая обратное — его жизнеспособность.

- 19 На формирование взглядов А. Кэмпби на номадизм большое влияние, по ее признанию, оказали О. Латтимор, Б.Я. Владимирцов, Рене Груссе, О. Барфильд, К. Симон и другие географические детерминисты. Большое впечатление на нее произвела «блестящая и будирующая мысль» книга монгола по происхождению, но давно работающего на Западе (в скандинавских странах и в США) Бат Очир Болда «Монгольское кочевое общество. Реконструкция монгольского средневековья» (Bold, 2001), в которой анализируются непреходящие характерные черты и особенности монгольского традиционного номадизма и кочевой культуры и, в частности, категорически опровергается концепция монгольского кочевого феодализма (Campi, 2001, с. 43).
- 20 Эти рекомендации А. Кэмпби, похоже, выработала на основе опросов аратов Баян-ульгейского и Убурхангайского аймаков, где она проводила полевые исследования в начале 90-х гг. Во всяком случае они перекликаются с мнением знатного овцевода, первого и единственного арата-депутата ВНХ первого созыва в 1992–1996 гг. Ц. Намхайнямбуу. Он считал, что для развития пастбищного животноводства необходимо, чтобы государство «...1. строило и содержало дороги

и мосты, дабы скотоводы могли добираться до рынков; 2. не давало спекулянтам повышать цены на бензин, делая его недоступным для аратов; 3. проводило исследования почвы, растительности, животных в целях повышения продуктивности; 4. поощряло и контролировало рытье колодцев, возведение укрытий и подготовку к чрезвычайным обстоятельствам; 5. оказывало помощь аратам в случаях стихийных бедствий» (Rossabi, 2004, с. 130).

Отметим, что Ц. Намхайнямбуу был главным информатором М. Россابي о жизни и переменах в худоне, автором автобиографической книги «Благополучие от овцы» («Хонины хишиг», переведенной на английский язык женой профессора — Мэри Россابي и изданной в Кембридже в 2000 г. (Rossabi, 2000)).

- 21 См. также: работу сотрудника Всемирного банка, работавшего в Монголии, Робина Мирнса «Кочевые институты, землевладение и земельная политика в постсоциалистической Монголии» (Mearns, 1993); спецдоклад скандинавских востоковедов «Страноведческий анализ: Монголия. Переход из второго в третий мир», опубликованный отдельной брошюрой (Bruun, Ronnash, Narangoa, 1999), статью Э. Эндикот «Живучесть нomaдизма» (Endicott, 2007); ее доклад на IX МКМ «Государство, земля и кочевники...» (Endicott, 2006) и др.
- 22 См., например, о конфликте между золотодобывающей компанией «Золотой Восток—Монголия» и аратами Замар сомона Центрального аймака — Зууны Мэдэ, 07.11.2005; см. также: одрийн Сонин, 23.04.2007.
- 23 Представляется, что эти высказывания Н. Энхбаяра были продиктованы не столько политикой, сколько эмоциями — реакцией на национальное бедствие в зимы 1999–2001 гг. Но кое-где за рубежом они были восприняты как приговор нomaдизму. «Никаких больше нomaдов в Монголии — говорит премьер-министр» — под таким заголовком, например, сообщил 21 мая 2001 г. об этом интервью еженедельник «FEER», а 31 мая на его страницах появилась статья некоего Дэвида Мэрфи «Нет места нomaдам». В Англии «Новости Би Би Си» свое сообщение об этом все-таки симптоматическом событии озаглавили «Монгольский нomaдизм обречен на вымирание» (Цит. по: Endicott, 2000, с. 113 и Campi, 2006, с. 240).
- 24 Отметим также, что результаты этого опроса, опубликованные под названием «Будущее кочевого пасторализма», выявили, что только 12,6% опрошенных аратов высказались за то, чтобы в будущем приоритет отдавался огораживанию, ирригации пастбищ и производству кормовых культур.

Интерес представляют и расхождения в оценке жизненного уровня респондентов между данными опроса и официальной статистикой. Так, по критериям Национального статистического управления 15,8% из них следовало бы отнести к «очень бедным», 37% — к «бедным» и 42,2% — «средним и выше среднего». В то время как, по самооценкам аратов, лишь 3,5% назвали себя «очень бедными», 20,8% — «бедными» и, что показательно, 75,2% определили свой жизненный уровень как «средний и выше среднего» (*The Future of Nomadia Pastoralism*. Open Society Forum. Ulaanbaatar, 2007, с. 113–114).

ГЛАВА VI

- 1 Под этим определением Том Гинзбург, а также, например, один из ведущих современных монголистов США, профессор Индианского университета Кристофер Этвуд и другие авторы коллективного труда «Монголия в двадцатом столетии. Блокированный космополит», понимают стремление Монголии войти во внешний мир, проводить многовекторную космополитическую внешнюю политику, но при этом, как отмечает Этвуд, с одной, главной во все времена «... всеохватывающей целью сохранения особой самостоятельной национальной жизни» (Kotkin, Elleman, с. XX); см. также: Barkmann, 1993, с. 81–91).
- 2 В 1990–1992 гг. три полевых сезона на востоке страны безуспешно работала японо-монгольская экспедиция «Гурван Гол» по поискам могилы Чингис-хана, спонсированная редакцией газеты «Иоумури Симбун».
- 3 См., напр.: Kristof N. Where Genghis Khan is in//The New York Times Magazine — August 1990. Osborn A. The Cult of Genghis Khan//Independent News(England) 31.05.2005. Wada N. A Prolific Genghis Khan, It seems, helped People of the World//The New York Times 11.02.2003; Poohav. Mongolia Sees Genghis Khan's Good Side//International Herald Tribune 10.05.2005.
- 4 Статья написана в рамках совместного американо-монгольского Проекта по изучению современной политической культуры в Монголии, который субсидировали Национальный научный фонд и АЙРЭКС (IREX), что позволило автору в 1998–1999 и 2003 гг. провести полевые исследования в Центральном и Кобдоском аймаках.
- 5 За исключением небольшого исторического раздела и раздела о культе Чингис-хана, книга, как мы отмечали во Введении, носит описательный характер и повествует о работе американских и монгольских археологов в Монголии. Она богата иллюстративным материалом — на 128 страницах книги — 120 рисунков и фотоснимков.

- 6 Представляется, что ссылки на эти капитальные труды маститых ученых сделаны лишь для пущей научной убедительности, ибо из них никак не вытекает, что Чингис-хан был великим демократом.
- 7 Вот положительные результаты этого опроса:
- «1. При Чингис-хане превалировала власть закона, правовая система была четкой, справедливой и строгой — 47% респондентов.
 - 2. Существовало равенство всех перед законом — 37%.
 - 3. Руководство было сильным, мудрым, заботливым — 34%.
 - 4. Народ почитал, уважал и подчинялся правительству и законам — 24%.
 - 5. Принцип демократии участия соблюдался в Совете мудрецов и Великом Хуралдане — 22%.
 - 6. Личные свободы (слова, религии), плюрализм и права человека были в чести — 21%.
 - 7. Государство было сильно своей репутацией, ответственностью, властью и влиянием — 12%.
 - 8. Оно объединяло людей в единую независимую нацию — 11%.
 - 9. Экономика контролировалась и подчинялась принципам свободного рынка» (Sabloff, 2001, с. 51).
- 8 Речь идет о монгольской исторической летописи XVII в. «Алтан тобчи» («Золотое сказание») ламы Лувсан Данзана, содержащей значительную часть жизнеописания Чингис-хана из «Нууц товчоо» («Сокровенного сказания»).
- 9 Амар А. (1886–1941) — один из ведущих политических деятелей МНР, ученый, дважды премьер-министр в 1923–1930 гг. и 1936–1939 гг. пал жертвой необоснованных репрессий 1939–1941 гг., реабилитирован в 1962 г.
- 10 Как известно, впервые буддизм проник на территорию Монголии в XIII в. во времена Чингис-хана, а при Хубилай-хане (годы правления — 1260–1294) был объявлен государственной религией империи Юань (1271–1368).
- Второе распространение буддизма началось в конце XVI — начале XVII в. и с тех пор вплоть до 30-х годов XX в. он был не только господствующей религией, но в значительной степени образом жизни монголов.
- 11 В 1998 г. Удо Баркман, например, отмечал: «Ламаистского клера (здесь — хубилганов, хутухт. — М. Г.) больше не существует. Даже сейчас, спустя 8 лет после начала преобразований в Монголии нет ни одного монгольского ламы, который был бы хубилганом (т.е. перерожденцем буддийского святого). Глубокое религиозное образование получили лишь несколько выпускников Высшего духовного училища» (Barkmann, 1998, с. 102).

- 12 Так, например, на восстановление монгольской буддийской национальной святыни, «символа независимости страны» — храма и статуи Мэгжид Жанрайсига в Улан-Баторе в 1992–1996 гг. правительство выделило 153,4 млн. тугриков к 176,727 млн. тугр., собранных населением страны (Barkmann, 1998, с. 112).
- 13 У. Баркман сообщает, что в октябре 1996 г. в связи с освящением храма Мэгжид Жанрайсиг Далай-лама передал туда семь пакетиков с прахом Будды, один — с прахом основателя ламаизма — Дзонхавы (1357–1419), волосы с головы всех своих предшественников, останки всех Панчен-лам, что «...возможно, могло превратить это святилище (храм Жанрайсиг. — М.Г.) в место паломничества ламаистов из Тувы, Бурятии (Российская Федерация) и Внутренней Монголии» (Barkmann, 1998, с. 113).
- 14 В большой исследовательской статье «Вмешательство геополитики в цикл жизни одного буддийского перерожденца» Удо Баркман детально прослеживает биографию Дамба хутухты IX и историю его якобы «тайного» и не санкционированного Далай-ламой визита в Монголию 13 июля — 17 сентября 1999 г. (Barkmann, 2000, с. 42–51).

Основные вехи этой биографии и этой истории, думается представляют интерес и выглядят следующим образом. Перерожденцем главы ламаистской церкви, теократического монарха Монголии Джесбдзун Дамба Хутухты VIII, умершего в 1924 г., в начале 30-х годов был определен тибетский мальчик Жамбалномдол Чойжижанцан (Сонном Даргия), 1932 г. рождения, уроженец Ахасы, выходец из семьи тибетского ламы.

После 12 лет обучения в одном из тибетских монастырей, где его первыми учителями были монгол и бурят, он переехал в Индию, где, видимо, какое-то время продолжал учебу. Затем в течение 24 лет вел довольно светский образ жизни, побывал в США, Канаде, России. В 1986 г. он вернулся в Ахасу, где с позволения и при финансовой поддержке китайских властей вернул к жизни старый монастырь, в котором учился и который был превращен в зерновой амбар. К моменту его скорого отъезда в Индию там проживало уже 300 монахов.

20 сентября 1991 г. в Дхармасале — резиденции Далай-ламы и тибетского правительства в изгнании состоялась, наконец, его официальная инкарнация как Джебдзун Дамба хутухты IX, хотя таковым он считался с 1935 г., когда политически амбициозный регент Тибета признал его перерожденцем. Личные контакты с настоятелем Гандана Чойжамцем Джебдзун Дамба хутухта IX установил еще в 1984–1985 гг. и, по его словам, в течение 7 лет

очень хотел приехать в Монголию, но не получалось... И только в июле 1999 г. эта поездка состоялась. Причем с самого начала на наш взгляд, приняла детективный оттенок. Хутухта прибыл в Монголию из Калмыкии, где находился с официальным визитом, имея на руках личное приглашение от двух монгольских граждан и туристическую визу на имя тибетского эмигранта Жампил Намжила сроком на один месяц... Сначала его не хотели пускать, но спасло положение предъявленное им приглашение монгольского консула в Элисте, которое он рассматривал как официальное согласие правительства на его приезд.

Первые дни пребывания хутухты в Улан-Баторе совпали с государственным визитом в Монголию Председателя КНР Ян Цземина и потому во избежание дипломатических осложнений с 13 и вплоть до 18 июля, до его отъезда, он старался не появляться на людях, по существу, прятался в Гандане. Но в последующие дни его выступления перед верующими в Гандане и столичном монастыре Дашчойлон вызвали огромный резонанс среди населения. Несколько дней ушло на согласование с Министерством внешних сношений программы его пребывания в стране, в ходе реализации которой 5 августа в сакральном для монголов старейшем монастыре Эрдэни Дзу он был провозглашен главой монгольских буддистов.

Однако уже 23 августа Хамбо-лама Чойжамц направил Далай-ламе послание, в котором сообщал, что с «официальным определением церковного статуса Джебдзун Дамба хутухты в нашей стране решено подождать».

А правительство Монголии попросило Далай-ламу отозвать его за истечением срока визы и за вмешательство во внутренние дела. 17 сентября 1999 г. в монгольской прессе появились сообщения о том, что хутухта с выделенными ему сопровождающими находится на пути в Индию.

13 октября 1999 г. Далай-лама на встрече с монгольским послом в Нью-Дели отмежевался от всей этой истории и заявил, что Джебдзун Дамба хутухту ожидает взыскание и что он не даст ему снова поехать в Монголию больше ни разу (Barkmann, 2000, с. 50–51).

- 15 Бакула Ринпоче — 1917 года рождения, видный индийский религиозный деятель, бывший учитель Далай-ламы. Имеет высокий сан перерожденца в 20-м поколении исторического проповедника буддизма в Центральной Азии Бакулы гэгэна и в 16 поколении — Найдан хубилгана.

1 января 1990 г., в возрасте 73 лет, назначен послом Индии в Монголии и работал на этом посту почти 10 лет. Прославился активным участием, даже лидерством в возрождении буддизма в стране, участвовал в освящении святыни Храма Мэгжид Жанрайсига и во всех

других крупных религиозных событиях, построил на свои средства храм в Улан-Баторе. 1 декабря 1999 г. был отозван, скорее всего, из-за истории с Джебдзун Дамба хутухтой (см. прим. 13).

Монголы весьма почитали Бакулу и считали, что после смерти он должен возродиться в Монголии.

ГЛАВА VII

- 1 На 2007 г. Монголия имела дипломатические отношения со 148 странами, включая все ведущие державы, была членом 48 крупных международных организаций (МОНЦАМЭ, 29.12.2007).
- 2 Попутно заметим, что и в России пока немного работ о внешнеполитических отношениях Монголии: монография Г.С. Яскиной «Монголия и внешний мир» — пока единственное обобщающее исследование на эту тему (Яскина 2002). Можно отметить также монографию В.Ц. Ганжурова «Россия—Монголия (история, проблемы, современность)» (Ганжуров, 1997) и совместный российско-монгольский сборник статей «Россия и Монголия. Новый взгляд на историю взаимоотношений в XX в.» (Россия и Монголия, 2001). В Монголии подобных работ больше: канд. диссертация К. Дэмбэрэла «Влияние международной среды на развитие Монголии. Сравнительный анализ в историческом контексте XX в.» (Дэмбэрэл, 2002); монографии Б. Лхамсурэна «Внешняя среда и государственная независимость Монголии» (Лхамсурэн, 1995); Б. Балдоо «Внешние отношения Монголии: начало и конец XX в.» (Балдоо, 2003); Л. Хашбата «Международный статус Монголии. Историко-правовые аспекты» (Хашбат, 2001); коллективный труд «Монголо-российские отношения. Концепция регионального развития и сотрудничество» (Дамдинсурэн, Дэмбэрэл, 2005); а также индивидуальные работы по монголо-китайским (Бэгзжав, 1999), монголо-японским (Батбаяр, 2002), монголо-американским (Хурматхан, 2003), монголо-французским отношениям (Онунгэрэл, 2003).
- 3 По оценке А. Сандерса, за 1990–1991 гг. число советских советников и специалистов сократилось на 50% до 18 500 работающих и 6300 их иждивенцев (членов семей) (Sanders, 1997, с. 274).
- 4 В этой связи А. Сандерс со ссылкой на материалы монгольской прессы сообщает о призыве в 1991 г. некой Бурят-Монгольской народной партии к объединению Бурятии и Монголии, о петиции за 20 тыс. подписей жителей Бурятии от августа 1992 г. с требованием вывода 250 тысяч российских солдат из республики (Sanders, 1996 б, с. 271).
- 5 Г.С. Яскина датирует заключение этого соглашения, а точнее «Договора о пограничном режиме и порядке решения приграничных про-

- блем» ноябрем 1988 г. и отмечает, что он носил «беспрецедентный характер» для Китая (Яскина, 2002, с. 174). Расходится она с А. Сандерсом и в датировке визита Ян Шанькуя (Там же, с. 178).
- 6 Со ссылками на монгольские газеты «Mongol Messenger» от 28 октября 1991 г., «Унэн» от 29 августа и 11 сентября 1991 г. А. Сандерс сообщает читателям об образовании международной компании по перевозке с июля 1992 г. экспортных грузов Монголии на транспортном корабле под монгольским флагом, но с китайской командой, а также об организации в Монголии Общества любителей моря (Монголын далай сонирхогчидийн нийгэмлэг). В декабре 1991 г. оно выступило в печати с «Обращением ко всем монголам по национальности за рубежом» с призывом оказывать моральную, материальную и финансовую поддержку доступу Монголии к мировому океану путем поставки судов, обучения моряков и правового обеспечения (Sanders, 1996, с. 286).
- 7 О «вялом» характере развития российско-монгольских экономических отношений в 1993–1998 гг. см. статью «Российско-монгольские отношения сегодня» (Гольман, 1998, с. 274–282).
- 7а Речь идет о задолженности Монголии по советским кредитам и поставкам в размере более 10 млрд. долл., что долгое время после 1990 г. было больной проблемой в наших взаимоотношениях и предметом торга с обеих сторон. Проблема была решена в 2003 г. по итогам визита в Москву тогдашнего премьера Н. Энхбаяра. Правительство РФ списало 98% от этой суммы, а оставшуюся часть Монголия погасила.
- 8 М. Россابي пишет: «Несмотря на злобную память о инспирированных Советским Союзом чисток и репрессий, к нему сохранились и добрые чувства за помощь в создании первого монгольского университета, первых современных больниц, сети социального страхования и основных транспортных систем. Вдобавок, многие монгольские лидеры получили образование в СССР» (Rossabi, 2004, с. 205). Все это, наряду с восстановлением дружественных отношений, по его мнению, может выстроить в общественном сознании «...весьма благоприятный, но идеализированный образ «старого патрона» (Там же).
- 9 В доказательство этого приводятся данные о выдвигании КНР к началу XXI в. на первые позиции во внешней торговле Монголии — 41,2% экспорта и почти 25% импорта, превращение Китая в поставщика 2/3 импорта муки, большей части сахара и риса, а также иностранной рабочей силы; его становление как наиболее крупного инвестора в добычу полезных ископаемых, строительство, производство сырья (сырой кашемировой шерсти, шкур и кожи) в трико-

- тажные и швейные фабрики, в работу 600 совместных предприятий и компаний и т. д. (Rossabi, 2004, с. 234–237).
- 10 Речь идет о публикации в КНР географических карт, документов и исторических исследований, доказывающих якобы принадлежность Монголии Китаю. В частности, А. Сандерс и Т. Гинзбург упоминают подобного рода сборник документов, изданный Отделением Государственного бюро безопасности АРБМ в 1992 г. Они же и У. Баркман отмечают выход в 1993 г. двух брошюр под редакцией китайских историков «Доказательство изменений границ Монголии» и «Секреты и причины независимости Монголии». В них Монголия изображена «священной территорией Китая», что вызвало взрыв возмущения в Монголии (Sanders, 1996 а, с. 283; Barkmann, 1997, с. 294; Ginsburg, 1999, с. 254).
 - 11 Периодические проверки работы китайских предприятий в Монголии выявили, что 80% из них нарушают технику безопасности, охрану здоровья рабочих, практикуют сверхурочные работы и использование детского труда (Rossabi, 2004, с. 240). Автор ссылается на регулярные обзоры некоего монгольского Сектора экономической разведки (Economic Intelligence Unit Country Report Mongolia), материалы частного монгольского агентства E-mail Daily News и монгольской прессы.
 - 12 В сентябре 1993 г. в Улан-Баторе состоялся Всемирный форум монголов, организованный по инициативе бывшего премьера Дашийн Бямбасурэна и с помощью созданного им Фонда поддержки развития Монголии. На форуме провозглашались идеи образования Международной культурно-просветительской Ассоциации всех монголов типа Всемирного братства, не получившие в дальнейшем воплощения в жизнь.
 - 13 После того как в 1993 г. Тайвань выразил заинтересованность в установлении деловых связей с Монголией, торговый оборот в 1994 г., по сведениям западных источников (монгольская статистика не выделяет Тайвань в списке торговых партнеров), составил 400 тыс. долл., а в 1997 г. — 1,4 млн. долл. В декабре 1998 г. в Тайбэе был подписан Меморандум о поддержке развития торговли и туризма и об открытии представительств в столицах двух стран. К 2004 г. в Монголии работало 20 тайваньских предприятий, страна получила 150 тысяч тонн риса в порядке безвозмездной помощи; 300 монгольских бизнесменов прошли подготовку на Тайване, 3–4 тысячи монголов нашли работу на острове; в 2002 г. в обоих государствах были открыты консульства (Rossabi, 2004, с. 242–243).
 - 14 О разрыве в экономических позициях России и Китая в рассматриваемый период говорят данные монгольской прессы: доля России

в общем внешнеторговом товарообороте Монголии составляла 19,5%, Китая — 38%, в монгольском экспорте соответственно 2,9% и 49%, в импорте 36,6 и 28%; в капиталовложениях — 4,5% — Россия и 47,3% КНР; число совместных предприятий и предприятий со 100% — Крым российским капиталом составляло 300 единиц, у КНР — соответственно 2160 и т. п.

Все это давало некоторое основание известному монгольскому историку, политологу и дипломату Цэдэндамбын Батбаяру в статье «Монголо-российские отношения в последнюю декаду», которая была написана в 2003 г. по заказу на грант Центра Вудро Вильсона оценить эти отношения как «...политически напряженные и экономически ограниченные» (Batbayar, 2003, с. 970).

- 15 Сведений о Ла Порта, кроме того, что он опытный дипломат и работал в Монголии 2 года, с декабря 1997 по 2000 годы, у нас нет. Памела Слуцц родилась в Чикаго в 1949 г., выпускница Коллинз Колледжа и Гавайского университета, знает китайский, французский, индонезийский языки. С 1981 г. — на дипломатической службе: политический советник в посольстве США в Джакарте; руководитель отдела Китая-Монголии в Государственном департаменте; начальник отдела региональной безопасности Госдепа. Перед назначением послом в Монголию была директором Американского института на Тайване. Верительные грамоты вручила 18 июня 2003 г. и проработала в Монголии до сентября 2006 г. (Улаанбаатар Таймс, 05.09.2003; НМ, 27.09.2006).
- 16 Статья в основном посвящена практически неизвестной истории организации 7 августа 1921 г. американского консульства в Калгане и деятельности его главы Самуэля Сакобина в период становления в Монголии новой власти в 1921–1922 гг. Статья представляет собой модифицированный вариант лекции, прочитанной автором в МонГУ 22 ноября 1996 г. Она содержит любопытные сведения о причастности автора к дипломатическому признанию Монголии Соединенными Штатами в 1987 г. Отметим также, что история первых дипломатических контактов США и Монголии в 20-х гг. XX в. — тема докторской диссертации А. Кэмпбелл, защищенной в 1988 г.
- 17 Ограниченность западных материалов по этой теме, которыми мы располагаем, автор старался местами восполнить сведениями из монографии Г.С. Яскиной «Монголия и внешний мир» (Яскина, 2002, с. 227–255) и из монографии доктора Мухамадигина Хурметхана «Монголо-американские отношения и американистика» и его статьи «Монголия—США — стратегическое партнерство» (Хурметхан, 2003; Хурметхан 2002, с. 83–92).

- 18 Каждый раз, как указывает Ла Порта, когда у МНР возникали поползновения к самостоятельным контактам с США, со стороны Советского Союза шло предписание «не сейчас». Он также сообщает, что, несмотря на действовавший в США запрет на помощь СССР и его сателлитам, Америка помогла Монголии в преодолении последствий наводнения в Улан-Баторе в 1966 г., что однако, держалось под большим секретом вплоть до 1988 г. (La Porta, Grossman, 1998, с. 4–5).
- 19 Джордж Квестор (George H Quester) — на 1996 г. был профессором Университета штата Мэриленд, где читал курсы лекций по оборонной и внешней политике США, контролю над вооружениями. До этого работал в Корнельском и Гарвардском университетах, в Национальном военном колледже. Он — автор нескольких книг и статей по проблемам международной безопасности и, в более широком плане, по международным отношениям, член Международного института стратегических исследований и Совета по международным отношениям.
- 20 Mongol Society Newsletter (MSNL). 1990 August 8, с. 58–59; 1991 February 9, с. 4.
- 21 Во время визита Д. Бямбасурэн встречался с вице-президентом, госсекретарем, министром торговли, директором Корпуса мира, руководителем Департамента сельского хозяйства и конгрессменами (Campi, 2007, с. 2).
- 22 Как писала монгольская пресса, этот визит Джеймса Бейкера «... послужил первым проявлением поддержки США обновления, осуществляемого в нашей стране» (Ардын Эрх, 25.07.1990). «Мы будем вашим третьим соседом», — впервые в ходе визита провозгласил Дж. Бейкер (Campi, 2007, с. 3).
- 23 Официальный визит президента Монголии П. Очирбата по приглашению Джорджа Буша состоялся 20–24 января 1991 г. Помимо принципиальных договоренностей были заключены межправительственные соглашения о сотрудничестве в области торговли, науки и техники, о предоставлении 2 млн. долларов в помощь системе образования в Монголии; была создана рабочая группа по торгово-экономическому сотрудничеству (Яскина, 2002, с. 239; Хурметхан, 2003, с. 46). Комментируя итоги визита, А. Кэмпби цитирует президента П. Очирбата, заявившего по возвращении на родину, что «...общественность США высоко оценивает демократическую революцию 1990 г. в Монголии как блестящий пример реформирования мирным путем» (Campi, 2007, с. 2).
А впоследствии в своих мемуарах «Звездный час» П. Очирбат писал, что его визит в США американцы расценивали «...как важ-

- ный шаг к прогрессу не только в истории двух стран, но и во всей мировой истории» (Цит. по: Яскина, 2002, с. 240).
- 24 В резолюции конгрессмены единодушно приветствовали перемены в стране и, в частности, проведение в Монголии «свободных и честных выборов», выражали взаимную заинтересованность в обеспечении стабильности в регионе, развитии, торговли и в защите прав человека и т. п. Они специально отметили, что «...Монголия показывает всему миру прекрасный пример мирного перехода к ценностям и демократическим принципам свободного мира» (Хурметхан, 2003, с. 47; Ардын Эрх, 21.03.1991).
- Отметим, что впоследствии Конгресс США неоднократно принимал заявления в поддержку Монголии.
- 25 Ардын Эрх, 27.07.1991. Заметим, что спустя 12 лет, в 2003 г., Монголия принимала Джеймса Бейкера в качестве почетного гостя.
- 26 Встреча состоялась во время празднования 50-летия ООН, была достигнута договоренность о сотрудничестве по вопросам безопасности, о выделении США 10 млн. долл. на борьбу с бедностью в Монголии в 1996 г. (НМ, 08.11.1995).
- 27 Хиллари Клинтон сопровождали 18 корреспондентов ведущих американских газет. Она встречалась с премьер-министром, гостила в юрте простого арата, устроила прием в посольстве США для представителей женских организаций, подарила 3,5 млн. долларов на защиту материнства. «Демократия, независимость и процветание Монголии, — заявила она на пресс-конференции, — отвечает вашим и нашим интересам, и потому мы будем и дальше поддерживать вас и оказывать помощь» (Ардын Эрх, 08.09.1995).
- 28 За этим однодневным, но важным визитом последовала, как пишет А. Кэмпбелл, «снежная лавина» визитов высокопоставленных представителей администрации США, в том числе министра обороны Дональда Рамсфелда, госсекретаря Кондолизы Райс и др. (Campi, 2007, с. 2).
- 29 Встреча состоялась во время продолжительного, с 14 по 22 июля 2004 г., официального визита Н. Багабанди в США. 15 июля президенты подписали Совместное заявление, провозгласившее «новую эру сотрудничества и комплексного партнерства, основанных на общих ценностях и общих стратегических интересах» (Slutz, 2005, с. 7).
- 30 Визит состоялся 25 ноября 2005 г., продолжался 4 часа и носил во многом протокольный характер. Президенты обменялись мнениями по ключевым вопросам двусторонних отношений и международного сотрудничества и договорились об оказании со стороны США всемерной помощи по подключению Монголии в региональные, политические, экономические и финансовые структуры, об

- активизации сотрудничества для борьбы против таких организованных и транснациональных преступлений, как отмывание денег, торговля людьми, финансирование терроризма». Дж. Буш выразил благодарность Монголии за участие в многонациональной миротворческой миссии по послевоенному обустройству Ирака, за помощь пострадавшим от урагана «Катрина» (НМ, 15.11.2005).
- 31 Главным итогом этого визита стало подписание Договора с корпорацией «Фонд вызовов тысячелетия» с получением Монголией безвозмездной помощи в течение 5 лет в размере 285 млн. долларов (МОНЦАМЭ, 18.11.2007).
- 32 Например, А. Кэмпбелл указывает: «Это были Соединенные Штаты, которые в роли победителя в холодной войне возглавили разработку и реализацию программ ускорения политических реформ в Монголии и ее перехода к рыночной экономике» (Campi, 2007, с. 3; см. также: Slutz, 2005, с. 8; Rossabi, 2004, с. 211).
- 33 Стоит отметить, что эти цифры совпадают или очень близки данным монгольской статистики (См.: МУСЭ, 2006, с. 229–231).
- 34 См. также интервью Памелы Слутц газете «Mongol Messenger» от 26.01.2004.
- 35 См. также: НМ, 02.02.2007.
- 36 МОНЦАМЭ, 08.11.2007.
- 37 Так, например, в августе 2000 г. в Улан-Баторе принимали главнокомандующего вооруженными силами США на Тихом океане адмирала Д. Блэра, затем министра обороны США Дональда Рамсфелда; в марте 2003 г. начальник штаба вооруженных сил Монголии, генерал-лейтенант Ц. Точоо согласовал в Вашингтоне вопросы участия Монголии в операциях в Ираке, а в январе 2004 г. Председатель объединенного комитета начальников штабов всех родов войск США в Улан-Баторе благодарил Монголию за это участие и предоставил 1 млн. долл. на финансирование этой акции (Rossabi, 2004, с. 211–212; Яскина, 2002, с. 240; Зууны Мэдээ, 18.04.03).
- 38 США, в частности, помогли в создании и вооружении Монгольского элитного батальона, выделив на это дополнительно 350 тыс. долл. в 2000 г. (La Porta, Gritchfield, 2000, с. 6). По неофициальным данным, они разместили в Гоби «...электронные приборы для мониторинга Северной Кореи и китайских атомных испытаний в Лобноре» (Rossabi, 2004, с. 212).
- 39 11–25 августа 2006 г. и 1–16 августа 2007 г. эти учения, в которых принимали участие 4 и 9 стран соответственно, проходили на полигоне главной учебно-тренировочной базы Таван-Толгой, расположенной в 50 км от Улан-Батора. Цель учений — отработка взаимо-

действия при проведении миротворческих военных операций. Они финансировались США по программе «Инициатива по поддержке мира». Главком военными силами США на Тихом океане адмирал Т. Китинг в августе 2007 г. после завершения учений специально нанес визит президенту Н. Энхбаяру для выражения благодарности за их прекрасную организацию и сообщения о выделении США 2 млн. долл. на дальнейшее обустройство базы Таван-Толгой (из монгольских СМИ).

- 40 Монгольский контингент направлялся в Ирак посменно, каждые 6 месяцев, и дислоцировался на базе альянса «Чарли», в городе Аль Хилла в 120 км к югу от Багдада. Личный состав насчитывал 120–130 военнослужащих. Они действовали под общим польским командованием. Всего в 2003–2007 гг. в Ирак было направлено 8 групп монгольских офицеров, прапорщиков, сержантов, солдат общей численностью более 600 человек. Они неоднократно подвергались нападению, особенно во время 4-й смены в 2005 г. (из монгольских СМИ).

США очень высоко оценивают участие Монголии в составе коалиции в Ираке, а также в Афганистане, где примерно дюжина монгольских офицеров занимается обучением афганских солдат. Они не раз на самом высоком уровне публично выражали Монголии свою благодарность. Как частный пример, отметим восхищение посла Памелы Слутц монгольским воином из 2-й смены, который в 2004 г., всего лишь на третьей неделе своей службы в Ираке, можно сказать, спас базу «Чарли», не дав смертнику взорвать начиненный тротилом грузовик у ее ворот (Slutz, 2005, с. 7–8). Он получил американские и польские награды, а по возвращении на Родину — первым «Peace Medal».

- 41 Директор отделения Корпуса мира по Монголии Кен Гудсон приводит следующие цифры: за 15 лет свыше 500 волонтеров, работавших в Монголии, обучили английскому языку 8 000 человек, провели занятия по охране здоровья с 6 тысячами, способствовали увеличению доходов 200 семей (МОНЦАМЭ, 16.03.2006).
- 42 Еще в 2000 г. посол США Ла Порта утверждала, что к этому времени отношения США и Монголии «вышли за рамки риторики о третьем соседе». Она же обозначила официальный подход к перспективам развития этих отношений: «США хотят видеть более стабильную, более процветающую Монголию, которая способствует стабильности и процветанию региона, Монголию, которая серьезно занимается правовой реформой, демократизацией, либерализацией экономики, приватизацией и проводит активную внешнюю политику, соединяющую ее с регионом и миром».

«В свою очередь, — продолжает Ла Порта, — мы надеемся, что Монголия видит в США надежного партнера, страну, которая имеет многое, что предложить в виде поддержки и помощи продолжению политических, экономических и социальных реформ в Монголии. Если две нации продолжают насыщать свои отношения уважением к взаимным интересам и ценностям, то двусторонние отношения будут продолжать расти» (La Porta, Gritchfield, 2000, с. 9).

- 43 Программа ТАСИС ранее называлась «Программа технической помощи странам Центральной и Восточной Европы» и по просьбе Монголии была задействована на территории страны. В ее рамках были реализованы многие проекты, которые охватывали и экономику, и государственное управление, и образование и т.д. Затем Евросоюз переключил ее на страны, входившие в прошлом в Советский Союз в Европе и Центральной Азии.
- 44 Для более широкого ознакомления с темой отсылаем читателя к монографии Ц. Батбаяра «Монголия и Япония в первой половине XX века» (Улан-Удэ, 2002), коллективному труду монгольских ученых «Монголо-японские отношения. Прошлое, настоящее» (УБ, 1997, на монг. яз.), к серии статей «Монголия и Япония» в журнале «Международные исследования» (УБ, 2002, № 1, с. 1–80, на монг. яз.), а также к монографии Г.С. Яскиной (Яскина, 2002, с. 199–226).
- 45 Баркман особо подчеркивает, что в одном из интервью Т. Кайфу заявил, что Монголия — это страна с великой историей и что он давно испытывал желание посетить ее (Barkmann, 1994, с. 40; Barkmann, 1999, с. 132).
- 46 По Баркману делегатами совещания были представители Японии, США, Австралии, Германии, Южной Кореи, Новой Зеландии, Сингапура, Всемирного банка, Азиатского банка развития, Международного валютного фонда. Участвовали наблюдатели из Китая, Брунея, Франции, Италии, Нидерландов, Великобритании, Евросоюза и ПРООН. Решения были приняты на основе доклада Всемирного банка (Barkmann, 1999 б, с. 135).
По другим источникам в первом совещании участвовало 14 стран и 3 международные организации (Яскина, 2002, с. 267, и др.).
Что касается роли Японии, то она в 1991–2001 гг. предоставила Монголии в виде займов и безвозмездной помощи 607 млн. долл. (МОНЦАМЭ, 01.11.05).
- 47 Монгольская пресса сообщает о 57 предприятиях с японским капиталом на 1998 г. (НМ, 11.04.1998).
- 48 См., напр., Government of Japan, 2003; World Bank, 2004.

БИБЛИОГРАФИЯ

На русском языке

- Батбаяр, 2002 — Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX в. Улан-Удэ, 2002.
- Ганжуров, 1991 — Ганжуров В.Ц. Россия-Монголия (история, проблемы, современность). Улан-Удэ, 1991.
- Гольман, 1970 — Гольман М.И. Проблемы новейшей истории МНР в буржуазной историографии США. М., 1970.
- Гольман, 1998 — Гольман М.И. Российско-монгольские отношения сегодня // Восток и Россия на рубеже XXI века. М., 1998.
- Гольман, 2001 — Гольман М.И. Смена власти в Монголии (о выборах 2000 г.) // Российское монголоведение. Бюллетень V. М., 2001.
- Гольман, 2004 — Гольман М.И. Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е — середина 90-х годов XX века. М., 2004.
- Горбачев, 2003 — Горбачев М.С. и др. Грани глобализации. Трудные вопросы современности. М., 2003.
- Грайворонский, 2007 — Грайворонский В.В. Реформы в социальной сфере современной Монголии. М., 2007.
- Дэмбэрэл, 2002 — Дэмбэрэл К. Влияние международной среды на развитие Монголии. Сравнительный анализ в историческом контексте XX в. Иркутск, 2002.
- Иноземцев 2005 — Иноземцев В.А. Книжечей. Библиотека современной обществоведческой литературы в рецензиях. М. 2005.
- История Монголии, 2007 — История Монголии. XX век. М., 2007.
- Конституция, 1982 — Конституция и основные законодательные акты МНР. М., 1982.
- Морозова, 2006 — МНРП: старая история на новый лад манер // Церендоржисвсь читання 2006. Тибетська цивілізація та кочеві народи Євразії: кроскультурні контакти. Київ, 2006.
- XIX съезд МНРП — XIX съезд Монгольской народно-революционной партии. Улан-Батор, 28-31 мая 1986 г. М., 1986.
- Очирбат, 1990 — Очирбат Г. Ближайшие задачи углубления перестройки и обновления МНРП // Доклад Генерального секретаря ЦК МНРП Г. Очирбата первому Чрезвычайному съезду МНРП // Новости Монголии. 15.04.1990.

- Россия и Монголия, 2001 — Россия и Монголия. Новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М., 2001.
- Стиглиц, 2002 — Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2002.
- Хашнбат, 2001 — Хашнбат Л. Международный статус Монголии. Историко-правовые аспекты. УБ., 2001.
- Хрестоматия, 2005 — Хрестоматия по теории и практике демократии. М., 2005.
- Яскина, 2002 — Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. М., 2002.

На монгольском языке

- Баабар, 1996 — Баабар Б. (Батбаяр) XX зууны Монгол: нуудэл суудал; олз гарз (Монголия XX века: кочевья, оседлость, достижения, потери). УБ., 1996.
- Балдоо, 2003 — Балдоо Б. Монгол гадаад харилцаа XX зуун эхэн батог-стол уе (Внешние отношения Монголии. Начало-конец XX века). УБ., 2003.
- Батмунх, 2001 — Батмунх Ж. Хуч хэрэглэж хэрхэвч болохгүй (Применять силу нельзя ни за что). УБ., 2001.
- Буянтогс, 2002 — Буянтогс А. Монгол-японы худалдаа, эдийн засгийн харилцаа (Монголо-японские торгово-экономические отношения). УБ., 2002.
- Бэгзжав, 1999 — Бэгзжав Л. Монгол-хятадын харилцаа (Монголо-китайские отношения). УБ., 1999.
- Дамдинсүрэн, Дэмбэрэл, 2005 — Монгол-оросын харилцаа (Бусчилсэн хөгжлийн бодлого хамтын ажиллагаа) (Монголо-российские отношения (политика регионального развития и сотрудничества). УБ., 2005.
- Дашцэвэг, 1998 — Дашцэвэг Х. Монгол Ундсний Ардчилсан намын туухийн тэмдэглэл (Заметки об истории Монгольской национально-демократической партии). УБ., 1998.
- Лхамсүрэн, 1995 — Лхамсүрэн Б. Монголын гадаад орчин торийн тусгаар тогтнол (Внешнее окружение и независимость государства). УБ., 1998.
- МУСЭ, 2005 — Монгол Улсын статистикийн Эмхэтгэл (Статистический сборник), 2005. УБ., 2006.
- Монгол Улсын Туух (МУТ), 2003 — Монгол Улсын Туух. Тавдугаар боть (XX зууны) (История Монголии. Том 5 (XX век). УБ., 2003.

- Оюунгэрэл, 2003 — Оюунгэрэл Л. Монгол-Францын харилцаа (XIII зуунаас эдүгээ хуртэл) (Монголо-французские отношения (с XIII века до настоящего времени). УБ., 2003.
- Санждорж, 1995 — Хорьдугаар зууны Монгол туухийн тойм (Монголия XX века. Исторический очерк). Эрхл (ред.) Санждорж М. УБ., 1995.
- Хайсандай, 1999 — Монгол тусгаар тогтнол ба орос — хятадын хучин зүйл Эмхт. Хайсандой Л. (Независимость Монголии и русско-китайский фактор. Сост. Хайсандой Л.). УБ., 1999.
- Хурметхан, 2002 — Хурметхан М. Монгол улус АНУ: стратегийн туншлал (Монголия-США: стратегическое партнерство) // Олон Улс Судлал (Международные исследования). УБ., 2002, № 1.
- Хурметхан, 2003 — Хурметхан М. Монгол-Америкийн харилцаа бы Америк судлал (Монголо-американские отношения и американистика). УБ., 2003.

На западноевропейских языках

- Akiner, 1991 — Mongolia today. Ed. by Akiner Sh. L., 1991.
- Akiner, Tideman 1998 — Sustainable Development in Central Asia. Ed. by Akiner Sh. and Tideman S.L., 1998.
- Asad, 1979 — Asad T. Equality in Nomadit Social System. Cambridge, 1979.
- Asian Development Bank 1992 A.D.B. Mongolia: A Centrally Planned Economy in Transition. Oxford 1992.
- Asian Development Bank, 1993 — A.D.B. Agriculture Sector Study of Mongolia. Manila, 1993.
- Asian Development Bank, 1996 — A.D.B. Country Economic Review Mongolia. October 1996. UB, 1996.
- Asian Development Bank, 1997 — A.D.B. Country Economic Review Mongolia. August 1997. UB, 1997.
- Asian Development Bank, 1999 — A.D.B. Education Sector Development Program. UB, 1999.
- Asian Development Bank, 2002 — A.D.B. Strategic Development Outline for Economic Cooperation between the People's Republic of China and Mongolia. Manila, 2002.
- Aslund, 2002 — Aslund A. Building Capitalism: the Transformation of the Former Soviet Bloc. Cambridge, 2002.
- Avery 1996 — Avery M. Women of Mongolia. Seattle, 1996.

- Barkmann, 1993 — Barkmann U. Bemerkungen zum Mongolische Nationalismus: Ein Versuch // Humboldt Journal zur Friedens forschung. 1992, № 3, 1993, № 1.
- Barkmann, 1994 a — Barkmann U. Lamaismus in der Mongolei (TEILI) // Asien Africa Latinamerika. 1994, vol. 22.
- Barkmann, 1994 б — **Barkmann U. Zu den Japanish — Mongolian Bezeichnungen der Letzen Jahre** // Asie. Deutsche Zeitschrift fur Polirik. Wirtschaft and Kultur B. January, 1994, № 50.
- Barkmann, 1995 — Barkmann U. Zu den Beziehungen zwischen der Mongolei und der USSR (Russland) in den Jahren 1989 bis 1993 // Asien Deutsche Zeitschrift fur Politik, Wirtschaft und Kultur. 1995, № 5.
- Barkmann, 1996 — Barkmann U. Zum Politischen Selbstverstandnis der Mongolischen Revolutionare Volkspartei // Asian, Africa, Latina-merika, 1996, vol. 24.
- Barkmann, 1997 a — Barkmann U. The Revival of Lamaism in Mongolia // Central Asian Survey, 1997, vol. 16, № 1.
- Barkmann, 1997 б — Barkmann U. Die Mongolei zwischen Europa and Asien: Anmerkungen zu einer Perspective: Bonn, 1997. Manuscript.
- Barkmann, 1997 в — Barkmann U. Some Aspects of Geopolitical Situation of Modern Mongolia // Trust with Change and Development. Ed. by A. Sharma. New Delhi, 1997.
- Barkmann, 1998 — Barkmann U. Religiöser Pluralismus und Nationale Indentikat in der Mongolei // KAS/ Auslands Informationer, 02.1998 (Febtuar).
- Barkmann, 1999 a — Barkmann U. Geschichte der Mongolei oder die «Mongolische Frage». Die Mongolen auf ihrem Weq zum eigenen Nationalstaat. Bonn, 1999.
- Barkmann, 1999 б — Barkmann U. Mongolisch-Japanische Beziehungen (1990-1998). Die Mongolei Zwischen Globalisierung und Regionalisierung // Japan. 1998/99. Polirik und Wirtschaft. Hrsg. Manfred Pohl. Hamburg, 1999.
- Barkmann, 2000 — Barkmann U. Geopolitische Interventionen im Kreislauf einer Lamaistischen Wiedergeburt // German Journal of Mongolian Affairs, 2000, № 1.
- Barkmann, 2000 a — Barkmann U. Mongolische Revolutionare Volkspartei (MRVP) im Spagat Zwischen Demokratie und Geopolitik // Asien, Africa, Latinoamerika, 2000, vol. 28.
- Barkmann, 2000 б — Barkmann U. Einige Beobachtangen zum Elite — building in der Mongolei // German Journal of Mongolian Affairs, 2000, № 3.

- Barkmann, 2000 в — Barkmann U. Die Mongolische Viehwirtschaft unter den Bedingungen des Transformationsprozesses // German Journal of Mongolian Affairs, 2000, № 4.
- Barkmann, 2000 г — **Barkmann U. Land-nutzung and Historischen Rahmenbedingungen in der Asseren Mongolei (Mongolischen Volks republik (1696-1940). Versuch der Annäherung an eine Thema. Osaka, 2000.**
- Barkmann, 2001 — Barkmann U. Die Beziehungen zwischen der Mongolei und der VR China (1952-1996). Versuch einer Anamnese. Hamburg, 2001.
- Barkmann, 2002 — Barkmann U. Die Mongolischen Familie im Transformation prozess // Mongolische Natizen Mitteilungen der Deutsch-Mongolischen Gesellschaft. 2002, № 4.
- Batbayar, 2003 — Batbayar Ts. Mongol-Russian Relations in the Post Decade // Asian Survey, 2003, vol. 43, № 4.
- Becker, 1989 — Becker J. Pull Out Brings Fear in Ulan-Bator and Relief to Mongolia. Mongolia has been Firmly in the Soviet Camp, but Now is looking to Beijing // The Gardian, 15.06.1989.
- Becker, 1993 — Becker J. The lost Country. Mongolia Revealed. L., 1993.
- Beer, 1989 — Beer Pdc. Ulan Bator a heure de la perestroika // Le Mond, 18.01.1989.
- Bekales, 1997 — Bekales B. Conquering Financial Freefall: Mongolia's Prescription for Ailing Asian Banks // Development: Development Alternatives Inc. 1997, winter.
- Black, 2001 — Black J. Obstacles to Faster Growth in Transitional Economy of Mongolia. Wash., 2001.
- Bold, 2001 — Bold B. Mongolian Nomadic Society. A Reconstruction of the Medieval History of Mongolia. Curson, 2001.
- Boldbaatar, 1999 — Boldbaatar J. The Eight-Hundredth Anniversary of Chinggis Khan. The Revival and Suppression of Mongolian National Consciousness // Kotkin S. and Elleman R. Mongolia in the Twentieth Century Landlocked Cosmopolitan. NY., 1989.
- Boldbaatar, 2000 — Boldbaatar J. Parliamentary System and Multiparty Structure in Mongolia // Mongolian Political and Economic Development During the Past Ten Yeas and Future Prospect. Taiwan, 2000.
- Boon, 1993 — Boone P. Crossroad Economic Reform in Mongolia // Conference of Socialist Economies in Transition Asia Foundation. May 1993.
- Briller, 1997 — Briller St. For Richer or Poorer. The Impact of Social and Economic Transition in a Mongolian Rural Community // Annual Session of the Association of Asian Studies. Wash., 1997.
- Bruun 2006 — Bruun O. Precious Steppe. Mongolian Nomadic pastoralism in Pursuit of Market. Lanham. 2006.

- Bruun, Odgard 1996 — Mongolia in Transition: Old Patterns New Challenges. Ed. by Ole Bruun and Ole Odgard. Richmond, 1996.
- Bruun, 1996 6 — Bruun O. The Herding House-hold's Economy and Organisation // Mongolia in Transition — Old Patterns. New Challenges. Ed. by Ole Bruun and Ole Odgard. Richmond, 1996.
- Bruun, Ronnas, Narangoa, 1999 — Bruun O. Ronnas P. Narangoa L. Country Analis: Mongolia: Transition from the Second to the Third World? Nordic Institute of Asian Studies. Copenhagen, 1999.
- Bruun, Narangoa, 2006 — Bruun O., Narangoa L. Mongolians from Country to City. Floating Boundaries. Pastoralism and City Life in the Mongol Lands. Copenhagen, 2006.
- Bulag, 1998 — Bulag U. The Mongols at China's Edge. Lanham, 1998.
- Bulag, Humphrey, 1996 — Bulag U., Humphrey C. Some Diverse Representation of the Pan-Mongolian Movement in Dauria // Inner Asia. 1996, № 1.
- Campi, 1991 — Campi A. The Rise of Nationalism in the Mongolian People's Republic as Reflected in Language Reform, Religion and Cult of Chinghis Khan // IAMS Bulletin. 1991, № 2(6).
- Campi, 1992 a — Campi A. An Inside View on Recent Political and Economic Change in Mongolia // US — Mongolia. Advisory Group Inc. Wash.-NY-Ulaanbaatar., 1992.
- Campi, 1992 6 — Campi A. The Unique Challenges Facing Monfolia as It Adapts Its Nomadic Socialist Economy to the Free Market System // Mongolica. A Special Issue Containing Papers of the Sixth International Congress of Mongolists Convened under the Patronage of P. Ochirbat, President of Mongolia (August 11-15 1992. Ulaanbaatar). UB., 1992, vol. 7(28).
- Campi, 1994 — Campi A. The Special Cultural and Sociological Challenges Involved in Modernizing Mongolia's Nomadic Socialist Economy // Opuscula Altaica. Ed. by Edward H. Kaplan and Donald Whisehant. Bellingham, 1994.
- Campi, 1996 — Campi A. Cultural Values and Their Influence on Modernization // Mongolia in Transition. Ed. by Shirin Akiner. L., 1996.
- Campi, 1997 — Campi A. Moving Mongolian Nomadism into the 21 Century: Cultural and Ecological Preservation Coupled with Economic Vitality and National Security // Mongolia. A Special Issue Containing the Papers of the Seventh International Congress of Mongolists Convened under the Patronage of N. Bagabandi, President of Mongolia (12-16 August 1997. Ulaanbaatar). UB., 1997 № 9(30), vol. 1.
- Campi, 1999 — Campi A. A Early US — Mongolian Diplomatic Contacts // Mongolia Survey, 1999, № 6.

- Campi, 2001 — Campi A. Problems Integrating Mongolia's Nomads into 21st Century National State // *Dialog among Civilizations: Interaction between Nomadic and other Cultures of Central Asia*. Papers Presented to the International Symposium. UB., 2001.
- Campi, 2002 — Campi A. Mongolia's Integration With Asia's Heartland — Finding a Future and Rediscovering. The Post // *Mongolica A Special Issue Containing the Papers of the 8th International Congress of Mongolists Convened under the Patronage of N. Bagabandi, President of Mongolia*. UB., 2002.
- Campi, 2003 — Campi A. The Revival of Mongolian Nomadism in the 1990's and Its Implications for Mongolia's Future. Taipei, 2003.
- Campi, 2006 — Campi A. Mongolia's Position in the World on Its 800th Anniversary. Search for National Identity Though Chinggis Khan // *Mongolica. A Special Issue Containing the Papers of the 9th International Congress of Mongolists Convened under the Patronage of Enkhbayar, Presidents of Mongolia (8-12 August 2006 Ulaanbaatar)*. UB., 2006, vol. 19(40).
- Campi, 2007 — Campi A. US Policy toward Mongolia since Diplomatic Recognition in 1987. New Delhi, 2007. Manuscript.
- Cleaves, 1982 — Cleaves F.W. The Secret History of the Mongols. Cambridge (Mass), 1982.
- Dahl, 1979 — Dahl G. Ecology and Equality: the Boran Case // *Pastoral Production and Society*. Cambridge, 1979.
- Dashpurev, Prasad, 1993 — Dashpurev D., Prasad U. Mongolia Revolution and Independence (1911-1992). New Delhi, 1993.
- Denizer, Gelb 1994 — Denizer C., Gelb A. Mongolian Privatization and System Transformation in a Isolated Economy // *Changing Political Economies: Privatization in Post Communist and Reforming Communist States*. Ed. by V.M. Milford. Boulder, 1994.
- Dumas, 1990 — Dumas D. Reformen in der Mongolischen Volksrepublik // *Mitteilungen der Deutschen Mongolischen Gesellschaft*, 1990, April, № 3.
- Dyer, 2001 — Dyer C. Nomads and Education for All. Education and Development or Domestication // *Comparative Education*, 2001, vol. 37, № 3.
- Elleman, 1997 — Elleman Br. The Secret History of Sino-Soviet Diplomatic Relations, 1917-1927 // *Pacific Affairs*. 1993-1994, № 4.
- Endicott, 2006 — Endicott E. State, Land and Nomad Concept on Land Right in Mongolian History // *Mongolica*, 2006, vol. 18(39).
- Endicott, 2007 — Endicott E. The Persistence of Pastoral Nomadism // *Монгол судлаадын огуулууд. Essays on Mongol Studies*. УБ., 2007.

- Finke, 2004 — Finke P. Nomaden in Transformation Prozess: Kasachen in der Post-sozialistischen Mongolei. Munster, 2004.
- French, 2004 — French H. China Moves Toward another West Central Asia // The New York Times, 18.03.2004.
- Fukuyama, 2004 — Fukuyama Fr. The State Building Governance and World order in the Twenty First Century. NY., 2004.
- Gardella, 2006 — Gardella L. Nomadic Herders Political Engagement. A Comparative Study Between Mongolia and Mali // Илтгэлүүдийн товчлол. Summaries of Congress Papers. UB., 2006.
- Gelner, 1998 — Gelner A. State and Society in Soviet Thought. Oxford, 1998.
- Ginsburg, 1995 — Ginsburg T. Political Reform in Mongolia. Between Russia and China // Asian Survey, 1995, vol. 35, № 5.
- Ginsburg, 1997 — Ginsburg T. Mongolia in 1996. Fighting Fire and Ice // Asian Survey, 1997, vol. 37, № 1.
- Ginsburg, 1998 — Ginsburg T. Mongolia in 1997. Deepening Democracy // Asian Survey, 1998, vol. 38, № 1.
- Ginsburg, 1999 — Ginsburg T. Nationalism, Elites and Mongolian Rapid Transformation // Mongolia in the Twentieth Century. Landlocked Cosmopolitan. Ed. by Stephen Kotkin and Bruce Elleman. NY.-L., 1999.
- Ginsburg, Gansoring, 1996 — Ginsburg T., Gansoring G. Constitutional Reform and Human Rights // Mongolia in Transition. Old Patterns. New Challenges. Ed. by Ole Bruun and Ole Odgard. Richmond, 1996.
- Gittings, 2000 — Gittings J. Starving Mongolia Teeters on the Edge // Gardian Weekly. 2000, March 21-30.
- Goldstein, Bell 1994 — Goldstein M., Bell C. The Changing World of Mongolia's Nomads Berkley — Los Angeles 1994.
- Government of Japan, 2003 — Mongolia Donors Consultative Group Meeting Effectiveness and Contribution of official Development Assistance for Mongolia. Government of Japan. Tokyo, 2003.
- Goyl, 1999 — Goyl H. Development Perspective on Mongolia // Asian Survey, 1999, vol. 29. № 4.
- Griffin, 1995 — Poverty and Transition to Market Economy in Mongolia. Ed. by Griffin K.L., 1995.
- Haining, 1996 — Haining Th. The Yak, the Bear and the Dragon: the Uneasy Red Fellows: a Cautionary Talk of Russia and Chinese Influence on Mongolian History // Journal of the Royal Asiatic Society, 1996. Third Series, № 3.
- Heinzig, 1990 — Heinzig D. Tauwetter in Ulan-Bator // MDMG. 1990, April № 9.

- Humphrey, 1983 — Humphrey C. Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Form. Cambridge, 1983.
- Humphrey, 2002 — Humphrey C. The Unmaking of Soviet Lives: Every Day Economies after Socialism. Ithaka — NY., 2002.
- Humphrey, Sneath, 1996 a — Culture and Enviroment in Inner Asia. Ed. by Caroline Humphrey and David Sneath, vol. 1-2. Cambridge, 1996.
- Humphrey, Sneath, 1996 б — Humphrey C., Sneath D. Pastoralism and Institutional Change in Inner Asia Compatative Perspectives from the Meccia Research Project. L., 1996.
- Humphrey, Sneath, 1999 — Humphrey C., Sneath D. The End of Nomadism? Society, State and Environment in Inner Asia. Durham (USA) — Cambridge (UK), 1999.
- IBMS, 1997 — International Bibliography of Mongolian Studies // Mongolica 1997, vol. 8.
- IMF, 1991 — Milneletal. The Mongolian People's Republic: Towards a Market Economy. Wash., 1991.
- IMF, 1994 — Mongolia Transition: a Market Economy is on Track // IBF Survey. April 18 1994. Wash., 1994.
- IMF, 2001 — Black Obstacles to Further Growth in Transitional Economics Mongolian Case. Wash., 2001.
- IMF, 2003 — Chang K. Growth and Recovery in Mongolia during Transition. Wash., 2003.
- Jagchid, 1988 — Jagchid S. Essays in Mongolian Studies (Monograph Series of the David M. Kennedy Center for Internationak Studies vol. 3). Provo, 1988.
- Jagchid, Hyer 1979 — Jagchid S., Hyer P. Culture and Society with a Forward by J. Fletcher. Boubder (Colorado, USA) — Folfestone (UK), 1979.
- Kaplonski, 1996 a — Kaplonski Chr. Memory of the Hero is his Second Life. Truth, History and Politics in Mongolia Phd Degrec. Rutgers University. NY., 1996.
- Kaplonski, 1996 б — **Kaplonski Chr. The Geopolitics of Indifference: Mongolia and the History of Anthropology.** Paper Presented the American Anthropological Association — Conference Philadelphia 20.11.1996. Manuscript.
- Kaplonski, 1998 — Kaplonski Chr. Creating National Identity in Socialist Mongolia // Central Asia Survey, 1998. vol. 17, № 1.
- Kaplonski, 2000 — Kaplonski Chr. Reconstructing Mongolian Nationalism: the View Ten Years on // Mongolian Political and Economic Development daring the Past Ten Years and Future Prospect. Taipei, 2000.

- Kaplonski, 2004 — Kaplonski Chr. Truth, History and Politics in Mongolia: the Memory of Heroes L., NY., 2004.
- Kaplonski, 2004 — Kaplonski Chr. Mongolia: Democracy on the Steppe. L., 2004.
- Kaplonski, 2005 — Kaplonski Chr. The Case of the Disappearing Chenggis Khan. Dismembering the Remembering // *Al Imperia*, 2005, № 4.
- Korsun, 1995 — Korsun G. Inside Ownership. Internal Influence Enterprise Behavior: Evidence from the Mongolian Large Privatization. Ph. D. Dissartation-University of Maryland. Annapolis, 1995.
- Korsun, Murrel, 1994 — Korsun G., Murrel U. Ownership and Governance on the Morning after the Initial Results of Privatization in Mongolia // *IRIS Working Paper*. University of Maryland. Annapolis, 1994.
- Korsun, Murrel, 1995 a — Korsun G., Murrel U. The Effect of History. Ownership and Privatization. Restructuring on Post Privatization Governance // *IRIS Working Paper* University of Maryland. Annapolis, 1995.
- Korsun, Murrel, 1995 б — Korsun G., Murrel U. Politics and Economics of Mongolia's Privatization Program // *Asian Survey*, 1995, vol. 35, № 5.
- Kotkin, 1991 — Kotkin St. Steeltown. USSR: Soviet Society in the Gorbachev Era. Princeton, 1991.
- Kotkin, 1995 — Kotkin St. Magnetic Mountain: Stalinism as Civilisation. Princeton, 1995.
- Kotkin, Elleman, 1999 — Mongolia in the Twentieth Century. Landlocked Cosmopolitan. Ed. by Stephen Kotkin and Bruce Elleman. NY,-L., 1999.
- Kraey, 1992 — Kraey A. A Workable Privatization Program: Lessons from the Mongolian Experience NY., 1992.
- Krader, 1953 — Krader L. Cultural and Historical Position of the Mongols // *Asia Major*. 1953. vol. 3., pt. 3.
- Krader, 1963 — Krader L. Social Organization of the Mongol-Turkish Pastoral Nomads. The Hague, 1963.
- Kuntze, 1989 — Kuntze P. In der Steppe dreht sich Wind // *Suddeutsshe zeitung*. 02.07.1989.
- La Porta, Grossman, 1998 — La Porta A.F., Grossman D.A. The Future in Now // *MJIA*, 1998, № 5.
- La Porta, Crichfield — La Porta A.F., Crichfield A. US. Mongolian Relations: Two Years of Progress // *MJIA*, 2000, № 7.
- Lattimore, 1935 — Lattimore O. On the Wickedness of Being Nomads // *Asia*, 1935, vol. 35, № 10.
- Lattimore, 1959 — Lattimore O. Studies in Frontier History. Collected Papers 1928-1958. P., 1959. Second Edition — NY., 1962.

- Lax, 1995 — Lax C. Mongolei in Strategischen Kraftfeld Asien. Baden-Baden, 1995.
- Man, 2004 — Man J. Genghis Khan: Life. Death and Resurrection. NY., 2004.
- Marsh, 2000 — Marsh P. Mongol Herders Experienced Difficult Winter of 1999-2000. But are Things Getting any Better? // Mongol Survey, 2000, № 7.
- Mearns, 1993 — Mearns R. Pastoral Institutions, Land Tenure and Land Policy Reform in Post Socialist Mongolia // Institute of Development Studies. University of Sussex. Brighton, 1993.
- Mearns, 2004 — Mearns R. Decentralization Rural Livelihoods and Pasture Management in Post Socialist Mongolia // European Journal of Development Research. 2004, № 16.
- Merz, 1993 — Merz J. Die Mongolei auf dem Weg zu pluralistischen Demokratie und Marktwirtschaft: die neue Mongolische Verfassung von 1992 // Verfassung und Recht, 1993, band 26, № 1.
- Mongolia today, 2003 — Mongolia today. Science, Culture, Environment and Development. L., 2003.
- Mongolian, 2000 — Mongolian Political and Economic Development During the Past Ten Years and Future Prospect. Taipei, 2000.
- Morgan, 1990 — Morgan D. The Mongols. Cambridge, 1990.
- Neuport, Goldstein, 1994 — Neuport R., Goldstein S. Urbanization and Population Redistribution in Mongolia // East-West Center Occasional Papers. Population Series, № 122. Wash., 1994.
- Nixon, 2000 — The Mongolian Economy: A Manual of Applied Economics for a Country in Transition. Ed. by F. Nixon, L. Lubsanjav and B. Walters. Northampton, 2000.
- Nixon, Walters, 1999 — Nixon F., Walters B. Administrative Reform and Economic Development in Mongolia // 1990-1997. A Critical Perspective // Policy Studies Review, 1999, vol. 16, № 2.
- Nomaden, 1994 — Die Nomaden der Mongolei: eine Hirtenkultur zwischen Tradition und Moderne. Aus American ubrs. Von Amelie Stenk. Nurenberg, 1994.
- Nordby, 1993 — Nordby J. Mongolia. Oxford, 1993.
- Odgard, 1996 — Odgard O. Living Standards and Poverty // Mongolia in Transition. Ed. by Ole Bruun and Ole Odgard. Richmond, 1996.
- Oliver, 2000 — Oliver. The New Central Asia. The Creation of Nations. L., — NY., 2000.
- Quester, 1996 — Quester G. American Sensitivity Toward Mongolia // MJIA, 1996, № 3.

- Ratchnevsky, 1997 — Ratchnevsky P. Genghis Khan. His life and Legacy. NY., 1997.
- Rivero, 2001 — Rivero O. de. The Myth of Development. The New Viable Economies of the 21 Cntury. L., — NY., 2001.
- Rosenberg, 1974 — Rosenberg D. Negdel Development: a Social-Cultural Perspective // Mongol Studies, 1974, vol. 1.
- Rosenberg, 1977 — Rosenberg D. Political Leadership in Mongolian Nomadic Pastoralist Collective. Ph D Dissertation . University of Minnesota. Cant Pol., 1977.
- Rosenberg, 1981 — Rosenberg D. Leaders and Leadership Roles in a Mongolian Collective: Two Cases // Mongol Studies, 1981-1982, vol. 7.
- Rosenberg 1996 — Rosenberg D. Cultural Issues in the Privatization of Mongolia's Pastoral Production // Mongolica, 1996, vol 7.
- Rossabi, 1992 — Rossabi M. Mongolia. A New Opening // Current History, 1992, September.
- Rossabi, 1997 — Rossabi M. Mongolia in 1990: From Commissars to Capitalists // Open Society in Central Eurasia Occasional Papers Series, UB., August, 1997.
- Rossabi, 2000 — Baunty from the Sheep: Autobiography of a Herdsman. Trsl by Mary Rossabi. Introduction by Morris Rossabi. Cambridge, 2000.
- Rossabi, 2000 a — Rossabi M. A New Mongolia in a New World // Mongolian Political and Economic Development during the Past Ten Years and Future Prospect. Taipei, 2000.
- Rossabi, 2000 6 — Rossabi M. Coverning China's Multiethnic Frontiers. Berkeley-Los-Angeles, 2000
- Rossabi, 2004 a — Rossabi M. Modern Mongolia From Khan to Commissars to Capitalists. Berkeley-Los-Angeles, 2004.
- Sabloff, 2001 — Modern Mongolia: Reclaiming Chenghis Khan. Ed. by Paula W. Sabloff. Philadelphia, 2001.
- Sabloff, 2002 — Sabloff P. Genghis Khan and Modern Asia Identity: the Democracy Connection // MJIA, 2002, №8-9.
- Sachs, 1997 — Towards Economic Strategies for Rapid Growth in Mongolia. Ed by J. Sachs. Cambridge (Mass.), September 1997.
- Sachs, Walner 1997 — Sachs J., Walner A. Prospect of Rapid Economic Grows in Mongolia. Cambridge (Mass.), June 1997.
- Sahlins, 1961 — Sahlins M. The Segmentary Lineage System: an Organization of Predatory Expansion // America anthropologist, 1961, vol. 63.

- Sanders, 1989 — Sanders A. Mongolia in 1988/ Year of Renewal // Asian Survey, 1989, vol. 29, № 1.
- Sanders, 1990 а — Sanders A. Mongolia in 1989. Year of Adjustment // Asian Survey, 1990, vol. 30.
- Sanders, 1990 б — Sanders A. Stirring the Hot Pot — a New Political Group Presses for Reforms // FEER. 01.02.1990.
- Sanders, 1990 в — **Sanders A. Hural for the Party Oppositions Claim Government in Stalling on Reform** // FEER. 05.04.1990.
- Sanders, 1990 г — **Sanders A. Fair Promise Communists Announce Multiparty Polls** // FEER. 05.04.1990.
- Sanders, 1990 д — Sanders A. Democracy Demands Direct Elections and Multiparty System // FEER. 31.05.1990.
- Sanders, 1990 е — Sanders A. Mongolia 1990 // Asian Affairs, 1991, vol. 22, № 2.
- Sanders, 1991 а — Sanders A. Restructuring and «Openess» // Mongolia to day. Ed. by Sh. Akiner. L., 1991.
- Sanders, 1991 б — Sanders A. Mongolia in 1990 // Asian Affairs, 1991, vol. 22, № 2.
- Sanders, 1992 — Sanders A. Mongolia's New Constitution // Asian Survey, 1992, vol. 11, № 6.
- Sanders, 1996 а — Sanders A. Mongolia's Position, as a Landlocked State // Mongolica. A Special Issue Containing the Papers of the Sixth International Congress of Mongolists. Convened under the Patronage of P. Ochirbat, President of Mongolia (August 11-15.1992. Ulaanbaatar). UB., 1996, vol. 7.
- Sanders, 1996 б — **Sanders A. Foreign Relation and Foreign Policy** // **Mongolia in Transition**. Ed. by Ole Bruun and Ole Odgard. Richmond, 1996.
- Sanders, 1996 в — Sanders A. Historical Dictionary of Mongolia. P., 1996; Second Edition. P., 2003.
- Sanders, 1997 — Sanders A. Mongolia's Foreign Policy in the 1980-1990 // Mongolia Trust with Change and Development. Ed. by RC. Shatma. New Delhi, 1997.
- Sanders, 1999 — Sanders A. Parliament in Mongolia // Parliaments in Asia. Ed. by Philip Norton. L., 1999.
- Sheehy, 1996 — Sheehy D. Sustainable Livestock. Use of Pastoral Resources // Mongolia in Transition. Ed. by Ole Bruun and Ole Odgard. Richmond, 1996.
- Severin, 1991 — Severin T. In Searge of Gingham Khan Land. Sydney, 1991.

- Severinghaus, 1995 — Severinghaus Sh. Mongolia in 1994 — Strengthening Democracy // Asian Survey, 1995, vol. 12.
- Slutz, 2005 — Slutz P.J. United States — Mongolia Relations: A Comprehensive Partnership Based on Shared Values and Common Strategic Interests // The Mongol Survey. Bulletin of the Mongolia Society. 2005, № 15.
- Sneath, 1991 — Sneath D. Changing Inner Mongolia. Pastoral Mongolian Society and Chinese State Cambridge (UK), 1991. 2nd edition — Oxford, 2000.
- Sneath, 1993 — Sneath D. Social Relations Net works and Social Organization in Post Socialist Rural Mongolia // Nomadic Peoples. 1993, № 33.
- Sneath, 1998 — Sneath D. State Policy and Pastoral Degradation in Inner Asia // Asia Science. 1998, vol. 281.
- Sneath, 1999 — Sneath D. Mobility, Technology and Decollectivisation of Pastoralism in Mongolia // Mongolia in the Twentieth Century. Landlocked cosmopolitan. Ed. by St. Kotkin and Br. Elleman. NY,-L., 1999.
- Sneath 2003 — Sneath D. Land Use, the Environment and Development in Postsocialist Mongolia // Oxford Development Studies. 2003, vol., 3, № 4.
- Sneath, 2004 — Sneath D. Property, Regimes and Socialtechnical Systems: Rights over Land in Mongolia's Age of Market // Property in Question: Value Transformation in the Global Economy. Ed. by Verderik and Humphrey C. Oxford — NY., 2004.
- Sneath, 2006 a — The Rural and the Urban in Pastoral Mongolia // From Country to City: Floating Boundrics, Pastoralism and City Life in the Mongol Lands. Ed. by Ole Bruun and Li Narangoa. Copenhagen, 2006.
- Sneath, 2006 б — States of Mind. Power, Place and the Subject in Inner Asia. Ed. by David Sneath. Bellingham, 2006.
- Stern, 1989 — Stern V. Dschinges Khan aufbegarende Erben // Suddeutsche Zeitung, 22.08.1989.
- Schran, 1999 — Mongolia and North East Asia. Economic Development and Regional Cooperation / Ed. by Schran P. University of Illinois Urbana Champaign, 1999.
- Schwartz, 2006 — Mongolian Culture and Society in the Age of Globalization. Ed. by G. Schwartz. West Washington University. Bellingham, 2006.

- Tomlinson, 1998 — Tomlinson R. From Cenghis Khan to Milton Friedman Mongolia's Wild Ride to Capitalism // *Fortune*, 07.12.1998.
- Tumurchuluun 1999 — Tumurchuluun G. *Mongolian Foreign Policy Revised: Relations with Russia and PRC into 1990* // *Mongolia in the twentieth Century. Landlocked Cosmopolitan*. Ed. by St. Kotkin and Br. Elleman. NY., L., 1999.
- Vreeland, 1957 — Vreeland G. *Mongol Community and Kinship Structure*. New Haven, 1957.
- Weatherford, 2004 — Weatherford J. *Ginghis Khan and Making of the Modern World*. NY., 2004.
- White, 1990 — *Communism and Postcommunism in Political Systems*. Ed . by Stephen White ctal. NY., 1990.
- World Bank, 1992 — *The Mongolian People's Republic: Towards Market Economy. (A World Bank Study)*. Wach., 1992.
- World Bank, 1993 a — *Staff Appraisal Report: Mongolia Economic Transition Support. Credit. China and Mongolia Department. The World Bank*. Wash., 1993.
- World Bank, 1993 б — Honjoo V. *The Development of the Private Sector in Small Economy in Transition. The Case of Mongolia World Bank Discussion Paper № 223*. Wash., 1993.
- World Bank, 1994 a — *Mongolia Country Economic Memorandum. World Bank Report*. Wash., 1994.
- World Bank, 1994 б — Harpert C. *An Assessment of Vulnerable Group in Mongolia: Strategies for Social Policy Planning*. Wash., 1994.
- World Bank, 2000 — *Mongolia: Participatory Living Standards Assessment*. UB., 2000.
- World Bank, 2002 — *Rural Development Strategy for Mongolia*. UB., 2002.
- World Bank, 2004 — *Mongolia. Country Assistance. Evolution Report № 29170. // World Bank Operation Evaluation Department*. Wash., 2004.
- Ziegler, 1994 — Ziegler E. *Russia and Asia Pacific: Mayor Power or Minor Participant* // *Asian Survey*, 1994, vol. 14, № 6.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авери М. (Avery M.) 172, 9
Акинер Ш. (Akiner Sh.) 10, 25, 26, 135, 172, 175, 182
Амар А. 158
Амаржаргал Р. 39, 143
Ахтен П. (Achten P.) 137
Багабанди Н. 47, 115, 128, 146, 148, 166
Бакула Р. (Bakula R.) 99, 160
Баркман У. (Barkmann U.) 20, 47, 48, 96–99, 101, 102, 104–108, 123–128, 137, 146, 157–160, 163, 169, 173, 174
Батмунх Ж. 26, 27, 30, 38, 140, 142, 171
Бат-Уль Э. 141
Батцэнгэл Б. 142
Бейкер Дж. (Becker J.) 10, 102, 113, 114, 137, 138, 165, 166, 174
Белл С. (Bell S.) 10, 11, 13, 53, 68, 69, 71–74, 177, 183
Билигт Г. 142
Брун О. (Bruun O.) 13, 14, 21, 31, 44, 52, 53, 62, 68–71, 73, 74, 85, 136, 151, 152, 156, 174, 175, 180, 182, 183
Бямбасурэн Д. 54, 55, 58, 59, 113, 125, 135, 142, 145, 163, 165
Гамандорж Б. 142
Ганболд Д. 34, 36, 37, 39, 55, 59, 66, 141, 145
Ганжуров В. Ц. 161, 170
Гинзбург Т. (Ginsburg T.) 30, 41–52, 89, 103, 138, 144, 145, 157, 163, 177
Гиттинг Дж. (Gitting J.) 153, 177
Голдштейн М. (Goldstein M.) 10, 11, 13, 53, 68, 69, 71–74, 85, 86, 177, 180
Гончигдорж Р. 104, 145
Горбачев М. С. 27, 31, 38, 136, 170
Далай-лама 98, 109, 159, 160
Дашпурев Д. 31, 139
Дорлигжав Д. 142
Дэмбэрэл К. 161, 170, 171
Дээжид Б. 26
Ельцин Б. Н. 147
Еллеман Бр. (Elleman Br.) 14, 30, 89, 157, 174, 176, 177, 179, 183, 184
Жавхалант Ц. 142
Жагчид С. (Jachid S.) 79

- Жадамба Ш. 104
Жасрай П. 145
Зардыхан К. 28, 145
Зориг С. 34, 35, 38, 39, 140, 143
Кайф У. (Kaif U.) 124, 125, 169
Каплонски Кр. (Kaplonski Ch.) 94–96, 136, 178, 179
Квестер Дж. (Kwester J.) 112, 165
Клифс Ф.В. (Cleaves W.) 92, 176
Корсун Г. (Korsun G.) 52, 53, 58, 61, 62, 146, 147, 179
Коткин Ст. (Kotkin St.) 14, 30, 89, 136, 157, 174, 177, 179, 183, 184
Кэмпи А. (Campi A.) 4, 13, 80, 82–87, 90, 91, 93, 94, 111, 112–117, 129, 130, 133, 154–156, 164–167, 175, 176
Ла Порта (La Porta A.) 111, 112, 114, 115, 117, 119, 164, 165, 167–169, 179
Латтимор О. (Lattimore O.) 14, 79, 115, 179
Лохууз Ц. 33, 139
Минис С. 28
Моломжамц Д. 26, 37, 38
Морган Д. (Morgan D.) 92, 180
Мюррел П. (Murrel P.) 52, 53, 58, 61, 62, 147, 179
Мэн Дж. (Man J.) 90, 180
Намсрай Ц. 38
Намхайн Ямбду Ц. 156
Нарангоа Ли 21
Нинже Д. 142
Нойнигер (Neuniger N.) 137
Нямбуу Б. 33, 139, 155.
Одгарт О. (Odgard O.) 14, 44, 62, 68, 69, 71, 75, 76, 136
Очирбат П. 43, 103, 104, 108, 114, 124, 141, 143, 144, 165, 170
Оюун С. 39, 56, 66, 143
Прингл Дж. (Pringl J.) 137
Рачневски П. (Rachnevsky P.) 137
Розенберг Д. (Rosenberg D.) 13, 70, 75, 77, 78, 151, 181
Россаби Мэри (Rossabi Mary) 156, 181
Россаби Моррис (Rossabi Morris) 3, 15–18, 19, 32, 34–40, 42, 45, 46, 52, 54–57, 63, 64, 66, 70, 71, 73, 75, 76, 85, 93, 96, 105–111, 114, 117, 119, 121–123, 125–127, 129, 136, 141–144, 147–150, 152, 153, 156, 162, 163, 167, 181.
Рязановски Н. 14

- Саблофф П. (Sabloff P.) 9, 91–93, 158, 181
Сакс Дж. (Sachs J.) 55, 147, 181
Сандерс А. (Sanders A.) 3, 8, 9, 26–30, 32, 33, 44, 45, 50, 101–104, 106, 108, 135, 145, 161–163, 182
Слутц П. (Slutz P.) 111, 114–118, 164, 166–168, 183
Снис Д. (Sneath D.) 11–13, 68, 70, 71, 75–77, 79–81, 83, 85, 87, 135, 153–155, 178, 183
Стратхов С. (Straathof S.) 137, 138
Сурмажав Б. 33
Томлинсон Р. (Tomlinson R.) 52, 58, 146, 184
Уезерфорд (Weatherford) 90, 184
Уильямс Р. (Williams R.) 113
Уолтерс Б. (Walters B.) 57, 112, 146, 180
Хамфри К. (Humphrey C.) 11, 12, 79–81, 83, 85, 135, 154, 155, 175, 178, 183
Хашбат Л. 143, 161
Хулан Х. 39, 66, 143
Цеденбал Ю. 25–29, 31, 47, 139, 142
Циглер Е. (Ziegler E.) 101, 184
Цзянь Цзи мин 103
Чингис-хан 4, 6, 8, 9, 16, 24–26, 89–99, 134, 136, 139, 146, 153, 157, 158
Чойбалсан Х. 25, 29, 47, 139
Штерн К. (Stern K.) 24, 25, 137
Элбэгдорж Ц. 39, 50, 66, 142, 149
Эрдэнэбат Э. 142
Эрдэнэ билиг Т. 143
Ян Шань кун 103, 104, 162

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АЙРЕКС (IREX) — Управление международных исследований и обмена, США

ВГХ — Великий государственный хурал

ВНХ — Великий народный хурал

МДС — Монгольский демократический союз

МДП — Монгольская демократическая партия

МОНГУ — Монгольский государственный университет

МОНЦАМЭ — Монгольское телеграфное агентство

МСДП — Монгольская социал-демократическая партия

МУТ — Монгол улсын туух (История Монголии)

МУСЭ — Монгол улсын статистикийн эмхтгэл (Монгольский статистический ежегодник)

НМ — Новости Монголии

НПО — неправительственные организации

УБ — Улан-Баатар

ADB — Asian Development Bank

DANIDA — Danish International Development Assistance Agency

FEER — Far Eastern Economic Review

IAMS — International Association for Mongol Studies

IBMS — International Bibliography of Mongol Studies

IMF — International Monetary Fund

JICA — Japan International Cooperation Agency

MDMG — Mitteilungen der Deutschen Mongolei Gesellschaft

MJIA — Mongol Journal of International Affairs

MM — Mongol Messenger

MS — Mongol Studies — Journal of the Mongolian Society. Bloomington

MSNL — The Mongolic Society News-Letter, Bloomington

L. — London

NY — New York

UB — Ulaanbaatar

UK — United Kingdom (England)

US AID — American Agency for International Development

P — Paris

WB — World Bank

МОНГОЛЬСКИЕ ТЕРМИНЫ

Аил — семья, хозяйство 75, 152.

Аймак — административная единица, область 11, 13, 47, 68–70, 72, 85, 87, 109, 119, 139, 141–143, 145, 146, 153–157

Баг — низшая административная единица 13

Сомон — административная единица, район 11, 13, 68, 70, 72–74, 76, 84, 86, 142, 143, 152–154, 156

Засаг — владетельный князь 153

Худон — сельская местность 6, 13, 35, 69, 71, 72, 76, 79, 81, 86, 116, 156

Хубалгаан — перерожденец буддийского святого 97, 158, 160

Хутухта — высший духовный сан; перерожденец 98, 99, 158–161

SUMMARY

The Victory of the Mongolian Democratic Revolution in 1990, followed by radical changes in the state system, social and spiritual spheres of life, caused the burst of the scholarly and popular interest in the country in the Western world. This interest was stimulated by the steady growth of political, economic and cultural relations between the newly emerged Mongolia and western powers, which have turned into the main sponsors, advocates and to a certain extent organizers of the reforms in Mongolia.

And if in the past the Mongolian Peoples Republic was the object of ignorance and discrimination as an oldest “Soviet satellite”, now in the eyes of the West, the post-socialist Mongolia became “the precious child of democracy”.

All this is reflected in the numerous western publications, dealing with the major issues of the Mongolian history since 1990.

The authors of these publications expressed different points of view and gave different estimates to the events they described.

Some of them discussed the dramatic events at the end of 1989 — the beginning of 1990 — as the true, but peaceful revolution, others — as the peaceful transition to the new order, initiated and realized by the Mongolian elite.

There were positive and negative approaches and conclusions on such problems, as the establishing of the new democratic institutions, privatization processes and the “shock therapy” in economy, the present state and future of Mongolian nomads, etc.

But the cult of Chengiz Khan and the revival of Buddhism were almost unanimously appraised as the mighty factor strengthening the national unity and the Mongolian identity.

Concerning the Mongolia’s international position, the Western scholars indicated the stable relations with Russia, the growing influence of China in the Mongolia economy and the great importance of the material and financial aid from USA, Japan and Western Europe.

As a whole the West highly appreciated the capitalist path chosen by Mongolia, and her efforts to build the humane and democratic society.

Научное издание

Гольман Марк Исаакович

СОВРЕМЕННАЯ МОНГОЛИЯ В ОЦЕНКАХ
ЗАПАДНЫХ АВТОРОВ

Утверждено к печати

Институтом востоковедения РАН

Редактор *М. С. Грикурова*

Корректор *М. Я. Колесник*

Верстка *А. В. Ельцевой*

Изд. лиц. ИД № 04697 от 28.04.2001 г.

Подписано в печать 18.11.09. Формат 60х90/16

Усл. п. л. 12. Уч.-изд. л. 9,5

Институт востоковедения РАН

107031, Москва, ГСП, ул.

Рождественка, 12

Научно-издательский отдел

Зав. отделом И. В. Зайцев